

Юрий Крючков

НА ГРАНИ ВЕКОВ

Исторические повести

Колесо Фортуны

Камергер и Кончита

Послесловие к рок-опере «Юнона и Авось»

Храм Весты

издательство
ИРИНЫ ГУДЫМ
НИКОЛАЕВ - 2007

УДК 821.161.1 (477)-32.6

ББК 84.4УКР=РОС6-44

К 85

К 85   Крючков Ю.С. «На грани веков». Исторические повести. - Николаев: Издательство Ирины Гудым. - 2007. - 408 с.

В книгу включены три произведения, охватывающие столетний период истории России (1750–1850 гг.)

Колесо Фортуны. Повесть.

Увлекательный рассказ о жизни и хитросплетениях судеб шотландца, корсара, основателя американского флота, русского адмирала Пола Джонса; испанца, сражавшегося под стенами Очакова, русского адмирала, основателя Одессы Иосифа Дерибаса; самозванки, претендентки на русский престол «княжны Таракановой»; вдохновительницы и организатора заговора и убийства Павла I красавицы Ольги Жеребцовой.

Камергер и Кончита. Послесловие к рок-опере «Юнона и Авось». Новелла.

Основанный на документах правдивый рассказ о драматической жизни русского дипломата, камергера Николая Резанова, о его любовной связи с юной испанкой Кончитой Аргуэльо и о трагических судьбах командиров судов «Юнона» и «Авось», о переплетениях их жизненных путей, а также об острых взаимоотношениях Резанова и Ивана Крузенштерна во время первого российского кругосветного плавания.

Храм Весты. Эссе.

Рассказ о драматической жизни русского адмирала, командира Черноморского флота, военного губернатора Николаева и Севастополя Алексея Грейга и его «подпольной» жены Юлии, о сложных их взаимоотношениях с мичманом Владимиром Далем, вице-адмиралом Михаилом Лазаревым, бухгалтером Черноморского флота Яцыным и другими лицами, клеветавшими на Грейга и его жену и травившими их.

ISBN 966-8592-25-5

УДК 821.161.1 (477)-32.6

ББК 84.4УКР=РОС6-44

Видання надруковано в рамках обласної Програми підтримки вітчизняного книговидання та книгорозповсюдження у Миколаївській області на 2006 - 2010 роки.

© Ю.С. Крючков

© Издательство Ирины Гудым

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателям книга повествует о бурных событиях отечественной истории, происходивших на грани веков, охватывая вторую половину XVIII и первую XIX веков. В этот столетний период Россия, ведя несколько победоносных войн и развиваясь, превращалась в могучее европейское государство. В борьбе с извечными врагами – Турцией и Швецией – огромную роль сыграл русский флот и его моряки.

В рассматриваемое время происходили громкие события на суше и на море: уничтожение турецкого флота при Чесме и победа над шведским при Гогланде, сражения на Днепро-Бугском лимане под стенами Очакова, разгром армий Наполеона и многие другие. Но были и мирные достижения – первое кругосветное плавание и основание Русской Америки.

На тот же период приходится завоевание Северного Причерноморья, основание Черноморского флота и приморских городов Херсона, Николаева, Севастополя, а затем и Одессы. Во всех этих событиях проявили себя такие выдающиеся личности, как Г.А. Потемкин, А.Г. Орлов, С.К. Грейг, А.С. Грейг, И.Ф. Крузенштерн, Н.П. Резанов и другие. Среди моряков было немало иностранцев, таких, например, одиозных личностей, как Пол Джонс и Иосиф Дерибас.

Автор надеется, что благосклонные читатели не будут смотреть на книгу глазами людей XXI века. Все же это были иные времена, когда процветали интриги, карьеризм, подкуп, заговоры и убийства (кстати, как и сейчас). Это была иная жизнь и

другие нравы, быт и обычаи; даже говорили и писали немного отличным от нашего языком. Чтобы «погрузить» читателей в атмосферу тех времен, автор широко использует печатные и архивные документы, дневники и письма, сохраняя, как это принято, грамматику, язык и стилистику оригиналов, а также подлинные диалоги.

Читатели не должны удивляться «разночтению» имен и фамилий действующих лиц. Дело в том, что в те времена фамилии и имена сменялись не только с развитием речи, но и в соответствии с чинами, должностями и званиями, а также традициями. Особенно это характерно для иностранцев на русской службе. Так, шотландец Сэмюэл Грейг в России подписывался «Грейк», а в официальных документах именовался Самуил Грейг, а потом – Самуил Карлович Грейг. Его сын вначале писался как Алексей Самойлович, а потом – Алексей Самуилович. Знаменитый корсар, шотландец, на родине был Джоном Полом, в Америке переименовал себя в Пола Джонса, во Франции он стал Полем Жонесом, а в России его именовали, кто как хотел: Павел Жонес, Поль Джонс, Пауль Йонс и т.д. То же и с испанцем Хосе Рибасом: вначале на русской службе он то Осип Рибас, то Иосиф де-Рибас, а потом – Иосиф Михайлович Дерибас. По этим причинам автор использует те имена и фамилии, которые отвечали принятому написанию в соответствующее время или как они были написаны в документах.

Высказывания, диалоги и цитаты, взятые из печатных и архивных источников (документы, мемуары, письма, дневники и т.п.) выделены курсивом.

Автор

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

историческая повесть

ОТ АВТОРА

*Мы плывём дорогой предков,
над могилами плывём.*

Иван Радченко
«Наши пенные следы».

Сполгода тому назад я увидел по телевизору интересный эпизод, в котором один из наших граждан, демонстрируя какую-то бумагу, поведал следующее.

Недавно, после смерти его родителей, он рылся в семейном архиве и нашёл странный и удивительный документ, кажется, на английском. Это было что-то вроде генеалогического древа или дворянской грамоты. После перевода документа оказалось, что это – свидетельство, подтверждавшее, что один из его родителей является родственником английской королевской семьи. Там же было сказано, что у какого-то английского принца королевской крови в начале девятнадцатого века была русская любовница, у которой от него родился сын. Наш украинец оказался прямым потомком этого сына, а значит, и родственником королевы Елизаветы II.

Я посмеялся над этим рассказом, который казался мне данью нынешней моде – искать своих аристократических предков. Но вот через некоторое время, опять же по телевидению, прошла передача о Павле I и прозвучало, что чуть ли не главным организатором убийства этого царя была некая Ольга Жеребцова.

Я бы об этих передачах со временем и забыл, если бы недавно, перечитав несколько книг об императоре Павле I, не обнаружил, что Ольга Жеребцова – это реальное лицо и очень активная участница заговора против Павла Петровича. И в этом заговоре играл большую роль герой русско-турецкой войны, испанец на русской службе Дерibas, прославившийся основанием и строительством Одессы. Но он знаменит не только этим, а ещё и тем, что храбро воевал под стенами Очакова и оказал своему другу Суворову неоценимую помощь при штурме Измаила.

А под Очаковым, в морских сражениях, Дерibas (тогда ещё Рибас) бился плечом к плечу с русским контр-адмиралом, знаменитым корсаром и основателем американского флота шотландцем Полем Джонсом. И как полагают некоторые исследователи, именно Рибас был тем загадочным русским капитаном, который сумел заманить в капкан не менее знаменитую авантюристку, претендовавшую на русский престол, – «принцессу Елизавету Волдомирскую», вошедшую в историю под именем самозванки «княжны Таракановой».

Так в один узел сплелись нити судеб разных людей – шотландца Поля Джонса, испанца Хосе Рибаса, польской еврейки Эмилии Шёлль и русской аристократки Ольги Жеребцовой. И хотя они все были разными не только по национальности, но и по личным устремлениям, но всех их объединяет общность характеров: это были авантюристы, интриганы и заговорщики. И не удивительно, что их жизни переплетались, как нитью, с судьбой Дерibasа, потому что этот выдающийся представитель восемнадцатого века отличался всеми названными чертами: он был

отчаянным авантюристом, заговорщиком, типичным сыном своего времени.

Сопоставив жизни названных лиц, я был удивлён тем, как таинственные Парки плетут свои незримые нити, связывая воедино судьбы разных людей. Неожиданно стали возникать в душе острые сюжетные линии их жизней, рука потянулась к перу, и вот по бумаге побежали первые строки...

Так родилась эта повесть, которую я отдаю на суд благосклонных читателей.

Хочу заметить, что помимо названных выше «героев» моей повести, в ней фигурируют и другие исторические личности, но они лишь образуют фон, на котором развёртываются авантурные коллизии главных действующих лиц.

И ещё, я использовал, где возможно, подлинные письма, высказывания и диалоги, считая, что таким путём я точнее отражу исторические события и полнее смогу передать колорит той эпохи – Восемнадцатого Века.

Вслед за знаменитым русским писателем графом Салиасом могу повторить: «Если верить в перевоплощения, то не могло бы быть сомнения, что я когда-то жил именно в XVIII веке. Этот век – мой любимый. В нём я – как дома».

В заключение хочу привести напутственные строки из Уолта Уитмена:

Спешите, спешите, моя книга!

Раскройте свои паруса, утлое судёнышко,
над величественными волнами.

ГЛАВА I

ДВА КАПИТАНА

Капитан Джон Пол

Барвар в одежде тонкого сукна.

Г. Мелвилл

«Израиль Поттер»

Графиня Селкирк проснулась от какого-то крика. Была тихая летняя ночь, и через полуоткрытые окна спальни снова донёлся вопль. Графиня прислушалась и поняла, что это был женский голос, доносившийся откуда-то из сада. Она позвонила в колокольчик и, когда вошла полусонная служанка, спросила недовольным тоном:

– Кэт, кто это так вопит? Я даже проснулась от этого ужасного крика.

– Не знаю, миледи, может рождает жена садовника Пола?

– Пойди и передай ей, чтобы она убиралась куда-нибудь подальше, хотя бы на скотный двор, чтобы не мешать мне спать.

– Слушаюсь, миледи. – И служанка удалилась исполнять распоряжение графини.

Мэри Пол, у которой уже начались сильные схватки, отнесли на конюшню и положили на пол, набросав соломы и постелив на неё чистую простынь. К утру миссис

Пол разродилась, и местная бабка-повитуха приняла от неё крепкого младенца. Когда повитуха наградила его парой шлепков, малыш так заорал, что даже некоторые лошади испуганно посмотрели в его сторону.

– Миссис Пол, ваш младенец станет настоящим мужчиной и будет знаменитым, – сказала повитуха.

– С чего это ты взяла? – слабым голосом спросила у неё Мэри.

– Ну как же, он так орёт, что переполошил даже лошадей. А ещё, я вам скажу, он родился на соломе и в конюшне, как наш Господь Иисус – в хлеву.

Так ранним летним утром 1747 года в поместье графа Селкирка, расположенном на шотландском острове Уайтвеген, появился Джон Пол.

* * *

Маленький Джон рос среди таких же детей челяди – весёлых, подвижных и горластых. Они играли в разбойников, пиратов и моряков. Самолюбивый, дерзкий и строптивый Джон всегда хотел быть главарём пиратов или капитаном, но никак не рядовым матросом. Его приятелям это не нравилось, и во время игр часто возникали драки. И Джон, хотя не был самым большим, но очень крепким и упрямым, выходил из этих битв всегда победителем; при этом ему приходилось нести и явные потери – синяки на лице и теле, а часто и разбитый нос. Однако более всего пострадавшими оказывались его противники, что иногда служило причиной жалоб на слишком резвого мальчишку.

Когда Джон подрос, что-то на десятом году жизни, садовник, чтобы хоть немного унять своего строптивного сына, отдал его в помощники к пастуху. Конечно, маль-

---

чишке не понравилась такая работа, но она позволяла отцу получать за сына несколько пенни, поэтому Джон терпел скучное прозябание среди огромной отары овец, пасшихся в обширном загоне. Но однажды, после проверки стада, не досчитались одной овцы. Пастух, обеляя себя, обвинил в потере Джона, который, якобы, не следил за отарой, а спал или убежал в соседнюю дубовую рощу. Мальчишка не стал оправдываться – уже в юном возрасте он был слишком горд.

Граф велел выдрать Джона за нерадение. Его отвели на конюшню, где он появился на свет, и велели стать лицом к столбу, подпиравшему крышу. По морскому обычаю, старший конюх, бывший в молодости моряком, приказал обхватить столб руками. Связав Джону за столбом руки, он отходил мальчишку вожжами, но не очень сильно, жалея его. Джону было всё же больно, но он, сцепив зубы, ни разу не закричал и не заплакал, чем сильно удивил сбегавшихся на экзекуцию мальчишек. Когда порка закончилась, конюх хотел отвести Джона домой, но тот отказался, добрёл до охапки соломы и, упав ничком, молча пролежал до утра; даже сердобольная мать не смогла его поднять ни для еды, ни для сна дома, так и уйдя с плачем домой.

А Джон лежал на соломе, и никто не догадывался, что злость и жажда мести охватили его. Он поклялся себе, что, когда вырастет, отомстит графу и пастуху за несправедливость, обиду и прилюдное унижение. Но для этого надо было стать самостоятельным, независимым ни от кого, бежать с острова, собрать шайку флибустьеров и уж потом вернуться в поместье Селкирка, разгромить его замок, а самого графа выпороть так же прилюдно, как выпороли его, Джона, маленького, но гордого шотландца. Но пока надо ждать случая...

Через пару лет Джону как раз и подвалил такой случай. Из его родного порта Уайтвегена в американскую колонию отправлялась шхуна. Джон знал из рассказов отца, что в Америке живёт его брат, дядя Джона. Мальчишка незаметно, проявив хитрость и ловкость, выпытал у садовника адрес его брата и стал ждать. И вот шхуна идёт в Америку! Никому не сказав ни слова и завязав свой детский скарб в узелок, Джон тайком ушёл в гавань и нанялся на шхуну юнгой. Капитан не удивился и не задал никаких вопросов – дело было обычное: в таком возрасте многие шотландцы, живущие на побережье, уходят в плавание, чтобы стать со временем настоящими моряками – рыбаками, зверобоями, китобоями или просто «морскими волками», бороздящими океаны и моря.

Скоро шхуна ушла.

Джону Полу было тогда двенадцать лет.

***

Прибыв в Америку, Джон Пол первым делом нанёс визит своему дяде. Оказалось, что к этому времени дяде удалось разбогатеть и завести небольшую плантацию в Вирджинии, на которой работало несколько десятков негров. Дядя предложил Джону поселиться у него на ферме, но свободолюбивый подросток не захотел снова оказаться игрушкой в руках богача, привыкшего повелевать слугами и рабами. К тому же, Джону понравилась морская служба, и он мечтал стать когда-нибудь капитаном собственного судна. Будучи от природы скрытным и гордым, Джон не выложил дяде свои мечты, тем более, что дядя не имел семьи, и племянник мог оказаться единственным наследником.

Джон сказал дяде, что он ещё не достоин быть его помощником; вот, дескать, он поплавает несколько лет, заработает денег и тогда станет полноправным компаньоном плантатора. Вскоре он нанялся матросом на английское судно, совершавшее регулярные рейсы между Англией и её американскими колониями. Одарённый, сообразительный и ловкий юноша быстро рос по службе. Через несколько лет он уже был помощником шкипера, а вскоре старый шкипер, хозяин судна, сошёл окончательно на берег, поручив управление своим судном молодому и способному Джону Полу. Так Джон стал шкипером – капитаном небольшого парусника. Но тут и проявился настоящий характер Джона Пола: он отличался великолепным знанием морской службы и моря, был храбрым и находчивым, но вспыльчивым и жестоким.

Однажды, во время плавания в Вест-Индию, в 1770 году, двадцатитрёхлетний капитан Пол за какую-то провинность набросился с кулаками на судового плотника Мунго Максвелла. Забыв, что плотник по английским морским законам относился к офицерскому сословию, Джон стал избивать его, но Максвелл, будучи также шотландцем, оказал сопротивление. Пол расценил это как бунт на судне, а за такое, согласно закону, он мог и повесить плотника на рее, записав в судовой журнал факт бунта и заверив его подписями свидетелей. Но, опомнившись от ярости, Джон Пол понял по лицам моряков, что его никто не поддержит, и взамен подверг Мунго Максвелла жестокой порке, привязав к мачте.

Избитого до полусмерти плотника отнесли в кубрик и уложили на койку, а придя в порт, Пол сдал его в лазарет. Через несколько недель Мунго Максвелл умер в госпи-

Корсар Пол Джонс.
*Гравюра Ж.-М. Моро-младш.,
1780 г.*

тале. Его отец подал на Джона Пола в суд, обвинив в убийстве сына. Но умный и хитрый Джон так ловко защищался, что судьи стали колебаться. Пол опирался на морское право, на беспрекословное подчинение всех капитану судна и на попытку бунта. В заключение дерзкий и находчивый Пол заявил, что вообще плотник умер не на судне, а в госпитале, а там его смерть могла наступить и по другой причине – простуда, заразная болезнь, да мало ли что. И морской суд оправдал Джона Пола.

Однако через три года произошло ещё более страшное событие. В 1773 году, командуя невольничьим судном «Два друга», перевозившим негров-рабов из Африки в Америку, Джон, полагая, что ему всё дозволено, своим жестоким обращением с командой довёл её до бунта. Капитан Пол рассвирепел и, выйдя к бунтовщикам, сразу же застрелил зачинщика бунта, пригрозив, что так же поступит с каждым. Придя в себя, Джон испугался, что на этот раз морской суд может его осудить за неоправданное самоуправство. А это грозило ему виселицей. Несмотря на свою храбрость, Джон Пол, закончив рейс, бежал в Америку, где надеялся скрыться.

В Америке его ждал сюрприз: дядя Джона умер, завещав ему своё небольшое имение. Так Джон Пол стал вирджинским плантатором. Чтобы обезопасить себя, он изменил своё имя и фамилию, поменяв их местами, и стал именоваться Поллом Джонсом.

***

Переход свирепого «морского волка» в плантаторы совпал с началом борьбы английских колоний за независимость.

Пол Джонс, с детства питавший, как многие шотландцы, ненависть к Англии, поработившей его страну, окунулся в атмосферу пламенных речей, взывавших к свободе, и в шум уличных митингов, проходивших по всей Вирджинии и так отвечавших его бунтарской душе. Вскоре Пол Джонс сдружился с землевладельцем полковником Джорджем Вашингтоном, который возглавлял борцов за свободу колоний.

22 декабря 1775 года Пол Джонс начал службу на первом американском флагманском корабле «Алфред», получив чин лейтенанта. Вскоре была сформирована небольшая эскадра, но в следующем году её расформировали, так и не дав ей показать себя хотя бы в каком-нибудь военном деле. Разочарованный Пол Джонс получил в командование небольшое судно «Провидение».

В сентябре-октябре 1776 года Пол принял первое боевое крещение: он сумел прорваться через блокаду английского флота в устье реки Гудзон и доставил отрядам Вашингтона, осаждённым в Нью-Йорке, боеприпасы и провиант.

Англичане усилили блокаду, но бесстрашный и авантюрный Джонс, используя туман, сумел вторично прорваться в Нью-Йорк, приведя с собой отряд рыболовных судов с грузом. За эти подвиги Пол Джонс первым был произведён в чин капитана американского флота. Однако Конгресс, по непонятным причинам, внёс его в списки офицеров флота под тринадцатым номером. Возмущён-

---

ный Пол потребовал исправить эту ошибку, но Конгресс отказал ему. Считая себя оскорблённым, первый капитан отказался служить в официальном военном флоте республики.

Он решил сам бороться с англичанами.

Парение орлов

*Я боялась друга милого,
Своего мужа законного,
Что гуляет мой сердечный друг
С любимой своей фрейлиной
С Лизаветою Воронцовой.*

Русская историческая песня
«Жалоба Екатерины II»

Ecce femina!

(лат. – Вот женщина!)

А в это время события, происходившие в России, потрясли мир.

На русском престоле восседает Пётр Третий – поклонник всего прусского, слепо и бездарно копирующий короля Фридриха Великого. Палочная дисциплина в армии и даже в гвардии вызвала недовольство царём и мечты о новой «матушке-царице». Этим брожением успешно воспользовалась жена Петра Екатерина, молодая и красивая женщина, страдающая от рождения особой, редкой болезнью – ненасытным сладострастием. Она меняла любовников одного за другим, не брезгуя и про-

---

стыми солдатами, и садовыми дворниками. Стоило попасться ей на глаза высокому, сильному и красивому придворному, офицеру, солдату или слуге, как она укладывала его к себе в постель. А если её сиюминутный избранник оказывался ещё и неутомимым любовником, то Екатерина привязывалась к нему и подчинялась его воле и устремлениям, щедро одаривая его при этом.

Ещё будучи принцессой, она побывала в сладострастных объятиях придворного ловеласа Андрея Чернышева, затем – брата морганатического супруга императрицы Елизаветы Кирилла Разумовского и одновременно у Захара Чернышева; потом спала поочередно с братьями Петром и Сергеем Салтыковыми, с будущим королём польским Августом Понятовским, со шведским посланником Полленбергом, со столбовым дворянином, далёким родственником Великого Петра Нарышкиным, с пленным шведским графом Швериным. От некоторых из них Екатерина рожала детей, которые или умирали во младенчестве, или «раздавались» придворным и слугам для воспитания. Законный муж Пётр Фёдорович однажды пожаловался придворной даме Головиной:

– Бог её знает, где она берёт этих детей.

Это он сказал, когда Екатерина забеременела уже в третий раз после опалы Понятовского.

Император Петр III.

*Гравюра Тейхера с портрета
Ф. Рокотова.*

Екатерина оправдывалась перед императрицей Елизаветой:

– Мне ничего не стоит любить своего супруга, но его высочество очень холоден ко мне.

И действительно, Пётр Фёдорович с первого дня после свадьбы не проявлял никакого интереса к жене как к женщине. Его увлекали прежние любовницы, особенно Воронцова, и муштра собственного военного отряда в Ораниенбауме.

Спустя два года после свадьбы, в восемнадцать лет, Екатерина с наслаждением читала модные в то время романы и повести, воспевающие разврат. Она зачитывалась книгой о неаполитанской королеве Иоанне, сладострастной и ненасытной, которая любила наслаждаться разнообразными способами и сразу с несколькими мужчинами. Екатерине всё это близко, и она сама хотела бы такого наслаждения. Но для этого надо стать королевой! Так постепенно в душу цесаревны, хоть и незаконной, но дочери Фридриха Великого, проникают мысли о захвате трона, тем более, что у неё всегда перед глазами «свежий» пример – недавно умершая царица Елизавета.

***

В те времена важных и высокородных пленников, по примеру Петра Великого, держали при дворе, но с «почётным караулом». Так однажды на балу Екатерина, ещё принцесса, увидела двух офицеров, сопровождавших шведского графа Шверина. Один из них – гигантского роста, с фигурой атлета и красотой Аполлона – сразу же запал в сердце любвеобильной Екатерине. Она узнала, что это был один из братьев Орловых – Григорий, гвар-

---

дейский офицер. История их происхождения заинтересовала принцессу, и вот что она узнала.

В первые годы царствования, в 1689 году, молодой Пётр, подавив восстание стрельцов, поднятое царевной Софьей, велел многих из них казнить, и сам с садистским удовольствием рубил им головы. Когда к плахе подошёл высокий, статный стрелец и спокойно отбросил ногой голову своего предшественника, мешавшую ему, Пётр был удивлён и восхищён его поступком. Это был храбрый воин Иван, прозванный своими товарищами «орлом». Царь даровал ему жизнь и предложил служить в его гвардии. Иван Орёл со временем дослужился до офицерского чина и получил дворянство. В дворянской грамоте для благозвучия его записали Орловым.

У Ивана Орлова родился сын Григорий, который дослужился до чина генерал-майора и стал новгородским губернатором. Уже будучи в преклонном возрасте (ему пошёл пятьдесят третий год), Григорий Иванович выгодно женился на молодой, красивой и знатной девице из семьи Зиновьевых. Жена принесла Григорию Орлову девять сыновей, из которых в живых осталось только пятеро: Иван, Григорий, Алексей, Фёдор и Владимир. Все братья отли-

Императрица Екатерина II.
Портрет Д. Левицкого, 1783 г.

чались высоким ростом, богатырской силой и храбростью, поэтому служили в гвардии. Григорий к тому же был весьма красив, но глуп, ленив и лишён честолюбия.

Цесаревна настолько влюбилась в Григория Орлова, что прощала ему дикие сцены ревности и недостойное обращение с ней, доходящее до хамства. В цесаревну был также влюблён и брат Григория – Алексей Орлов и многие другие офицеры.

Они не могли не влюбляться в красавицу-принцессу. «Она брюнетка, ослепительной белизны. Брови у неё чёрные и очень длинные, нос греческий, рот как бы зовущий для поцелуя, рост скорее высокий, тонкая талия, лёгкая походка, мелодичный голос и весёлый смех, как и характер», – так вспоминал о ней один из любовников молодой Екатерины. К тому же, Екатерина как цесаревна – жена Петра Фёдоровича, наследника трона, – в будущем должна была стать императрицей.

Когда Пётр Фёдорович взошёл на трон, он продолжал насаждать пруссачество и в армии, и во дворце, и в личной жизни дворян.

Терраса Монплезира в Петербурге.

Аквар. А. Дорогова, 1847 г.

Его невзлюбили ещё пуше, и, наоборот, – все восхищались царицей Екатериной. С её согласия в гвардейских полках стал созревать заговор против Петра III. Все ждали только удобного случая.

***

И этот случай наступил.

Накануне дня рождения императора стояли тёплые летние дни, и двор отъехал в загородные дворцы.

Пётр III вместе с новой любовницей Елизаветой Воронцовой находился в Ораниенбауме, а Екатерина жила в Петергофе. Офицер Перфильев, узнав о заговоре, прибыл к императору и сообщил ему, указав на поручика Пассека как на организатора. Однако Пётр проявил легкомыслие, не разгромив сразу же и решительно заговор, а только велел арестовать Пассека. Видимо, Елизавета Воронцова сумела сообщить об этом своей родной сестре Екатерине Дашковой, близкой подруге императрицы, благо Ораниенбаум был недалеко от Петергофа.

Екатерина Романовна Дашкова
(Воронцова).

Портр. П. Дрождина.

Испуганная Дашкова вбежала на террасу Монплезира и закричала:

– Заговор раскрыт! Пассек арестован!

Екатерина в это время стирала в лоханке свои кружева.

– Что вы делаете, государыня? Ваша жизнь поставлена на карту, а вы стираете!

– Ну что же, – ответила спокойно царица, – ведь меня не готовили в русские императрицы. Меня предназначали для маленького немецкого князька, каким был мой отец, и

учили стирать и варить. Но это ничему не мешает. А что случилось?

– Като, мы погибли! Заговор открыт!

Екатерина Дашкова немедленно послала гонца в Петербург с этим сообщением. Братья Орловы и их сообщники сразу же подняли солдат Измайловского полка.

На рассвете, в пять часов утра, 28 июня 1762 года, Алексей Орлов в карете примчался в Петергоф. Бросив карету у въезда, Орлов тайком сумел пробраться во дворец, минуя охрану из императорской личной гвардии. Ему помог утренний туман, окутавший залив и побережье.

Орлов разбудил спящую Екатерину:

– Пора вставать! Всё готово, чтобы провозгласить вас императрицей. – И добавил. – Пассек арестован. Надо уезжать отсюда.

Екатерина быстро оделась и поспешила к карете.

Орлов вскочил на козлы, сопровождавшие его офицеры – на запятки, и карета помчалась в Петербург. Но по пути одна из уставших лошадей падает, однако, на счастье, вскоре на дорогу выезжает крестьянская телега с двумя лошадьми. Быстро перепрягли лошадей, и вот они уже у Нарвской заставы. Здесь их встретил, гарцуя на коне, любимый царицей Григорий Орлов и князь Бярятинский с коляской. Надо продолжать путь, но Екатерина едва одета и в ночном чепце. Откуда-то появился француз-парикмахер, который быстро привёл в порядок голову царицы. Снова вперёд и вперёд! У казарм Измайловского полка уже выстроились гвардейцы. Один из офицеров, высокий, статный красавец, сняв свой офицерский шарф, подаёт его Екатерине. Царица повязывает шарф и замечает этого офицера. Это был Григорий Потёмкин.

Сойдя с коляски, Екатерина идёт к солдатам-измайловцам. Командир полка граф Кирилл Разумовский преклоняет колени и целует ей руку. Затем он поднимается и провозглашает Екатерину императрицей, государыней всея Руси. В ответ по рядам раскатывается мощное приветствие: «Матушке Екатерине - ура!»

А в это время встревоженный всё же император Пётр Третий отправляется на яхте в Петергоф, чтобы арестовать жену, но сменённая уже охрана не позволяет ему причалить. Тогда он плывёт в Кронштадт, но и тут ему заявляют с берега, что он уже не император. И Пётр возвращается в Ораниенбаум, в свою любимую, почти игрушечную крепость Петерштадт. Он ничего уже не может сделать и ждёт своей участи. «Меня лишили власти в день моего рождения», – с горечью говорит он приближённым.

Так мечта юной цесаревны наконец-то осуществилась. Но оставалось ещё маленькое препятствие – низложенный император.

А на другой день, 29 июня, радостно признанная всей Россией императрица, бывшая маленькая принцесса Ангальт-Цербтская, Софья Августа Фредерика Эмилия, во главе гвардейской кавалерии торжественно въехала в Петергоф. Командовал отрядом Алексей Орлов, влюблённый в императрицу и посадивший её на трон. Здесь Екатерину ждало письмо от Петра Третьего, в котором он просил отпустить его в Голштинию. Но умная царица понимала опасность этого и велела арестовать своего мужа. Григорий Орлов, князь Голицин и поручик Измайлов отправились в Ораниенбаум за бывшим императором и отвезли его в Ропшу, посадив под домашний арест.

Низложенный, подписавший в Ораниенбауме отречение от престола, бывший император оставался «бельмом

на глаз» и у Екатерины, и у ближайших её сподвижников. Нужно было что-то предпринимать, тем более, что Григорий Орлов рассчитывал жениться на Екатерине и, «оттерев её», самому занять престол да заодно завещать его непутёвому, незаконнорожденному отпрыску – графу Бобринскому.

Их сын получил свою фамилию, потому что, когда Екатерина его родила, бывший в соседней комнате её слуга завернул младенца в бобровую шкуру и отнёс к себе домой. Так в России появился граф Бобринский, о котором так пёкся Григорий Орлов.

**Вид Английской набережной
с Васильевского острова.**

Грав. Петерсона, 1796 г.

На следующий день, 30 июня, в Ропше происходит странное событие. В отдалённой комнате Ропшинского дворца во время карточной игры Петра Фёдоровича с его охраной – Алексеем Орловым, Григорием Потёмкиным, Фёдором Бярятинским и Валерианом

Зубовым – возникает ссора, которую затеял Орлов. В пылу ссоры он ударил императора, но испуганный своей участью Пётр не ответил на оскорбление. Тогда заговорщики набросились на него, избивая ногами и кулаками. Удар Бярятинского кинжалом в спину завершает эту разыгранную сцену. Рассвирепевшие заговорщики растоптали Петра.

Вечером императрица, ожидавшая с трепетом известий, получила записку от Алексея Орлова:

«Матушка милосердная государыня! Как мне изъяснить всю правду... Не знаю, как эта беда случилась... Погибли мы, если ты нас не помилишь... Никто и не думал, как поднять руку на государя, но он заспорил за столом с князем Барятинским. Не успели мы разнять, а его уже не стало...»

Путь для Екатерины был расчищен. Теперь она – полноправная Самодержица Российская. Императрица улыбнулась, внутренне радуясь свершившемуся, и сказала своей подруге Дашковой:

– Как иногда хорошо быть красивой!

***

Императора Петра Третьего по распоряжению Екатерины похоронили не в усыпальнице Романовых – Петропавловском соборе, а в Александро-Невской лавре. Наиболее активные участники переворота и близкие друзья царицы братья Орловы в день коронации становятся графами. Так начался взлёт и высокое парение птенцов «гнезда Петрова», выросших вскоре в могучий клан царедворцев.

Несмотря на коронацию, прошедшую в Москве с поражающей торжественностью, императрица Екатерина вскоре почувствовала, что её власть очень шаткая и зависит, как и её жизнь, от братьев Орловых. Если старший Иван и младшие Фёдор и Владимир удовлетворились графскими титулами и богатыми «подарками» от царицы, то два главных организатора переворота – Григорий и Алексей – вынашивали более далеко идущие планы – доведение переворота «до конца», означавшего захват власти и полное подчинение честолюбивой и целеустремлён-

**Граф
Иван Григорьевич Орлов.**

*Портр. Ф. Рокотова,
1762 - 1765 гг.*

ной женщины своим замыслом. Поэтому в первые годы своего царствования Екатерина жила с душевным трепетом и старалась всячески задабривать слишком напористых братьев.

Однажды её фаворит Григорий Орлов, в которого Екатерина была безумно влюблена, во время офицерской попойки расхвастался своим влиянием на императрицу и на гвардейских солдат, невольно выдав свои затаённые мысли:

– Мне достаточно одного месяца, чтобы свергнуть Екатерину с престола, – заявил Григорий.

– Это возможно, – возразил ему Кирилл Разумовский, – но мы повесили бы тебя, мой друг, за неделю до этого.

Екатерину, ещё не вставшую крепко на ноги, спасало то, что вскоре все главные участники заговора или перессорились, или тайно плели интриги друг против друга.

Вначале вспыхнула ссора между братьями Орловыми и Потёмкиным. Как-то, во время игры на бильярде, речь зашла об императрице. Дерзкий и драчливый Алексей Орлов высказался весьма двусмысленно о царице – любовнице его брата. Григо-

**Граф Григорий Григорьевич
Орлов.**

*Порт. Ф. Рокотова,
1762 - 1763 гг.*

Граф
Алексей Григорьевич
Орлов-Чесменский.

рий Потёмкин, который также тайно любил Екатерину, встал на её защиту. Завязалась драка, и Алексей Орлов ударом кия выбил Потёмкину глаз. С тех пор «одноглазый Циклоп», как его прозвали, стал врагом братьев Орловых.

А спустя некоторое время и Алексей Орлов поплатился за свои «кулачные игры»: в какой-то драке, затеянной им, оскорблённый офицер выхватил саблю и рубанул Алексея по лицу. С тех пор забияка и кулачный драчун Алексей остался на всю жизнь «меченым» – у него был рубец от губ до уха, за что он и получил прозвище «Орлов со шрамом».

Тогда же один из активных участников переворота, успешный дипломат Никита Панин, почувствовал опасность со стороны Григория Орлова. С 1763 года Екатерина назначила Панина главой Коллегии иностранных дел, но братья Орловы начали вмешиваться в его дела. С тех пор Никита Панин стал тайным врагом нахрапистых «Орлов», мечтая их свалить.

***

Но Орловы также не дремали, им не терпелось осуществить свой план. Екатерина под давлением Григория Орлова, хотя и колебалась, но всё же согласилась стать

его официальной женой; боясь этого, она рассчитывала, что не все участники переворота, тем более самые близкие, входящие в созданный ею Тайный Совет, одобряют её поступок. И действительно, на заседании Совета, когда императрица сказала, что хотела бы выйти замуж за Григория Орлова, весь Совет охватило зловещее молчание. Наконец-то слово взял Никита Панин; его выступление было кратким, но окрашено плохо скрытой яростью:

– Ваше Императорское Величество, я считаю, что императрица может делать всё, что ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будет русской императрицей!

Сказав это, Панин встал со стула, облокотился о стену и долго не мог успокоиться. Совет поддержал его, а Григорий Орлов покинул заседание в ярости.

Императрица поняла, что её предложение не пройдёт, и вернулась в свои покои. Между тем Григорий и старый Бестужев, бывший канцлером при Елизавете, стали разрабатывать новый план. На этот раз было задумано, чтобы император Австрийский даровал Орлову титул князя Священной Римской империи. Уж тогда-то Совет не откажет императрице в её просьбе. Но и тут после долгих дипломатических переговоров, отказов и согласий, когда австрийский двор решается подарить высокий титул, вдруг сама Екатерина стала категорически возражать: она, дескать, боится вызвать этим мятеж среди приближённых.

Чтобы утешить своего любовника, царица велит построить на берегу Невы великолепный дворец, облицованный снаружи и внутри тридцатью породами мрамора. Над входом красуется золотая надпись: «Построен в знак дружбы и благодарности». Орлов получает в дар этот Мраморный дворец.

Однако это лишь внешние признаки внимания и любви Екатерины к Орлову. Но, по-прежнему, у ленивого и наглого любовника при всех его высоких постах нет ничего высокого за душой, чтобы прославиться и завоевать хотя бы уважение придворных и народа.

И тут снова помог случай.

Осенью 1771 года в Москве и её окрестностях вспыхивает чума, неизвестно откуда и кем привезенная. Как всегда в таких случаях, власти города приняли чрезвычайные меры. В ответ население подняло кровавый бунт. Губернатор Москвы бежал, а митрополит, пытавшийся утихомирить народ, был убит бесчинствующей толпой. И тогда Екатерина посылает в Москву на борьбу с чумой и для подавления бунта Григория Орлова, а в помощь ему – Алексея. И им удаётся усмирить бунт и укротить свирепую чумную стихию. Екатерина ликует и велит выбить в честь Григория золотую медаль, а на въезде в Царское-сельский парк срочно возвели мраморную триумфальную арку – «Орловские ворота».

Казалось бы, братья Орловы воспарили ещё выше, но над ними уже нависла угроза. Императрица устала от долгого пребывания в любовницах, да ещё такого неблагодарного человека. Она охладевает к Григорию и втайне ищет ему замену. К тому же, в 1772 году Екатерина узнала, что Григорий собрал около тысячи преданных ему офицеров и солдат, выделил два миллиона рублей для подготовки нового переворота; он даже склонил на свою сторону духовенство и архиепископа. И тогда царица высылает его из Петербурга в Гатчину, запрещает носить её портрет, усыпанный бриллиантами, а потом вообще требует его вернуть. А Орлов выковырял бриллианты из

портрета и, завернув их, передал посыльному офицеру, потребовав, чтобы он сказал царице, что портрет любимой им женщины он передаст ей лично.

***

В 1772 году наступает окончательное охлаждение Екатерины к Григорию Орлову. Она ещё не решилась на полный разрыв, хотя в её кровати уже проводит ночи молодой Васильчиков, подложенный императрице графом Паниным. Но царица всё ещё боится Григория, а он ведёт себя всё более развязно и с нею и с окружающими, доходя до мерзостей.

Когда-то придворный шталмейстер граф Панин, видимо, решил унижить Орлова, подарив ему старую карету и пару заезженных коней. Григорий проглотил эту горькую пилюлю и теперь, когда он всё ещё в фаворе, решил отомстить врагу. Когда Никита Панин пришёл к Григорию с какой-то важной просьбой, тот принял гостя в постели и заставил его поцеловать свой голый зад. Чтобы хоть как-то умерить выходки Григория Орлова, Екатерина в октябре 1772 года жалует ему княжеский титул, но и это не утихомиряет Орлова.

Мечущаяся между Орловым, с его вольностями и требованиями, и своими личными устремлениями, Екатерина молча переносит все неприятности. При дворе ей не с кем даже поделиться и некому довериться. Лишь в письмах к Вольтеру она изливает свою душу:

«Я очень многим обязана семье Орловых; я наградила их поместьями и орденами и всегда буду им покровительствовать, и они сумеют

быть мне полезными, но мое решение непреложно; одиннадцать лет я страдала, теперь я хочу жить так, как мне хочется, совершенно независимо. Князь может поступать как ему вздумается: он может уехать за границу или остаться в России, может пить, охотиться, заводить любовниц».

В 1773 году Григорий таки уехал за границу, он сполна выполнил тайные пожелания царицы, но его кутежи, безумные мотовство и разврат удивляют всю Европу.

Постепенно высоко парившие братья Орловы начинают понимать, что императрица окончательно охладела к ним и приняла сторону Никиты Панина. Они ещё трепещут крыльями и издают громкие устрашающие клики, но их время уже прошло. На исторической сцене России появляется новая, ещё более могучая фигура – их давний враг Григорий Потёмкин. И хотя чёрная повязка на глазу Григория несколько умаляет его мужественную красоту, но весь облик нового фаворита влечёт к себе царицу. Она снова безумно влюбляется, и Григорий Потёмкин отвечает ей искренней взаимностью.

Однажды враги встретились на лестнице дворца. Потёмкин поднимался, а Орлов спускался. Сдержанно раскланялись, и Потёмкин спросил:

- О чём говорят при дворе?
- Ни о чём, кроме того, что вы поднимаетесь, а я спускаюсь.

***

После отдаления от себя Григория Орлова Екатерина постаралась избавиться также и от влияния Алексея, более опасного для неё человека – сильного, решительного, готового при необходимости убить кулаком любого, вставшего на его пути. И хотя царица помнила, что именно Алексей возвёл её на царство и освободил от ненавистного мужа, а потом спас ей жизнь, она, однако, его боялась и трепетала, когда Алексей входил к ней в кабинет, а в нём не было никого другого. Она была не только наслышана о его небывалой силе, но и сама смогла убедиться в этом, как это произошло в Ораниенбауме.

Для развлечения придворных Екатерина велела построить в Ораниенбауме «катальную горку», с которой кавалеры с барышнями скатывались на большой скорости, сидя в тележках. Однажды она вместе с Алексеем скатывалась с горки, но сильно разогнавшаяся тележка соскочила с пути и должна была упасть с большой высоты. Алексей Орлов успел упереться ногой в борт, а руками ухватился за перила, удержав тяжёлую тележку над пропастью, чем спас жизнь императрице.

Отстранённый от важных дел, Алексей в 1768 году затосковал и впал в тяжёлую депрессию. Никакие врачи не могли вернуть его к деятельной жизни. К счастью Орлова, на его болезнь обратил внимание полковой фельдшер, который посоветовал ему поехать в солнечную Италию на отдых. Алексей принял этот совет, тем более что в Италии уже находился на излечении брат Фёдор. Здесь, в Италии, у Алексея созрел дерзкий план. Он знал, что готовится война с Турцией, и Алексей предложил Григорию план нанесения удара по Турции изнутри – на Средизем-

---

ном море. Он понимал, что осуществление этого плана поможет Орловым снова приблизиться к царице и вновь править Россией.

Алексей предложил послать из Балтики в Средиземное море русский флот с экспедиционным армейским корпусом. Он, Алексей, возбудит греков в Морее восстать против турок, а флот поддержит их боевые действия. Так мыслилось.

Григорий доложил этот план на заседании Тайного Совета, и, несмотря на противодействие Панина, план был с восторгом принят Екатериной. Ей захотелось, как она говорила, «поджечь Турцию с четырёх углов». Срочно стали готовить три эскадры для похода в Средиземное море, и в следующем году первую эскадру привёл в Порт-Магон адмирал Григорий Спиридов, а затем пришли ещё две.

Алексею Орлову удалось поднять восстание греков в Морее, но за первыми успехами пошла полоса неудач. Знаменитые в истории древние греки, храбрые и стойкие, за прошедшие тысячелетия, видимо, переродились и оказались плохими воинами. При первом же натиске турок они бежали с поля боя, оставляя небольшие отряды русских на произвол судьбы. Но стоило только русским одержать победу, как греки тут же бросались на пленных турок и начинали резать им головы, так что русским воинам приходилось отбивать турок.

После ряда неудач на суше Орлов, по совету своего нового друга, командира флагманского корабля «Трёх иерархов» Самуила Грейга, обратил свой взор на море, надеясь найти там турецкий флот и разгромить его.

24 июня 1770 года Грейг обнаружил турецкий флот в Хиосском проливе. Началось жаркое сражение, привед-

---

шее к взрыву двух сцепившихся кораблей – сначала русского, а затем и турецкого. Увидев это, турки поспешно и в панике бежали в Чесменскую бухту. На военном совете, состоявшемся на борту флагманского корабля, Самуил Грейг предложил войти в бухту небольшому отряду кораблей в сопровождении брандеров и, пользуясь ночным бризом, разгромить и сжечь турецкий флот. Эту операцию Орлов поручил выполнить её инициатору – Самуилу Грейгу. В ночь на 26 июня почти весь турецкий флот взорвался и сгорел в тесной Чесменской бухте; погибло около десяти тысяч турок.

Слава Чесменского разгрома досталась, естественно, главнокомандующему Алексею Орлову, который, правда, находился при этом очень далеко от Чесмы. Но Екатерина присвоила ему титул графа Чесменского. В честь славной победы в Царском Селе на Большом пруду воздвигли потом мраморную Чесменскую колонну, а в парке – Морейскую.

Алексей Орлов вернулся в Петербург с триумфом. В связи с опалой его брата Григория у него уже не было нравственных препятствий для сближения с Екатериной. Да и она была сама не против, желая не только лично отблагодарить героя Чесмы, но и удовлетворить внезапно возникшее чувство к этому богатырю. Вскоре Алексей занял покои Григория, а потом дворцовая молва утверждала, что от этой любви Екатерина родила сына, названного Александром. Орлов забрал его к себе в имение, где он вырос под фамилией Чесменского. Но так ли это? Никто не знает. Монархи не регистрируют своих побочных детей под истинными именами и фамилиями родителей.

Роман Алексея и Екатерины длился недолго. Царица всё же побаивалась его и под предлогом продолжения

Средиземноморской кампании снова послала Орлова в Италию. Генерал кейзер-флага¹, главнокомандующий флотом и армией на Средиземном море обосновался в Ливорно, где базировался русский флот. Оттуда он часто выезжал в Пизу, как он говорил, для лечения.

И правда, было что лечить! По свидетельству очевидцев, Алексей Орлов поражал и Пизу и Ливорно своей потрясающей роскошью и причудами своей дикой, необузданной души. Светские дамы - и итальянки, и русские, жившие в Италии, искали с ним встреч и развлечений. Даже красавица Корилла Олимпика, за именем которой скрывалась Мадлена Морелли, поэтесса, увенчанная лаврами Петрарки и Тассо, была у его ног.

А в России слава его по-прежнему гремела. «Граф Алексей Орлов, – писал Сабатье, – самый важный человек в России. Его фигура совершенно заслонила собой всех других... Екатерина его почитает, любит и боится...» И было чего бояться. По свидетельству Екатерины Дашковой, «Алексей-«рубцованный» – самый отъявленный злодей на свете».

Но и слава Алексея постепенно затихает, так как ему, как и брату Григорию, в 1774 году на смену приходит изуродованный им же Григорий Потёмкин. Поэтому у Алексея Орлова остаётся, как последняя козырная карта, только надежда на какое-нибудь новое героическое дело на Средиземном море.

Он ждёт случая, а пока что – пьёт и гуляет.

---

¹ – флаг генерал-адмирала, главнокомандующего

Корсар Пол Джонс

*Здравствуй, море, тебя приветс-
твуют обречённые на смерть.*

Латинское изречение

*Пол Джонс – помесь волка
с джентльменом.*

Г.Мелвилл

«Израиль Поттер»

После того, как Конгресс отказал Полу Джонсу, первому капитану американского военного флота, исправить допущенную (или сознательно сделанную) ошибку в списках морских офицеров, где он оказался под «несчастливым номером» тринадцать, он, обиженный, оставил службу и решил самостоятельно бороться с англичанами.

Джонс продал своё имение и на эти деньги купил большое судно «Алфред», оснастил его и снабдил всем необходимым, наняв команду отчаянных молодцов. Подняв на судне американский флаг, Пол занялся корсарством – вольной охотой на английские суда. Вскоре он захватил и привёл в порт шестнадцать английских торговых судов, которые были вооружены и составили основу молодого американского флота. Однако храбрый и удачливый корсар не принимал приглашений служить в американском флоте – он не хотел быть под чьим бы то ни было началом. Тогда правительство республики решило удалить из страны строптивного моряка. Ему поручили принять и привести в Америку строившийся в Голландии фрегат «Индец».

Оставаясь по-прежнему независимым, Пол приобрёл военное судно, назвав его «Разбойник», на котором в 1775 году впервые вошёл в порт Брест под флагом Соединённых Штатов. Франция тогда воевала с Англией, и поэтому поддерживала освободительную борьбу американских колоний. В награду за это правительство американской республики решило подарить «Индейца» Франции, так что Джонсу пришлось вести его не в Америку, а во Францию.

Находясь во Франции два года, Пол Джонс, зная хорошо французский язык, основательно изучил тактику морских сражений, одновременно занимаясь морской разведкой и выясняя на свой страх и риск всё об английском флоте. А затем он снова занялся корсарством, но уже на европейских морях.

27 апреля 1778 года Джонс на «Разбойнике» совершил набег на родной порт Уайтвеген, где стояло около сотни торговых судов. Джонс, высадившись ночью на берег с небольшой кучкой своих флибустьеров, захватил два форта, охранявших порт, и заклепал там все орудия. На рассвете они попытались сжечь стоявшие в гавани суда, но им удалось поджечь только одно, так как сбежавшиеся к берегу жители города погрозились захватить Пола и его разбойников и выдать англичанам. Воевать против своих же шотландцев Джонс не осмелился, поэтому срочно поднял паруса и быстро ушёл, пока его не перехватили английские корабли.

После этого флибустьерского набега Пол Джонс вспомнил свою детскую клятву – отомстить графу Селкирку. Но при этом он преследовал и другую, главную цель – захватить в плен графа и, доставив его в Америку, потребовать в обмен на его освобождение предоставле-

---

ние Соединённым Штатам независимости. Честолюбивый Джонс хотел не меньшего.

Несмотря на безумную авантюренность этого плана, Джонс решил его осуществить. Подойдя ночью к острову, где располагалось поместье лорда Селкирка, Пол высадился на берег и быстро овладел замком. Ворвавшись в спальню Селкирка, он не обнаружил графа. Раздосадованный корсар потребовал от дворецкого, чтобы тот привёл к нему графиню. Через некоторое время в кабинет Селкирка, в котором Джонс ожидал его супругу, вошла сонная графиня и с возмущением обратилась к нему:

– Господин капитан, простите, не знаю вашего имени, на каком основании вы ворвались в наш замок и для какой цели? Да ещё ночью?!

– Капитан Пол Джонс, миледи, – представился ей корсар. – Вы меня не узнаете? Ну, конечно, как вы можете помнить сына вашего садовника Пола, который, по вашей прихоти, был рождён на конюшне.

– Я, естественно, не помню, – надменно ответила графиня. – Я не опускаюсь до общения с детьми моих слуг.

– А вы также не помните, как по приказу вашего мужа меня выпороли? Да, не помните! Но я запомнил на всю жизнь и теперь пришёл отомстить.

При этих словах Джонса графиня побледнела и ей стало не по себе.

– Где прячется граф? – снова обратился к ней Джонс.

– Его нет в замке. Он сейчас заседает в Палате лордов.

– Очень жаль, я хотел бы его пригласить прогуляться с нами в Америку. Как джентльмен, я не могу заменить графа его супругой...

В эту минуту в кабинет вошёл дворецкий и сказал графине, что люди Джонса грабят замок, хватая всё, что лежит открыто в его залах, особенно серебряную посуду и другие мелкие, но дорогие предметы обстановки.

И тут до сознания графини дошло, что капитан Пол Джонс не кто иной, как знаменитый корсар, наводивший ужас на всё английское побережье. Страх охватил её, но она быстро его подавила и пригвоздила капитана короткой, но разящей фразой:

– Капитан Джонс, или Пол, как там вас зовут, вы не джентльмен, вы – помесь волка с джентльменом!

Джонс весь передёрнулся от этого оскорбления, но сдержался и спокойно ответил графине:

– Я не могу вас вызвать на дуэль, я не воюю с женщинами. Но, слово джентльмена, я верну вам всё разграбленное. Я приношу свои глубокие извинения за свой ночной визит и за поступки моих людей. Они не получили благородного воспитания, их воспитывали море и битвы.

– Джонс помолчал мгновение, а затем продолжил:

– Передайте лорду Селкирку от меня горячий привет. Я ещё вернусь! А пока я удаляюсь и прошу ещё раз простить меня.

Пол галантно откланялся и вышел.

***

Вернувшись после этой неудачной операции во Францию, Пол начал рыскать по всем рынкам и лавкам, скупая всё награбленное его людьми серебро, что ему и удалось сделать, благодаря гербам графа, выгравированным на всей посуде и на других ценностях. Через доверенное лицо корсар вернул графине всё награбленное, прило-

---

жив к этому очень любезное письмо с извинениями и восторгами по поводу её мужества и благородства.

Обеспокоенное набегами Джонса, правительство Англии объявило его изменником и пиратом, подлежащим поимке и наказанию. Но посланный против него фрегат «Дрейк», кстати, носящий имя знаменитого английского пирата Френсиса Дрейка, был взят с боя Джонсом. И тогда Англию охватила паника, биржу стало лихорадить, а торговые суда боялись выходить в море.

Вскоре Джонс сформировал небольшую эскадру. 23 сентября 1779 года произошло сражение двух судов Джонса с двумя английскими фрегатами. Корсары подвергли фрегаты жестокому пушечному обстрелу, а затем бросились на абордаж. Оба английских корабля не выдержали натиска отчаянных «джентльменов удачи» и сдались в плен. Пол Джонс привёл их во французский порт и подарил королю Франции – корсар любил театральные жесты.

За эти подвиги Людовик XVI лично возвёл Джонса во французское дворянство и наградил его орденом и золотой шпагой с надписью: «Победителю моря – Людовик XVI». Американский корсар стал любимцем и гордостью французов. Вскоре Пол Джонс вознёсся ещё выше: во время спектакля в опере король, пригласивший в свою ложу Пола Джонса, возложил на голову храброго корсара золотой лавровый венок, что вызвало бурю оваций в зале.

Такое внимание Людовика XVI было связано не только с героическими подвигами корсара. В Париже Джонс завёл любовницу – мадам Тэлисон, которая была побочной дочерью Людовика XV, а значит – сестрой короля Людовика XVI. Это сблизило Джонса с французским королём.

После такого триумфа Джонс вернулся в Америку. Конгресс Соединённых Штатов объявил ему благодар-

---

ность, признал старшим морским офицером и поручил строительство семидесятипушечного корабля «Америка» – флагмана флота. Но тут фортуна снова отвернулась от Джонса: в конце лета «Америка» сошла на воду, а в сентябре Англия признала независимость Соединённых Штатов. Чтобы не дразнить англичан именем ненавистного им Джонса, Конгресс распустил флот, а «Америку» подарил Франции. Оскорблённый национальный герой решил навсегда покинуть Штаты. Он отплыл во Францию на этом же корабле «Америка», но Франция также успела заключить мир с Англией. Джонс оказался почётным, но неудобным гостем. Так Пол Джонс остался не у дел.

Капитан Осип Рибас

*Вы – заря грядущих
прекрасных дней наших.*

Из письма А.В. Суворова О.М. Рибасу

Через два года, после того, как в маленьком шотландском городке Уайтгевен прозвучал первый крик младенца Джона Пола, в 1749 году в Неаполе у дона Мигуэля Рибаса и Баиона появился на свет сын, которому дали имя Хосэ. Дон Мигуэль был каталонским дворянином и служил испанским посланником при Неаполитанском королевстве, он потом занял пост директора в Министерстве морских сил этого государства.

Хосэ от рождения проявлял недюжинные способности, быстро схватывал и усваивал знания, которые ему пре-

---

подносили домашние учителя. Он рос крепким, ловким и подвижным, обладал прекрасной памятью, и было замечено, что уже в юношеские годы Хосэ проявил склонность плести и расплести сети интриг. Помимо наук, языков и галантного поведения, молодой Рибас усвоил ещё два обязательных для кавалера умения: он прекрасно фехтовал и метко стрелял из пистолета. По этой причине его побаивались сверстники как из аристократических семей, так и из неаполитанской уличной черни, где кинжал или нож были обычным средством разрешения споров.

Уже подростком Хосэ проявил себя хитрым дипломатом. Однажды какой-то его уличный знакомый, повздорив, крикнул Рибасу, что он вовсе не благородный потомок дона Мигуэля, а сын неаполитанского носильщика Руобонно. На этот раз Хосэ не ответил, как обычно, кулаками, а молча проглотил поразившее его известие, сказав приятелю, что высоко оценил его шутку. Он мгновенно понял, что уличный скандал приведёт к быстрому распространению сплетен по городу, а это было не в его интересах.

Дома Хосэ также никому не рассказал о неприятной для него новости, придав ей в душе характер злобной клеветы; он никогда более не подвергал сомнению своё дворянское происхождение и вступил в историю как дворянин Хосэ Рибас.

Смолоду в Рибасе проявились сильные склонности к авантюрам, поэтому он пошёл служить в неаполитанскую гвардию, надеясь на быструю военную карьеру, но вскоре понял, что в такой армии, не отличавшейся победами, многого не достигнешь, хотя он уже был подпоручиком.

В это время у всех на слуху были громкие победы русского флота, пришедшего с холодной Балтики в тёплые

Средиземное море, где господствовали турки, и разгромившего весь турецкий флот в Чесменской бухте. Вся слава досталась командующему флотом и экспедиционным корпусом генералу Алексею Орлову, русскому графу, которому Екатерина Вторая вручила при отправлении флота императорский кейзер-флаг – как генералиссимусу. Хотя за разгром турецкого флота граф Алексей получил титул «Чесменский», но мало кто знал, что истинным героем-победителем был скромный и молчаливый контр-адмирал Самуил Грейг, шотландец на русской службе. Это он, Грейг, предложил войти русским кораблям в узкое горло Чесменской бухты и сжечь сгрудившиеся там корабли и транспортные суда. Орлов поручил выполнить операцию самому Грейгу, что тот и сделал с небольшим отрядом судов, а сам граф с основными силами флота стоял в это время в нескольких милях от Чесмы и велел своим кораблям палить в воздух для психического воздействия на турок. Но Алексей Орлов был русским графом и главнокомандующим, поэтому, по обычаю тех времён, вся слава досталась ему.

***

В 1772 году Россия ещё воевала с Турцией, однако у российского флота на Средиземном море после Чесмы уже не было достойного противника, и весь флот стоял в Ливорно, мирно отдыхая в тихой гавани и совершая иногда набеги на турецкие берега или блокируя проливы. Хосэ Рибас решил, что лучше ему перейти на русскую службу, чем прозябать в неаполитанской гвардии, тем более, что, по слухам, граф Орлов, пользуясь своим правом, принимал в свои ряды иностранцев.

Рибас приехал в Ливорно с рекомендательными письмами и предстал перед Орловым. Какая между ними была беседа и что рассказал Хосэ графу, об этом история умалчивает, но граф Алексей тут же произвёл его в капитанский чин и отправил в Петербург с рекомендательным письмом и с каким-то поручением секретного характера. Екатерина Вторая вернула Рибаса Орлову-Чесменскому, который назначил его своим генеральс-адъютантом, то есть главным адъютантом.

Безусловно, Рибас был типичным авантюристом восемнадцатого века, но он обладал необычайным «набором» полезных для Орлова качеств: он был храбр, умён, хитёр и предприимчив, и граф с успехом использовал испанца Хосэ для выполнения пикантных поручений.

Но теперь это уже был не Хосэ Рибас, а Осип Михайлович Рибас, капитан русской армии, ближайший соратник графа Орлова-Чесменского.

ГЛАВА II

МАНЯЩИЙ БЛЕСК ТРОНА

Гастроли Эмилии Шёлль

Вся Европа, к своему позору, не произвела бы подобной личности

Из письма М.Огинского о «принцессе Али-Эмет»

К чему не склонишь ты смертные души, проклятая страсть к золоту?

Вергилий. «Энеида»

Во время описываемых событий в Европе появилась загадочная женщина. Красивая, умная и прекрасно образованная, она выдавала себя за знатную особу, случайно оказавшуюся «на мели» и ожидающую большого наследства. Влюбляя в себя доверчивых аристократов и богатых буржуа, она пользовалась их щедростью, а разорив, исчезала, появляясь в другой европейской столице. И под иным, ещё более звучным именем. Госпожа Франк, затем Шёлль, Тремуйль, Али-Эмет, Бетти – вот только небольшой перечень её имён. Затем она стала принцессой Азовской, графиней Пиннеберг и даже княжной Волдомирской, повышая свой «дворянский» статус. И хотя она часто меняла имена и города, полиция уже шла по её следу.

Но никто так и не смог узнать её настоящего имени и происхождения, хотя многие склонялись к тому, что эта загадочная женщина была дочерью булочника из Праги, предместья Варшавы. Однако загадкой оставалось, откуда у дочери местечкового еврея, Эмилии Шёлль, могли появиться знания языков, многих наук, политики и умения вести себя как рафинированная аристократка?

***

В 1772 году в гостинице «Варшава» господина Пельтье в Париже поселилась молодая особа, которая сразу же обратила на себя внимание.

На вид ей казалось лет двадцать пять-тридцать, точнее невозможно было определить из-за её необычайной внешности. Среднего роста, изящная, худощавая, с резкими движениями, она имела чёрные брови, большие глаза, в которых светились ум и пронизательность. Они были карими, широко раскрытыми, и один глаз косил. На молочно-белом лице слегка просматривались веснушки и проступал явно болезненный румянец. Продолговатым носом с горбинкой и чёрными волосами она в равной степени походила и на итальянку, и на еврейку.

У этой женщины оказались хорошие манеры, она была приятна в общении и могла вести любую беседу – от светской болтовни до серьёзного политического диалога, проявляя при этом знание немецкого, французского и итальянского языков.

Как выяснилось, в Париже эта загадочная женщина появилась после поспешного отъезда из Лондона и записалась в гостинице как «княжна Волдомирская». Её сопровождал барон Эмбс, который в действительности оказал-

---

ся купеческим сыном по фамилии Вантурс и был очередным любовником красавицы. В Генте у него была жена, но влюблённый Вантурс промотал с «принцессой Азовской» своё состояние и оказался в долгах. Из Гента принцесса уехала в Лондон, а за нею помчался, убегая от жены и кредиторов, любовник. Заметая следы, они отправились затем в Париж, где и поселились в гостинице «Варшава». К ним присоединился и ранний любовник принцессы, господин Шенк, также бежавший из Лондона.

В Париже княжна Волдомирская стала жить на широкую ногу, завязывая знакомства с богатыми и знатными людьми и выманивая у них под разными предлогами деньги. В сети к этой женщине попали богатые купцы Понцет и Маскайм, дряхлый, но богатый дворянин де Марин, придворный маршал князя Лимбург-Штирум граф Рошефор-Валькур и другие. Затем принцесса Волдомирская обратила свой взор на пана Огинского, польского конфедерата, виленского воеводу, бежавшего из Польши после поражения восстания. Он был хорошим пианистом и известным поэтом, а заодно слыл богатым шляхтичем.

Принцесса Волдомирская, надеясь выкачать из него деньги, сама навязалась ему в любовницы, а сам Огинский, будучи наслышан о её наследстве, тоже рассчитывал на её помощь. Принцесса рассказала ему, что она наследница «княжества Волдомир», где-то на Кавказе, а её дядя – персидский набоб Али – владел сказочными сокровищами. Тут же она сообщила ему, что носит также имя Али-Эмет. Но вскоре Огинский заболел и в процессе длительной переписки любовники выяснили, что ни у кого из них нет никакого состояния, ни в наличии, ни в перспективе.

Разочаровавшись в Огинском, принцесса стала искать новых кредиторов; тем более, что полиция посадила уже в тюрьму купеческого сына Вантурса и очередь приблизилась к принцессе. Но выручил старик де Марин, который, увлечённый прелестями восточной красавицы, выслал её доверенным Понцету и Москаю вексель на крупную сумму.

В это же время очарованный принцессой Али-Эмет граф Рошефор-Валькур, придворный князя Лимбургского, прислал ей приглашение посетить это княжество и его монарха.

***

В конце апреля 1773 года прекрасная «черкесская принцесса Волдомирская» выехала в сопровождении своих приближённых в гости к князю Лимбург-Штирумскому, которому господин Шенк наговорил о богатствах княжны, но что их она может получить только, если выйдет замуж, как приданое. Князь попался на очередной крючок, заброшенный принцессой для ловли богатых поклонников. Он уже готов был просить руки принцессы Волдомирской. Однако самозваной принцессе пришлось бежать и из Лимбурга: бывшие кредиторы вновь подали жалобу на «приближённых» принцессы, и Вантурс оказался опять за решёткой, что грозило также и престарелому любителю молодых красавиц де Марину.

Однако Филипп Фердинанд, граф Лимбург-Штирумский уже настолько увлёкся принцессой и её сказочными богатствами, что он вернул долги кредиторам и наградил некоторых орденами, а княжну Волдомирскую увёз в замок Нойсес во Фраконии. Вначале их захватила

страстная любовь, но потом принцесса стала настойчиво склонять князя к женитьбе и продаже ей в кредит, под будущее наследство, графства Оберштейн. Влюблённый Фридрих заявил ей, что он готов жениться в любое время, но ему, как высокородному владельческому князю, требуются документы о высоком происхождении невесты, которая почему-то стала себя называть ещё Элеонорой или Бетти.

Их добрачный роман затягивался, и это стало вызывать подозрения у трезвомыслящих приближённых князя. И первым стал их высказывать Шенк. Начались насмешки и непочтительные разговоры за спиной у Лимбурга, но он, ослеплённый сладострастием, не замечал их, по-прежнему обещая жениться.

«Небо желает услышать молитву и заставит все земные силы привести в исполнение это твердое намерение», – писал он своей сладкой возлюбленной.

Постепенно принцесса Али-Эмет стала проявлять всё большую холодность и на вопрос о документах о её происхождении заявляла, что ждёт их от «дяди Али», а если Лимбургу не терпится, то пусть даст ей денег для поездки её со свитой в Персию. А если не в Персию, то хотя бы в Петербург.

В декабре 1773 года князь Лимбург поехал к своей сестре Иозефе Фредерике в Бартенштейн и там услышал от какого-то поручика ошеломляющую новость: принцесса Волдомирская оказывается не кто иная, как внучка Петра Великого, «внебрачная дочь императрицы Елизаветы и казацкого гетмана Разумовского».

Оказывается, что 17 сентября Пугачёв заявил в манифесте, что он царь Пётр III, чудом спасшийся. Прочитав

об этом в газете, «быстрая разумом» Эмилия Шёлль тут же стала сестрой Пугачёва и дочерью Елизаветы, увезённой в Европу, подальше от возможных убийц.

Эту идею ей «подкинул» князь Карл Радзивилл, находившийся в одном из германских государств и наслышанный о её удивительных способностях. Зимой, когда завершался затянувшийся роман с князем Лимбургским, какой-то поляк, «незнакомец из Масбаха», добился встречи с Али-Эмет и предложил ей новую роль – принцессы Елизаветы, дочери царицы и Разумовского.

«Играть, так играть!» – решила Эмилия и стала распространять слухи о своём царском происхождении.

Принцесса Али-Эмет внезапно покинула обожающего её князя Лимбургского.

Он был больше ей не нужен.

Принцесса Елизавета и князь Радзивилл договорились встретиться в Венеции, чтобы оттуда вместе отправиться в Турцию за поддержкой в задуманной ими игре.

Зевс и Немесида

Некоторые говорят, что Зевс однажды воспылил страстью к Немесиде и начал преследовать её и на земле, и на море. И хотя она постоянно меняла обличье, ему всё-таки удалось удовлетворить свою страсть, приняв образ лебедя.

Древнегреческий миф.

В декабре 1773 года князь Радзивилл выехал из Страсбурга в Италию. Он держал путь через Венецию в Стамбул. Тогда же на встречу с ним поехала претендентка на русский престол Бетти, ставшая внезапно Елизаветой, «последней из дома Романовых». Её сопровождали полковник лимбургской армии барон Кнорр, горничная Францишка фон Мешедде и двое слуг, один из которых был огромным негром. В конце мая 1774 года «Елизавета Всероссийская» въехала в солнечную Венецию и объявила себя графиней Пиннеберг, присвоив новое имя, «позаимствованное» у жены князя Шлезвиг-Голштинии. Вскоре Радзивилл снял у французского посланника виллу, в которой и поселил самозванку. При встрече с Радзивиллом самозванка назвалась графиней Симанской.

Князь Радзивилл представился Елизавете на второй же день, а потом они встречались ежедневно, разрабатывая свои планы. К Елизавете, как мухи на мёд, слетелось множество поляков, которые жили в Венеции, ожидая

паспорта для поездки в Турцию, чтобы помочь султану воевать против ненавистной им России. Это был цвет польской аристократии, бежавшей после разгрома конфедератов. Один из них, бывший хорунжий Галиции Ян Чарномский безумно влюбился в авантюристку и стал её верным слугой.

10 июля 1774 года Радзивилл и самозванка на небольшом судне отплыли в Стамбул. Но по пути их захватил сильнейший шторм, повредивший судно. После пятнадцатидневного тяжёлого плавания капитан вынужден был зайти в Рагузу¹ для ремонта судна. В Рагузе самозванка официально объявила, что она – дочь императрицы Елизаветы, внучка Петра Великого и единственная законная наследница российского трона, чем наделала много шума и поставила правительство республики в неудобное положение.

***

Русский флот после громких побед на море, прославленный Чесмой и Патрассом, покоился в тихой гавани Ливорно, почивая на лаврах. По всему было видно, что война с турками идёт к концу, и корабли спокойно стояли на якорях, а офицеры проводили время на берегу, попивая вино и ухаживая за южными красавицами.

И вот в эти тихие, безмятежные дни сентября 1774 года командующий, граф Алексей Орлов-Чесменский, державший свой кейзер-флаг на корабле «Исидор», где был командиром Самуил Грейг, получил странное письмо от какой-то женщины, которая именовала себя Елизаветой, принцессой Волдомирской, законной наследницей русского престола.

¹ – Совр. Дубровник, Хорватия.

Граф Алексей тут же, 27 сентября 1774 года, сообщил об этом императрице Екатерине.

И как было ему свойственно, сразу же предложил принять решительные меры: *«Есть ли едакая на свете или нет, того не знаю, а буде есть, и хочет не принадлежащего себе, тоб я навязал камней ей на шею, да в воду»*.

А в это время Радзивилл, решивший использовать авантюристку для борьбы с Россией, застрял надолго в Рагузе. Испуганный её претензиями и требованиями признать за ней права престолонаследия, рагузский Сенат обратился к русскому правительству за разъяснениями. Никита Панин ответил, что это – самозванка и не стоит обращать на неё внимания.

В ожидании ответа рагузского правительства застрявшие надолго в Дубровнике князь и принцесса не теряли время. С помощью Радзивилла и других польских друзей Елизаветы были сочинены письма всем главам европейских государств, в которых сообщалось, что принцесса Волдомирская является дочерью императрицы Елизаветы и Алексея Разумовского и прямой наследницей русского трона. К письмам прикладывалось «духовное завещание» императрицы в пользу своей дочери, принцессы Елизаветы.

История эта казалась правдоподобной, поскольку, по слухам, в Европе воспитывалась где-то настоящая дочь Елизаветы и Разумовского, но это хранилось в глубокой тайне.

В Рагузе самозванка получила первый удар: Сенат Рагузской республики не признал её прав. И тогда они с Радзивиллом разработали не менее дерзкий план: при-

---

влечь на свою сторону самого Алексея Орлова-Чесменского, командовавшего на Средиземном море не только большим флотом, но и десятитысячным экспедиционным корпусом, которые вместе составляли большую силу.

Началась тонкая игра двух неординарных личностей.

***

Принцесса Елизавета
Волдомирская.
("княжна Тараканова")

*Рис. И. Глазунова по
словесному описанию.*

Согласовав в переписке с Екатериной Второй свой план, Алексей Орлов-Чесменский задумал завлечь «принцессу Елизавету» в Ливорно, чтобы арестовать эту «побродяжку» и доставить, согласно воле царицы, в Санкт-Петербург для дознания. Он очень хотел этого, потому что из писем Григория и других граф знал уже, что братья Орловы отторгнуты из сердца любвеобильной Екатерины и заменены вначале Васильчиковым, а потом Григорием Потёмкиным. Алексей Орлов рассчитывал, что поимкой самозванки он сможет поправить дела Орловых и снова приблизить

братьев к трону императрицы.

В свою очередь, принцесса Елизавета, заигрывая в письмах с Алексеем Орловым, была очень осторожна и не выдавала своего местонахождения, боясь этого сильного и решительного человека. Но она оказалась снова в долгах и после политической пощёчины в Рагузе, запуты-

---

вая следы, тайно бежала в Рим, а Радзивилл, потеряв после этого к ней интерес, вернулся в Венецию.

Для поисков «принцессы» Орлов-Чесменский вначале использовал командира фрегата, югослава Марко Войновича. Ему удалось отыскать одну предприимчивую особу, которая желала встречи с Орловым. Она, как покаялась Войновичу, прибыла на судне из Стамбула и по заданию султана должна была или склонить графа на сторону Турции, или отравить его. Но эта дама промотала султанские деньги, а скорее присвоила, и капитан её судна не отпустил неудачливую авантюристку на берег. Войновичу удалось как-то уладить это дело, но он понял, что дама – не самозванка.

Тогда Орлов привлёк для поисков «побродяжки» двух своих «верных людей» – капитанов русской армии, генеральс-адъютантов: австрийца Франца Вольфа и испанца Осипа Рибаса. Но самые большие надежды были связаны с Осипом Рибасом, уже проявившим себя ранее в пикантных делах графа. Алексей Орлов для сохранения тайны на вечные времена дал Рибасу новое имя – Иван Кристинен – и полный абшид.

Кристинену быстро удалось напасть на след самозванки, уехавшей якобы в Венецию с Радзивиллом. Но выяснилось, что она, запутывая следы, направилась в Рим. Здесь Елизавета сняла виллу французского посланника Жюно и повела активную «обработку» святых отцов Ватикана – кардиналов Рокатани и Албани. Когда она поняла, что оба кардинала неохотно откликаются на её предложения о «крестовом походе» против Екатерины, Елизавета обратилась к польскому послу в Риме маркизу Античи, но и этот француз на польской службе скоро разгадал истин-

---

ные цели «наследницы престола» – добывание денег для великосветской жизни. Он понял, что принцесса – самозванка, и в мягкой манере посоветовал ей прекратить эту опасную игру.

Но Елизавета уже вошла в роль и не могла остановиться. А между тем, Иван Крестинен сумел познакомиться с ней и войти в доверие. И хотя принцесса держала в тайне свои переговоры с римскими священниками, всё же Крестинен смог раздобыть ряд её бумаг и «духовное завещание» императрицы Елизаветы. Всё это попало на стол графа Алексея, который находился в Пизе, где лечился от какой-то болезни. Из «завещания» стало ясно, что Елизавета мечтает не только отнять трон у Екатерины, но и передать Россию под протекторат Ватикана, а весь народ заставить принять католическую веру.

Через некоторое время Иван Крестинен сумел внушить Елизавете, что граф Орлов-Чесменский поддерживает её, признаёт наследницей русского трона и готов вместе с нею отвоёвывать у Екатерины престол. И хотя Елизавета долго осторожничала, но попала всё же на долги. Её осадили в Риме кредиторы, а министр иностранных дел Франции прислал Жюно выговор за то, что посланник сдал свою виллу столь сомнительной особе.

Вскоре графу Орлову удалось через английского консула Джона Дика вручить «принцессе» огромную сумму в цехинах для погашения долгов и дальнейшей «красивой» жизни. После такого щедрого дара Иван Крестинен смог убедить Елизавету поехать в Пизу, где всё ещё находился на излечении граф Орлов. Расплатившись с долгами, принцесса 11 февраля 1775 года выехала в собственной карете в Пизу.

В Пизе она была встречена графом Орловым с большими почестями, чтобы подчеркнуть «царское происхождение» авантюристки. Начались приёмы и балы в богатом дворце, который снял граф для Елизаветы. На них присутствовали все высшие чины русского флота и армии, включая их жён, зарубежные консулы и пизанская знать; на эти великосветские рауты Орлов пригласил свою «правую руку» – контр-адмирала Грейга с женой Сейрой и английского консула Джона Дика, также с женой. Все они оказывали Елизавете царские почести, но об истинном отношении Орлова к самозванке никто не знал.

Приезд и пребывание в Пизе «таинственной дамы» вызвали большой интерес городских газет, корреспонденты которых пытались любыми путями выудить хоть что-то о ней.

Одна из пизанских газет от 20 марта писала: *«Во время пребывания сей дамы за квартиру её плачено от генерала Орлова, с коим она ездила в карете на прогулку и в театр, и все видели, что он обходился с нею почтительно»*. Что происходило в каретах, о чём они говорили и что делали, никто никогда не узнает, также как и о поездках графа в дом к Елизавете. Но графу удалось увлечь Елизавету, она влюбилась в этого могучего русского богатыря, прославившегося на весь мир.

Орлов предложил принцессе немедленно выйти за него замуж, но она мягко отказала ему, сказав, что «ещё не время» – вот когда они завоюют трон, тогда Орлов поведёт её к венцу и станет соправителем. Но разгульная жизнь и страсть принцессы не позволили ей полностью отвергнуть чаяния Орлова, и они насладились сполна своей любовью. Наконец, вниманием и заботой Орлову удалось

всё же убедить Елизавету в своих самых тёплых чувствах и в желании помочь. Казалось, она уже соглашалась принять эту помощь от Алексея Орлова-Чесменского, но сомнения ещё были...

А вечерами граф писал очередные донесения Екатерине Второй, которая ещё помнила его любовные объятия и ласки. В одном из писем Алексей Орлов описал Екатерине облик её соперницы: *«Оная женщина росту небольшого, тела очень сухого, лицом ни бела, ни черна, глаза имеет большие и открытые, цветом темнокарие и косы, брови темнорусые, и на лице есть и веснушки, говорит хорошо по-французски, разумеет по-английски, думать надобно, что и польский язык знает, только никак не отзывается, уверяет о себе, что арабским и персидским языком очень хорошо говорит»*. – Орлов поймал себя на мысли, что, пожалуй, он бы и женился на ней, но испугался сам и торопливо перекрестился, отгоняя эту крамольную мысль.

В когтях орла

Замысел злой повредит самому, кто его замыслил.

Библия.

В этот день граф Орлов нервничал: уже всё было подготовлено к похищению самозванки, но оставалось последнее – заманить её на корабль. Больше нельзя было терять времени, и Алексей Григорьевич перешёл к решительным действиям, как всегда он делал, когда наступали исторические минуты. Он всё продумал и отдал нужные распоряжения.

Вечером генерал снова отправился с принцессой Елизаветой в оперу, заехав за ней и демонстративно пригласив в свою карету на виду у всей своей и её свиты. После театра, когда они возвращались, граф сел рядом с Елизаветой и снова завёл разговор о заговоре против императрицы. Орлов торопился – путь до его дома был коротким – и прямо выложил принцессе свой план:

– Ваше Высочество, я предлагаю заехать ко мне во дворец и там подробно обсудить детали нашего предприятия.

– Однако, согласитесь, граф, что это не совсем прилично: незамужней принцессе появиться в доме своего кавалера, – ответила ему Елизавета. Но порывистый Орлов привлёк её в объятия, от которых ей чуть не стало дурно. Жаркие поцелуи растопили робкое сопротивление страстной женщины. Оторвавшись от вспыхнувшего яркого румянца её щёк, граф снова вернулся к прерванному разговору:

– Дорогая принцесса, такие тайные дела лучше обсуждать с глазу на глаз, а это с большей уверенностью можно провести у меня, где есть надёжная охрана.

Принцесса согласилась с графом. Вскоре карета Алексея Орлова подкатила к парадному подъезду его дома. Когда слуги распахнули дверцу и опустили подножку, граф подал руку принцессе и помог ей сойти. И тут произошло неожиданное: Алексей подхватил Елизавету на руки – она только успела охнуть – и понёс её во дворец. Охрана – моряки и гвардейцы – вытянулись, отдавая честь графу и принцессе. Она пыталась вырваться из цепких объятий богатыря, била его веером по лицу, но он лишь улыбался.

Вбегая по мраморной лестнице на второй этаж, где были его личные апартаменты, Орлов воскликнул торжественно:

– Ваше Высочество, я возношу Вас к трону!

Это окончательно расслабило принцессу, и она отдалась во власть своего возлюбленного.

А внизу, у входа, кавалеры из свиты принцессы, подкатившие вслед за Орловым, попытались войти во дворец, но охрана ростом в морскую сажень преградила им дорогу. Раздались крики и ругань, однако вышедший офицер объяснил ясновельможным панам, что дворец – личный дом русского генерала, и они не советуют полякам нарываться на международный скандал. Галантным кавалерам ничего не оставалось делать, как злобно прошипеть «пся крев», «пся твоя маты» и другие отборные польские ругательства и восвояси удалиться...

***

Граф Орлов донёс совсем уже размякшую принцессу в свою спальню и бережно положил на огромную кровать под балдахином. Сгорая от нетерпения, он разорвал на принцессе пояс, кинжал упал на кровать, а два пистолета, которые Елизавета всегда носила с собой, отлетели на пол, сброшенные Орловым. Через мгновение с треском лопнули до нужного места кружевные панталоны, и сладострастная женщина погрузилась в блаженство, которое вызывал этот громадный русский медведь, придавивший её так, что она едва могла дышать, и ворвавшийся в неё, как ураган.

Елизавета закрыла глаза от наслаждения, она изнемогала от бешеного напора Алексея, а потом, совсем ослабев, лежала, ощущая сладкие поцелуи на губах и щеках, и на обнажённых грудях, которые этот дикарь бесцеремонно извлёк из корсета.

Потом они лежали рядом, Орлов положил голову Елизаветы к себе на могучее плечо, крепко обнимая любимую женщину. Лаская её другой рукой, граф тихо шептал слова, которые оказались ещё слаще, чем только что пережитые минуты:

– Лиза, надо завтра ехать на корабль. Я объявлю всем, что мы с тобой венчаемся...

– Я боюсь, – робко ответила она.

– Чего ты боишься? Я скажу, что ты – внучка Петра Великого – решила посетить свою родину и предстать пред очи Великой Екатерины. Мы будем скрывать свои намерения, пока не приедем в Петербург...

– Но, Алекс, – возразила принцесса, хорошо знавшая географию России, – как мы попадём в Петербург, если

его на входе в Неву охраняет мощная морская крепость Кронштадт?

Орлов уже не удивлялся познаниям этой женщины, поэтому разговаривал с ней, как генерал с доверенным адъютантом:

– Бетти, – граф переходил то к немецкому краткому её имени, то к английскому, сокращая длинное «Элизабет» до более интимных «Лиззи» и «Бетти», – Мы не пойдём южным проходом мимо Кронштадта, там нас остановят – нельзя без разрешения входить в Неву военным кораблям, даже русским. Мы пройдем северным проходом. Там ещё нет фортов, а береговые батареи Кронштадта нас не достанут. Правда, там трудный путь, много мелей и камней, но адмирал Грейг хорошо знает это место и, думаю, проведёт эскадру...

– Но он может и не согласиться на это, – прервала графа Елизавета.

– Нет, Бетти, он мой друг, да я же – его начальник, хожу под кейзер-флагом! Мы прорвёмся в Неву!

Принцесса всё более загоралась от пламенных речей графа, а он продолжал вовлекать её в свои тайные замыслы, воспользовавшись её порывистым и азартным характером.

Закрыв глаза, Бетти-Лиззи с наслаждением слушала графа и рисовала себе радужные картины восхождения на престол. Она уже так далеко ушла в своих мечтах, что с трудом, как будто откуда-то издалека до неё долетали слова графа:

– Мы бросим якоря напротив Зимнего дворца. Я объявлю всем, что Екатерина Вторая – узурпаторша, а я привез настоящую наследницу престола, внучку Петра Велико-

---

го. У меня сотни пушек и десять тысяч солдат. Быстро высадим десант и захватим дворец, а...

Елизавета внезапно вернулась из своих грёз и прервала любимого:

– А что же будет с Екатериной?

– Я отправлю её в крепость. А тебя на руках отнесу во дворец. – Алексей уже вошёл в раж и не мог остановить поток бурной фантазии. – Я подниму тебя, Лиззи, по парадной лестнице – это мрамор и позолота, такой ты ещё не видела. А дальше пронесу в Малый тронный зал – он тут, неподалёку – и посажу на трон самого Петра Великого. Царствуй!

При этих словах Лиззи упала на грудь графа и расплакалась слезами радости. «Всё, Я еду!» – промелькнуло у неё в мозгу.

– Ну, что? Едем завтра?

– Да, да... – ответила Елизавета.

– Тогда спи спокойно, завтра предстоит трудный день.

– Орлов накрыл Елизавету атласным одеялом и вышел.

***

...Принцесса, проснувшись, не увидела рядом Орлова: она забыла, что он ушёл ночью. Светило солнце, она увидела на стуле богатый шёлковый пеньюар, отороченный брабантскими кружевами. Накинув его, Елизавета прошла в соседнюю комнату и там увидела Алексея. Он писал что-то за небольшим столиком:

– Доброе утро, Алекс!

– Спасибо, Ваше Высочество. Лышу себя надеждой, что оно будет добрым.

– Чем вы заняты, мой генерал? – спросила Елизавета.

– Пишу последние поручения. Скоро поедем.

Ёкнуло сердце у принцессы, то ли от радости, то ли от страха. Она снова ушла в какой-то туман, но голос Орлова вернул ей сознание:

– В гардеробной Вас ждут служанки, Ваше Высочество, – Орлов обращался к своей Лиззи с требуемой почтительностью. – Там Вас оденут в царские наряды, достойные российской принцессы.

Через некоторое время Елизавета снова появилась в кабинете Орлова. Он был очарован её видом. Сказав ей несколько комплиментов по поводу её вкуса, Алексей подошёл к принцессе и выдернул из-за пояса неперемные её «украшения» – кинжал и два пистолета, которые она по привычке снова прицепила. Бросив всё это на кресло, граф сказал огорчённой Елизавете:

– Русские принцессы не носят на себе оружия. Их защищают подданные.

Потом Орлов снял с неё пояс и перевязал талию красивым офицерским шарфом. Взяв со стола какой-то орден, граф прикрепил его у левого плеча принцессы; в зеркале она увидела красивый муаровый бант с большим бриллиантовым крестом:

– Русские принцессы от рождения носят знаки ордена Святой Екатерины.

– Да, да... Я читала, – сказала счастливая Елизавета.

– Ну, вот, теперь всё готово. Можно ехать. – Орлов улыбнулся принцессе и повёл её под руку вниз.

На улице их ждали кареты и почётный эскорт.

Ушедшая в неизвестность

*Они ушли, и имя их было бы забыто,
но писания заставляют их помнить.*

Древнеегипетское «Поучение».

12 февраля 1775 года «принцесса» Елизавета позволила графу Алексею себя увезти, и во второй половине дня они в двух каретах в сопровождении почётного эскорта прибыли в Ливорно. Алексею Орлову с большим трудом удалось убедить её, чтобы она не брала с собой огромную свиту – с полсотни кавалеров и дам, которые вились вокруг неё в надежде получить свой кусок от стола царевны. С нею остались только самые близкие польские наставники – Михаил Доманский и Ян Чарномский, да несколько слуг.

Накануне отъезда Орлов послал курьера в Ливорно с подробными секретными инструкциями Грейгу о встрече «наследницы престола» и отдаче ей царских почестей.

На пристани их уже ждали шлюпки с адмиральского корабля «Исидор», которым командовал его друг, контр-адмирал Самуил Грейг. Что произошло далее, позволяет точно по минутам восстановить шканечный журнал корабля «Исидор»:

«12 февраля. В 1/2 5 часа прибыл на корабль «Исидор» Е.С. граф Алексей Григорьевич Орлов и с ним дама 1, при ней служанка 1, господа Михайло Доманский, Ян Чарномский, при них слуг 5, и для прибытия выполнено с каждого судна по 13 пушек. По сигналу корабль «Александр Невский» стал произ-

---

водит пушечную экзерцицию пальбою, выпалено из 70 пушек. По приказанию Е.С. привезены были с корабля «Мироносец» егери, и как оными, так и гвардиею начали производить экзерцицию с пальбою. В 6 часов отбыл с корабля «Исидор» Е.С. в Ливорн и по приказанию его, прибывшие с ним означенные персоны и их прислуги взяты за арест».

Так сжато, по-флотски, описал в шканечном журнале вахтенный офицер эту историческую драму, которая произошла на палубе флагманского корабля «Исидор» в течение всего полутора часов. Самуил Грейг в точности выполнил инструкции Орлова: вначале был царский салют, потом под шум залпов и крики чаек на «Исидор» прибыли вооружённые егери и гвардейцы и после «игр с ружьями» и отъезда графа был дан приказ немедленно арестовать всех «высоких гостей».

Драма была сыграна.

Вернёмся же к шканечному журналу корабля «Исидор»:

***13 февраля.** Отправлены с корабля «Исидор» на корабль «Мироносец» г. Михайло Доманский, с ним слуг 2, на корабль «Невский» – г. Ян Чарномский, с ним слуг 2, на корабль «Всеволод» – слуга 1.*

***14 февраля.** Эскадра снялась с якоря и пошла в море».*

Иван Кристинен для сохранения тайны также был арестован и просидел сутки в корабельном карцере, а на следующий день уже мчался в Петербург с первым радостным сообщением Алексея Орлова об удачном завершении операции «Самозванка». Вслед за Кристиненом в столицу поехал и сам граф, надеясь на милости императ-

---

рицы. Он уехал тайно, так как боялся быть «застрелену и окормлену» оставшимися иезуитами, сторонниками Елизаветы и клевретами главного польского иезуита Радзивилла.

***

Плавание эскадры контр-адмирала Самуила Грейга было долгим. Только 24 мая 1775 года бросили якоря в Кронштадте. В пути самозванка, при стоянке в английском порту, пыталась бежать, но её успели схватить и водворить снова в каюту, где ранее пребывал Орлов как главнокомандующий.

Ещё задолго до прибытия флота в Кронштадт Екатерина Вторая написала из Москвы собственноручный именной указ князю Голицыну, петербургскому генерал-губернатору, в котором предписывала ему «снять с рук» Грейга самозванку и учинить ей допрос. Между прочим, в указе она писала: *«Господин Грейг, чаю, несколько поспешит, потому что он везет на своем корабле, под караулом, женщину ту, которая разъезжая повсюду с беспутным Радзивиллом, дерзнула взять на себя имя мнимой дочери покойной государыни Императрицы Елизавет Петровны. Графу Орлову удалось ее изловить, и шлет ее с двумя при ней находящимися, поляками, с ее служанкою и с камердинером на сих кораблях и контр-адмиралу, приказано ее без именного указа никому не отдавать».*

По прибытии в Кронштадт Самуил Грейг получил от Екатерины из села Коломенского под Москвой благодарственное письмо, в котором была небольшая приписка на латинском языке, на котором царица любила сочинять стихи:

«Пусть тебе, магнит, присуще удивительное качество, однако, хотя тебя влечет небо, но сам ты не привлекаешь к себе небесной высоты. А твоя святая добродетель известна всему миру и небо влечет тебя, сам ты привлекаешь к себе небесную высоту».

Какой потаённый смысл хотела вложить в этот стих императрица, не понял, возможно, и сам Самуил Грейг, но, вероятно, Екатерина хотела сказать, что за невзрачной внешностью и видимой суровостью Самуила Грейга скрывались замечательные душевные качества и твёрдость характера.

А что было далее с самозванкой, можно узнать из того же шанечного журнала корабля «Исидор»:

«24 мая. Пришли на Кронштадский рейд.

25 мая. Бывшая на корабле «Исидор» госпожа со всем экипажем, и при ней двое господ, служанка 1, служителей 6, скороход 1 отъехали на адмиралтейскую яхту и определен на оную яхту командиром капитан-лейтенант Путятин, яхта снялась с якоря и пошла к О.»

Путятин доставил секретную «госпожу» к Невским воротам Петропавловской крепости, за ней навсегда закрылась дубовая калитка, и она оказалась в суровом Алексеевском равелине. Допрос, который чинил князь Голицын, длился несколько месяцев и ничего не давал нового: самозванка упорно твердила придуманную ею ранее легенду, с которой она «вышла в мир» ещё в Рагузе. В крепости у неё стала бурно развиваться чахотка, которая усиливалась с приближением холодной и сырой петербургской осени. Попытка Елизаветы добиться встречи с императрицей не

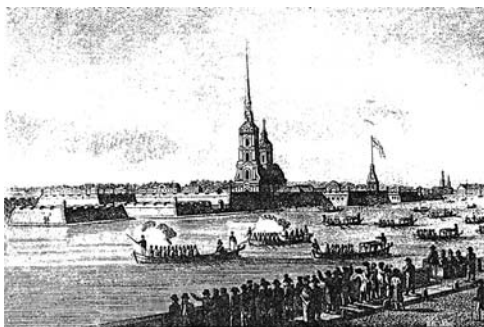

увенчалась успехом: Екатерина не захотела видеть эту «побродяжку».

В ноябре, по слухам, самозванка родила сына, которого окрестили Александром. Молва приписывала этого сына графу Орлову. И действительно, у

графа Алексея был внебрачный сын Александр, служивший потом в кавалерии. Но был ли он плодом страстных встреч Орлова с самозванкой или не менее жарких ночей, проведённых с императрицей, никто уже никогда не узнает.

В начале декабря состояние Елизаветы резко ухудшилось, и вскоре она вознеслась на Небеса, без молитвы, покаяния и причастия, унося с собой тайну своего рождения. 6 декабря 1775 года петербургский обер-комендант Чернышёв секретным рапортом сообщил князю Голицыну: *«...декабря 4-го числа, пополудни в 7 часу, означенная женщина от показанной болезни волею Божию умре, а пятого числа в том же рavelине, где содержана была, тою же командою, которая при карауле в оном рavelине определена, глубоко в землю похоронена. Тем же караульным, сержанту, капралу и рядовым тридцати человекам, по объявлении... присяги о сохранении сей тайны, от меня увещеванием наикрепчайше подтверждено».*

Вид Петропавловской крепости
в конце XVIII в.

Так закончила свой путь одна из самых знаменитых авантюристок, которая хотела воцариться в России и окатоличить её жителей.

В письме генерал-прокуратора князя А.А.Вяземского князю А.М.Голицыну имеются такие строки: *«Ея Величеству через английского посланника донесено, что известная самозванка есть из Праги трактирищикова дочь...»* А Самуил Грейг, хорошо познакомившийся с «принцессой» во время «охоты» на неё и долгого плавания с нею в Россию, считал её польской еврейкой.

***

А что же случилось с другими участниками этой исторической детективной драмы?

Иван Кристинен, прибыв в Санкт-Петербург, лично вручил Екатерине собственноручное письмо Орлова, написанное им после поимки самозванки. На другой день Кристинен снова превратился в Осипа Рибаса. Императрица определила его капитаном Сухопутного шляхетного кадетского корпуса и одновременно воспитателем графа Бобринского, внебрачного сына Екатерины Второй и Григория Орлова.

Самуил Грейг, доставивший самозванку в Петербург, был произведён в чин вице-адмирала и назначен главным командиром Кронштадтского порта и начальником флотской дивизии.

В Москве, куда был приглашён Грейг с женой Сарой, как её именовали в России, Екатерина Вторая, увидев её беременной, сказала: *«Если родится сын – будет мичманом, ежели дочь – будет фрейлиной»*. Сара родила сына через два месяца после родов самозванки. Его крестила

сама Екатерина и граф Алексей Орлов, давший младенцу своё имя. Екатерина сдержала слово и через пятнадцать дней после рождения пожаловала Алексея чином мичмана. В дополнение к этому императрица подарила Самуилу Грейгу свою дачу «Санзанюи» под Ораниенбаумом, которую построила, будучи ещё Великой княгиней.

Самой неожиданной оказалась судьба национального героя России графа Орлова-Чесменского. Читая его последнее донесение, доставленное Рибасом из Ливорно, императрица обнаружила пикантные признания графа: *«...наконец, я ее уверил, что я бы с охотой и женился на ней... Признаюсь, Всемилостивейшая Государыня, что я оное и исполнил бы...»* Екатерина почувствовала из этого письма, что граф был равнодушен к самозванке. Сладострастная, но мстительная царица не смогла простить этого своему бывшему любовнику и вместо благодарности заслала Орлова в ссылку в собственное имение без права проживать в Петербурге и Москве.

ГЛАВА III

ПОД СТЕНАМИ ОЧАКОВА

Подвиг капитана Сакена

*Я вне себя и хватаюсь за меч,
хоть пользы в нём мало...*

*Мнится: прекрасно и пасть,
за отчизну честно сражаясь.*

Вергилий. «Энеида».

К концу лета 1787 года обострились отношения России с Османской империей. Турки стали совершать набеги на приграничные места и на отдельные русские суда. 6 сентября царица узнала от курьера, что турецкие суда напали на русскую брандвахту, стоящую у Глубокой Пристани в Лимане, где была оперативная база молодого Черноморского флота. Но фрегат, умело отстреливаясь, ушёл от позорного плена. Екатерина почувствовала, что это была последняя капля, переполнившая её чашу терпения: 7 сентября она подписала манифест о войне с Турцией.

Пока под стенами Очакова, на Лимане, моряки обсуждали возможность штурма крепости, произошло событие, которое не только вписало героическую страницу в историю России, но и сильно повлияло на последующие битвы русских судов с турецкими.

С началом войны с турками в 1787 году князь Григорий Потёмкин, командовавший армией и флотом на Чёрном море, направил контр-адмиралу графу Войновичу в Севастополь предписание, в котором были такие строки:

«Подтверждаю вам стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших. Хотя бы всем погибнуть, но должно показать всю неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявите всем офицерам вашим: где увидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя б всем пропасть».

Получив такой приказ, командующий Севастопольской парусной эскадрой Марк Войнович вышел в море 31 августа, надеясь встретить турецкий флот. Но вместо флота он встретил жесточайшую бурю. Выросший на голубых волнах Адриатики, Марк Иванович не знал, что с началом сентября (или в конце августа), когда наступает равноденствие, на Чёрном море начинают бушевать свирепые бури. Всю эскадру Войновича ветром разметало по морю, кого прибило к Румелийским берегам, кого – к Кавказским, а корабль «Мария Магдалина» слепая Фортуна занесла аж к туркам.

Этим злосчастным кораблём командовал английский капитан на русской службе Тиздель, а лейтенантом у него был Иван Перелешин, не захотевший признавать «над собой инородца». В трудные часы, когда все моряки должны были сплотиться, чтобы противостоять свирепой стихии и чётко выполнять все команды капитана, Перелешин не только отказался следовать приказам Тизделя, но и стал подбивать весь экипаж не подчиняться англичанину. Собрав вокруг себя своих приспешников, Перелешин вместо

**Князь
Григорий Александрович
Потемкин-Таврический.**
Литогр. Д. Пти, кон. 1770-х гг.

того, чтобы бороться за жизнь корабля и моряков, пьянствовал в кают-компани. Корабль, лишённый разумного и деятельного управления, брошенный на произвол буре, занесло к турецкому берегу, где он сел на мель; Тиздель, видя безвыходное положение, сдал его туркам.

Этот случай, очень тяжёлый для русских моряков, жарко обсуждался среди морских и армейских офицеров. Случай – небывалый; ещё ни один русский корабль не сдавался врагу без боя.

***

В ожидании подхода турецкого флота к Очакову Суворов стал беспокоиться о судьбе подвластной ему слабой Кинбурнской крепости, расположенной в самом горле Лимана, напротив турецкой твердыни. Он попросил командующего Лиманской гребной флотилией принца Нассау-Зигена, чтобы ему прислали для прикрытия с моря и для связи несколько парусно-гребных судов. Принц отрядил к Суворову одну дубель-шлюпку под командой капитана Сакена и два других малых судна, которыми командовал граф Дама. Здесь, у Кинбурна, оба командира бросили якорь.

Рейнгольд фон Остен-Сакен, родом из прибалтийских дворян, эстляндский немец, начал службу на флоте в 1769 году, отправившись с Балтийским флотом в Архипелаг.

В 1787 году его произвели в капитаны второго ранга и наградили орденом Святого Георгия Победоносца 4-го класса за восемнадцать морских кампаний. Русские моряки называли его Христофор Иванович, так им было легче общаться. Это был храбрый офицер, знающий своё дело и любимый не только сослуживцами, но и князем Потёмкиным, который поручал ему разные ответственные дела.

Граф Роже Дама происходил из родовитой французской семьи. В поисках славы он в 1788 году, когда ему было только 22 года, поступил на русскую службу и отправился под Очаков. Потёмкин направил его к принцу Нассау, который дал в команду Дама два небольших судна для крейсирования у Кинбурнской косы, о чём, как мы уже знаем, просил Суворов.

Прибыв в Кинбурнскую крепость, Дама съехал на берег и пошёл представиться Суворову. Ему сказали, что генерал ещё спит, поэтому Дама в отведённой ему палатке сел писать письмо сестре, с трепетом ожидая встречи с прославленным командиром. Вдруг в палатку вошёл человек в простой сорочке и спросил:

- Позвольте узнать, кто вы такой?
- Граф Роже Дама, командир отряда судов, прикомандирован к генералу Суворову, жду его пробуждения, чтобы передать ему письмо от принца Нассау.
- Я очень рад, – сказал вошедший, – познакомиться вас с ним. Это я. Не правда ли, я держусь без чинов?

Увидев, что Дама слегка оторопел, Суворов успокоил его:

- Оправьтесь и не беспокойтесь. Кому вы писали, когда я вошёл?

Дама был немного задет такой бесцеремонностью, недопустимой во французском этикете, но, видя простоту обращения Суворова, сказал, что писал сестре в Париж.

– Очень хорошо, – сказал мягко Александр Васильевич, – я сам позабочусь о доставке этого письма. Но я ей тоже напишу, – вдруг добавил он.

Устроившись в тамбуре палатки, Суворов написал письмо сестре Дама на четырёх страницах, из которого она, как писала потом брату, не поняла половины. И это не удивительно: знаменитый полководец выражался всегда кратко, афористично и часто зашифровывал свои мысли, так что его письма приходилось разгадывать.

***

Ещё когда Суворов находился в Херсоне, где было Главное управление Черноморским флотом, прозванное Суворовым в насмешку «Академией», пришло известие о позорной сдаче в плен корабля «Мария Магдалина». Морские офицеры бурно обсуждали это событие, собираясь по вечерам в тавернах. Однажды такой спор произошёл в присутствии Рейнгольда Сакена. Один из офицеров, трезво оценив обстоятельства пленения, сказал:

– Господа, мы жарко спорим, но что оставалось делать капитану «Марии Магдалины», потерявшей в бурю весь рангоут?

– Я не согласен! – воскликнул другой моряк, поднявший бокал. – Капитан Тиздель должен был утопить свой корабль в море.

На это ему кто-то возразил:

– А если офицеры корабля не были согласны?

– Надо было их не спрашивать, – не унимался молодой моряк.

– А как же «Морской устав»? Он требует на это согласия всех офицеров и рядовых служителей.

В спор вмешался ещё один лейтенант:
– Я думаю, что командир, присягнувший императрице верно служить ей, не должен был сдавать туркам корабль, даже когда его выбросило на мель. Надо было сражаться с врагом до конца!

Рейнгольд Сакен молча слушал эти споры, а потом встал и произнёс:

– Господа, рассуждайте об этом несчастном обстоятельстве, как думаете и как каждый из вас поступил бы в подобном случае. А что до меня касается, если судьба приведёт вверенное мне судно в опасность достаться неприятелю, я скорее взлечу с ним вместе на воздух, нежели переживу подобное бесслаvie. В этом уверяю вас честным словом.

Никто тогда не подозревал, что слова капитана Сакена были пророческими...

***

Прошло более семи месяцев после этого разговора моряков. И вот настал этот день.

Суворов увидел на горизонте приближающуюся турецкую эскадру. Он написал принцу Нассау о судах, которые приближались к Очакову. В ответ пришло распоряжение, чтобы Сакен и Дама вернулись в Глубокую Пристань, что на Днепровском лимане у Станислава. В ночь на 19 мая Сакен велел Дама уходить, а сам задержался у Кинбурна, ожидая, когда Суворов закончит своё письмо принцу.

Ветер усилился и стал для турецкого флота попутным. Его малые суда уже входили в горло Лимана. Увидев это, Сакен, сидевший у себя в каюте с другом – полковником Марковым, сказал ему:

– Положение моё опасно, но честь мою могу ещё спасти: если турки атакуют меня двумя судами, я возьму их; с тремя буду сражаться, от четырёх не побегу; но если нападёт больше, тогда прощай, Фёдор Иванович, мы более не увидимся!

Лишь рано утром Суворов переслал пакет Сакену, и дубель-шлюпка подняла паруса. Турецкие моряки увидели это, и их галеры ринулись догонять дубель-шлюпку. Ветер стал стихать, и тяжёлое, неуклюжее судно начало терять скорость. Матросы взялись за вёсла, но дубель-шлюпка, этот пережиток ещё елизаветинского времени, не могла соревноваться с быстроходными турецкими галерами.

Дубель-шлюпка.

С рис. А. Карелова.

Дубель-шлюпка уже приближалась к устью Южного Буга. За мысом была спасительная Глубокая Пристань, где стоял русский флот. Но тринадцать галер настигли тупое в ходу судно Сакена. Турки гнали его, как стая гончих псов лису, подбадривая себя громкими победными криками; они понимали, что лёгкая добыча в их руках: судну «гяуров» уже не уйти от них, и турки приведут свой трофей с ликованием под стены Очакова...

Рейнгольд Сакен понял, что он не успеет достичь мыса, за которым его и врагов увидят с кораблей русского флота. Он приказал спустить на воду шлюпку, в которую сели все девять его матросов, передал им судовые документы,

---

пакет от Суворова и флаг. Шлюпка быстро направилась в сторону мыса, а командир сам стал управлять своим судном.

Когда первые четыре галеры приблизились к дубель-шлюпке, Сакен зажёл фитиль и спустился в крют-камеру, где хранился запас пороха. Турки сцепились с дубель-шлюпкой и с победными криками ринулись на её палубу, но в этот момент раздался сильный

Подвиг капитана Р. фон-дер Остен-Сакена 20 мая 1788 г.

Гравюра, сделанная по велению Екатерины II.

взрыв, и дубель-шлюпка разлетелась на куски, а вместе с нею четыре турецких галеры. Остальные в страхе остановились, поражённые произошедшим. Этот взрыв увидели и матросы со шлюпки. Они сняли свои фуражки и перекрестились, молясь о душе Сакена. Оставшиеся турецкие галеры, наскоро подобрав плавающих матросов, которым посчастливилось выжить, погребли в сторону Очакова, везя, вместо вести о победе, тяжёлое сообщение о гибели четырёх галер и их экипажей.

Печальное известие о гибели дубель-шлюпки через несколько часов было доставлено в Глубокую Пристань и доложено Нассау-Зигену. Весь русский флот скорбел о своём храбром товарище, но и гордился тем, что настоящий русский офицер не сдаётся никогда врагу, жертвуя собой во имя Отчизны.

Несколько шлюпок были направлены к месту взрыва дубель-шлюпки, чтобы найти тело Сакена. Но моряки нашли только лежащие на мелководье у Сарыкальского мыса останки судна, перевёрнутые вверх дном. А через несколько дней поисков у противоположного мыса, до которого так и не успела дойти дубель-шлюпка, нашли тело капитана. Оно было без рук и головы, и Сакена опознали только по Георгиевскому кресту, чудом сохранившемуся в петлице, как будто Господь оставил этот орден потомству в пример.

Капитану Сакену было всего тридцать пять лет от роду.

Узнав из донесения князя о подвиге капитана Сакена, Екатерина повелела наградить всех его родных и близких и обеспечить их пожизненными пенсиями. А чтобы сохранить в памяти потомков подвиг героя, она велела сделать рисунок подвига, который был литографирован и распространялся в народе.

А что же Дама? Избежав плена или гибели, он продолжал служить в Лиманской гребной флотилии, ничем особенно не прославившись, но, как все иностранцы-волонтёры, поучал русских, как надо воевать, и даже давал указания Суворову.

Мальтийский рыцарь Ломбард

Безумству храбрых поём мы песню
М. Горький. «Песня о буреветнике».

Война приняла затяжной характер, но послужила хорошей приманкой для авантюристов разных стран – можно было показать себя и добиться почестей и славы. Среди этих «искателей славы» первым объявился потомок мальтийских рыцарей Джулиано де Ломбард, молодой человек двадцати лет от роду. Екатерина послала его к князю Григорию Потёмкину под Очаков.

Молодой Джулиано, как и все мальтийцы, был хорошим моряком, смелым и отважным. Князь принял Ломбарда на русскую службу с чином мичмана и направил в Лиманскую гребную флотилию под начало принца Карла Нассауского. Принц назначил Джулиано командиром галеры «Десна» - судна, на котором Екатерина плыла по Днепру, когда совершала вояж в Крым. После её путешествия императорскую галеру переделали в боевую. Это было довольно быстроходное и сильное судно с престижным названием, напоминавшем о самой Екатерине Великой.

Получив в командование галеру, Ломбард уже с осени 1787 года показал себя храбрым, находчивым и решительным моряком.

Турки предприняли несколько атак на крепость Кинбурн, «прилепившуюся» на узкой косе напротив Очакова. Турецкие суда, подходя к песчаной косе, высаживали десанты, но их успешно отбивали войска, бывшие под командованием генерал-лейтенанта Александра Суворо-

---

ва. Вот тут и проявился рыцарский характер Ломбарда: на своей «Десне» он смело бросался навстречу турецким судам и, завязав с ними бой, заставлял их отступать. Во время этих десантов турки потеряли корабль, две шебеки и две галеры.

Суворову очень понравился этот молодой и отчаянно храбрый офицер, и он с ним подружился. Восхищённый отвагой и дерзостью Джулиано, Суворов писал в своих донесениях князю Потёмкину и его секретарю: *«Как взорвало турецкий корабль, вдруг у него оказался в облаках прегордый паша, поклонился Кинбурну и упал стремглав назад... За гостинцы приношу мою нижайшую благодарность, особливо за Ломбарда!»*

***

В одной из атак, 30 сентября, турецкий флот, подойдя к косе, начал мощную бомбардировку крепости Кинбурн, высадив потом пятитысячный десант. Увидев это, Ломбард на своей галере ринулся на левое крыло выстроившихся в линию турецких судов. Турки решили, что «Десна» – это брандер, который русские пустили на них, чтобы взорвать турецкие суда. В панике семнадцать мелких неприятельских судов бежали от Кинбурна, бросив свой десант на косе. Воспользовавшись суматохой, возникшей в турецком десанте после бегства их судов, Суворов разгромил его так, что только пятьсот вражеских солдат смогли спастись, пустившись вплавь через Лиман до Очакова.

Узнав о героическом поступке мичмана Ломбарда из донесения Суворова, главный флотский начальник, контр-адмирал Мордвинов, сидевший в Херсоне, велел

предать Джулиано военному суду за нападение на турецкий флот без его, Мордвинова, приказа. Этот англоман, педант и бюрократ в морском мундире, никогда не мог понять, что на войне бывают ситуации, когда нет времени на ожидание приказов начальства, а надо действовать. И вот Мордвинов – ходячий «циркуляр и инструкция» – вместо просимой награды Ломбарду велит отдать его под суд. Узнав об этом, возмущённый Суворов написал Потёмкину письмо, в котором резко осудил распоряжения Николая Семёновича, обозвав контр-адмирала такими словами, какие он заслужил, а Суворов всегда был остёр на язык и прямо «резал правду-матку».

Князь Потёмкин отменил приказ Мордвинова, отчитав его за бюрократизм и канцелярщину, и повелел награждать мичмана за личную храбрость орденом Святого Георгия Победоносца 4-го класса. Но Ломбард не успел его получить.

4 октября отряду русских судов было дано задание напасть ночью на турецкую эскадру, стоявшую под стенами Очакова. Командование отрядом поручили командиру плавучей батареи капитану второго ранга А.Е. Верёвкину. Считая, что батарея тихоходна, Верёвкин, не дожидаясь прихода двух галер, заранее начал нападение, рассчитывая на скорое прибытие галер. Турецкие суда, окружив батарею, открыли по ней ураганный огонь. Русские моряки, отбиваясь, стали отходить попутным ветром в море. И снова мичман Ломбард, проявил решительность и самостоятельность: на «Десне» он пробился через турецкие корабли к батарее, уже изрядно повреждённой. Сблизившись, он на ходу перескочил на батарею и вместе с Верёвкиным стал отчаянно отбиваться от турок, не допуская их к abordажу.

Плохо управляемую, тяжёлую на ходу батарею отнесло к мели Хаджибейского мыса, где она застряла. После полного выхода из строя батареи экипаж высадился на берег, но был тут же взят в плен. Всех русских моряков отвезли на судах в Стамбул-Константинополь и посадили в Семибашенный замок, где уже были заключены моряки с «Марии Магдалины».

***

Случившееся неприятное событие омрачило русских моряков и армейцев. Все сожалели о нём и беспокоились о судьбе Ломбарда и Верёвкина, не зная, что с ними. В письме князю Потёмкину Суворов написал с огорчением: *«Бог наказал плавучею батареею и Ломбардом... Батарея пронеслась ветром сквозь оба турецкие флота с пальбою, несколько попортила один турецкий фрегат и ушла из виду...»*

В начале февраля 1788 года Суворов ещё не знал о судьбе Ломбарда, но сберегал для него Георгиевский орден. В одном из писем он писал: *«6-ой крест оставлен лейтенанту Ломбарду, что в полону – ежели жив»*. Но вот пришло сообщение через французского посла в России, что Ломбард жив и находится в замке. Обрадованный Суворов тут же спешит поделиться с князем Григорием: *«Но прибавление к утехе... мальчик Ломбард жив»*.

А новоиспечённый лейтенант Джулиано Ломбард даже не знал о своём награждении и повышении в чине; он сидел в общей камере вместе в Верёвкиным, Перелешиним, Тизделем и другими русскими офицерами.

Удручённый своим положением Тиздель, находясь в недружелюбном окружении офицеров «Марии Магдали-

---

ны», писал мемуары, чтобы по выходе из тюрьмы хоть как-то оправдаться перед семьёй, Россией и Историей. Дома, в Севастополе, у него были жена и сын, и хотя Екатерина Вторая при посещении Севастополя жила в его доме, но позор невольно падал и на семью, и поэтому опечаленный капитан боялся их опалы.

Тиздель вскоре сдружился с Ломбардом, единственным иностранцем, который не осуждал страдающего капитана «Марии Магдалины». По предложению неугомонного и бесстрашного Ломбарда они начали обсуждать план побега из Семибашенного замка. Но Тиздель, как истый англичанин, ждал своего законного освобождения и военного суда, который, как он считал, воздаст всем по заслугам и оправдает его, поэтому он отказался от побега.

Гордый мальтиец не мог перенести позора плена и отчаяния, не выдержав, вскрыл себе вены, но это заметили его товарищи по несчастью и вызвали врача. Раны на руках оказались не опасными и быстро зажили, однако этот случай помог Ломбарду связаться с французским послом в Константинополе, и они подготовили побег. Получив тайно верёвку и необходимые инструменты, Ломбард сумел незаметно спуститься со стены замка, но недалеко от земли верёвка лопнула, и Джулиано свалился вниз, сломав ребро. Охрана замка подобрала его и, изрядно поколотив, отправила назад. Узнав об этом в середине марта, Суворов в свойственной ему «телеграфной» манере со-

Вице-адмирал Иосиф Михайлович Рибас
Портр. Лампи-старш., 1799 г.

общил князю Потёмкину: «Бедненький Ломбард и ребро выломал и постукали».

И всё-таки храброму мальтийцу с помощью французского посольства удалось бежать из тюрьмы. «Описав дугу» через ряд европейских стран, он снова прибыл в Россию. Узнав об этом, обрадованный Суворов написал князю, чтобы царица «вернула» Ломбарда на Юг, и храбрый Джулиано впоследствии появился опять в гребной флотилии.

Контр-адмирал Поль Жонес

О люди! Жалкий род, достойный слёз и смеха!

*Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведёт в восторг и умиление.*

А.Пушкин. «Полководец».

Создавая новый Черноморский флот, Екатерина Вторая прекрасно знала, что ему не хватает грамотных и опытных моряков, которым можно было бы поручить командование судами. В Херсоне и в других приднепровских городах строились большие корабли и малые суда, но для них не было команд. Приходилось посылать офицеров и рядовых из Кронштадта, Петербурга и даже Архангельска. Особенно флот нуждался в командирах, поэтому Екатерина приглашала боевых офицеров

из разных государств, среди них оказался и знаменитый американский корсар Пол Джонс, которого в России называли почему-то на русско-французский лад – Павел Жонес. Царица, наслышанная о нём, возлагала большие надежды на этого морского офицера, не раз громившего английские корабли и разорявшего прибрежные города Британии, из-за чего, как мы уже знаем, он был объявлен врагом английской нации, которого надлежит повесить.

В это время в молодом городе Херсоне, что в низовьях Днепра, строились корабли для нового Черноморского флота. Зная сложную обстановку на флоте, где не было энергичного и инициативного командующего, царица предполагала на это место пригласить хорошего моряка-француза. Екатерина обратилась к французскому королю Людовику XVI с просьбой прислать ей знающего морского офицера для организации Черноморского флота. Король через графа Сегюра, с которым у Екатерины были дружеские отношения, предложил Пола Джонса.

В декабре 1787 года, когда Пол Джонс находился не у дел, он получил через русского посланника в Париже Симолина приглашение Екатерины поступить в русский флот.

Вскоре Джонс получил разрешение на вступление в русскую службу от американского посланника в Париже Джефферсона. Затем завязалась долгая переписка с многими лицами для уточнения условий этого перехода.

В апреле 1788 года Пол Джонс поехал в Данию по приглашению русского посланника барона Крюденера, жившего в Копенгагене. Барон вручил Полу собственноручное письмо Екатерины Великой с приглашением возглавить Черноморский флот в чине контр-адмирала, но под общим командованием Григория Потёмкина.

Джонс попытался отправиться в Россию на каком-либо судне, но в восточной части Балтийского моря было ещё много плавающих льдин, поэтому никто не откликнулся. И тут Пол Джонс проявил себя как закоренелый пират. Он нанял прогулочный флейт и, выйдя в море, навёл на хозяина пистолет, чем заставил вести судно к русским берегам. Через четыре дня, пробиваясь сквозь льдины, маленькое судёнышко достигло Ревеля, откуда Джонс в карете отправился в Санкт-Петербург.

Статс-секретарь императрицы Екатерины Александр Храповицкий отметил день 24 апреля 1788 года в своих ежедневных записках короткой фразой: «Получено известие, что 20 числа выехал из Ревеля Павел Жонес. Он вступает в нашу службу».

– Он проберётся в Константинополь, – сказала императрица Храповицкому, когда тот доложил о приезде американца.

Но ещё до прибытия Джонса Екатерина написала Потёмкину под Очаков, что посылает знаменитого корсара на юг: *«Сей человек весьма способен и в неприятеле умножать страх и трепет; его имя, чаю, вам известно, когда он к вам придет; таков ли он, как об нем слух повсюду»*.

Однако Тайный Совет воспротивился принять Джонса на русскую службу, опасаясь осложнений с Англией. Узнав об этом, возмущённая Екатерина сумела настоять на своём и вечером 9 мая сказала Храповицкому:

– Они в Совете всё останавливают; сбили было Поля Жонеса, насилу поправила.

Через два дня после приезда Пол был принят императрицей и получил официальное назначение на Черномор-

---

ский флот. Узнав об этом, английские моряки, служившие в русском флоте, посчитали себя оскорблёнными: они не пожелали служить в одном флоте с врагом их нации, пиратом, по которому плачет виселица, тем более, так высоко вознесённым. Самуил Грейг с большой неохотой присоединился к ним и подписал прошение об отставке. Это был большой удар по самолюбию императрицы. Еще бы! Двадцать офицеров сразу подали в отставку!

При личном докладе Екатерине Грейг понял, что царица не уступит ультиматуму английских офицеров, который подрывал её самодержавную власть. Возмущённая императрица резко высказалась по этому поводу:

– Как эти люди, эти нищие, выпрашивающие у меня милости, смеют оспаривать моё право обращаться, как я хочу, с приглашённым мной гостем?

Вернувшись после аудиенции в Кронштадт, Грейг убедил своих соотечественников в бессмысленности их ультиматума, и они остались на службе, хотя и затаили в душе недовольство. А двоих, самых непримиримых капитанов, царица уволила.

7 мая 1788 года Пол Джонс отправился в Херсон. С ним ехал лейтенант Эдвардс в качестве адъютанта и переводчика. Екатерина вручила Джонсу две тысячи дукатов и хвалебное письмо для представления Потёмкину.

Через двенадцать дней Джонс въехал в Херсон.

***

А под Очаковом все ждали с надеждой и интересом прибытия Джонса. И было от чего. Николай Мордвинов, номинально командовавший Черноморским флотом, пер-

---

воприсутствующий Черноморского адмиралтейского правления, будучи человеком инструкций и регламента, не проявлял активности в морских операциях у стен Очакова. Сидя в Херсоне, он издавал приказы, которые не всегда учитывали местную обстановку, и требовал их неукоснительного выполнения. В то же время под Очаковым собрались моряки, жаждущие дела. Все рвались в бой. В ожидании Пола Джонса Суворов писал Потёмкину: *«Всемогущий Бог да благословит предприятия Ваши! Это, конечно, милостивый Государь, Пауль Ионс, тот американец, который опасно, чтоб и нас, трубадуров Ваших, не перецеголял»*. И в другом письме: *«И князь Нассау, которому под рукой велел здесь приготовить возможные выгоды, и Пауль Жонс, и я, – какое же множество у Вашей Светлости трубадуров! Мило. Друг перед дружкой мы не оставим выказываться и, право, с прибавлением, доколе живы»*.

Наконец-то в Херсон прибыл долгожданный Джонс. Но Потёмкин вместо того, чтобы вручить ему весь Черноморский флот, назначил Джонса командовать парусной эскадрой из семнадцати разных судов, в основном небольших. Вскоре из Херсона прибыли в Глубокую Пристань два новых корабля, один под командованием Мордвинова, а другой – Алексиано. Они, будучи в равных чинах с Джонсом, отказались ему подчиняться, но Джонс, опираясь на письмо Екатерины и поддержку Потёмкина, заставил их признать его права. Мордвинов тут же уехал обратно в Херсон, а Пол Джонс поднял свой флаг на корабле «Владимир». Это вызвало первую неприязнь у его соратников – морских офицеров.

Помимо корабельной парусной эскадры под стенами Очакова имелась ещё и гребная Лиманская эскадра из

шестидесяти парусно-гребных судов, которой командовал честлюбивый авантюрист, немецко-французский принц Нассау-Зиген. Он также отказался подчиняться Джонсу. Так под Очаковым возник «парад адмиралов», каждый из которых хотел быть или самостоятельным, или командовать другими. Это Николай Мордвинов, Пол Джонс, Карл Нассау-Зиген, Марк Войнович и Панаиоти Алексиано.

С Мордвиновым мы уже познакомились. А вот краткие портреты других.

Панаиоти Павлович Алексиано был греком; волон­тёром поступил на эскадру Григория Спиридова во время пребывания Балтийского флота в Средиземном море под командованием Алексея Орлова. Алексиано участвовал в Чесменском сражении. Командовал фрегатом, крей­сировал у берегов Турции, овладел крепостью Яффа и уча­ствовал во взятии Бейрута, за что был награждён орденом Святого Георгия Победоносца 4-го класса, который давал­ся только за личную храбрость. До прибытия Джонса он командовал парусной эскадрой на Лимане, имея чин ка­питана бригадирского ранга. Теперь его сменил Джонс.

Карл Генрих Никола Оттон, принц Нассау-Зиген, был одним из потомков князей Нассау в Германии. Считая себя незаконно лишённым родового княжества, он всю жизнь пытался отсудить его, но ему это не удавалось. С пятнад­цати лет Карл начал службу во французском флоте. Он участвовал в кругосветной экспедиции Бугенвиля, сра­жался потом против англичан в войне за независимость американских колоний, участвовал в осаде Гибралтара. В 1788 году принят на русскую службу в чине контр-адми­рала. В общем, это был типичный авантюрист, искатель приключений, наёмник со скандальным характером и

Контр-адмирал
принц Карл Нассау-Зиген.
Гравюра 1789 г.

ловкий интриган, но храбрый и дерзкий, оправдывающий свою фамилию – «Зиген» по-немецки «победа».

Марк Иванович Войнович – граф, выходец из Далмации. На русскую службу вступил в 1770 году в Средиземном море во время пребывания там Балтийского флота; проявил себя храбрым и распорядительным командиром корабля. В 1780 году назначен командующим Каспийской флотилией. В адмиральском чине командовал Севастопольской парусной эскадрой Черноморского флота. Как поговаривали, графом он стал случайно, из-за описки в

наградных бумагах во время Средиземноморской кампании.

Все эти лица враждовали между собой, не хотели никому подчиняться и плели интриги, чтобы «свалить» своего конкурента. И тогда же к ним добавился и Осип Рибас, который в 1777 году объявился в армии Потёмкина. Вскоре он получил чин бригадира, выполняя поручения главнокомандующего Екатеринославской армией Потёмкина. В 1788 году Рибас был одним из командиров в гребной флотилии.

С этими людьми Джонсу предстояло служить и воевать вместе. А они в первые же дни после приезда Джонса так перегрызлись между собой за первенство на море, что

возмущённый Суворов вынужден был написать резкое письмо (25 мая 1788 года):

«Принц, господа Флагманы. Вам вызволять меня из затруднений, в кои Вы меня ввергли; тяжко мне, страшусь потерять столь драгоценные милости князя. Действуйте как знаете, укрепите меня и укрепитесь сами, я в отчаянии. Немедля задержите курьера, сговоритесь и с Рибасом».

***

Понимая, что он оказался в сложной обстановке, но, имея на руках письмо Екатерины и поддержку Потёмкина, Пол Джонс решил созвать военный совет и попытаться наладить отношения с подчинёнными. 31 мая на военном совете Джонс произнёс вступительное слово, которое, как ему казалось, должно было примирить всех «новоиспечённых» адмиралов:

– Господа, неожиданно призванный на службу ея величества, я вдвойне нуждаюсь в снисхождении, не зная вашего языка и обычаев. Я сознаю, что сомневаюсь в своих способностях, как следует исполнить обязанности, возложенные на меня высоким доверием ея величества. Но я рассчитываю на мое усердие и ваше милостивое содействие, а также на ваши благосклонные советы на пользу службы. Мы сошлись, господа, по серьёзному делу. Мы должны разрешить вопросы, от которых зависит честь русского флота и интересы страны ея величества. Нам предстоит иметь дело с могущественным врагом... Мы должны порешить, что выйдем из борьбы победителями. Соединим все наши руки и сердца воедино. Будем выказы-

---

вать только благородные чувства и отбросим от нас все личные соображения. Почести могут быть приобретены каждым, но истинная слава солдата или матроса состоит в пользе, приносимой отечеству.

После этого Пол Джонс рассказал своим коллегам-адмиралам о французской морской тактике, которую считал образцовой.

Однако они молча выслушали присланного им из Петербурга командующего и остались при своих взглядах и интересах. Пол почувствовал, что он остался в изоляции и не сможет приобрести среди них друзей. Но несколько ранее он встретился с уже известным тогда генералом Суворовым, и между ними вспыхнула искра дружбы.

Суворов и Джонс встретились 23 мая, о чём сообщил вездесущий Осип Рибас секретарю Потёмкина Василию Попову: *«Александр Васильевич принял вчера Поль Джонса с распростертыми руками. Доверие, дружба установлены как с одной, так и с другой стороны».*

Во время этой встречи Джонс посоветовал Суворову, командовавшему войсками на Кинбурнской косе, укрепить её западный конец, на что Суворов ответил, что он и сам знает об этом, но ничего не может предпринять без разрешения князя Потёмкина. Контр-адмирал Джонс несколько удивлённо сказал полководцу:

– Князь-фельдмаршал, конечно, слишком великий воин, чтобы не понять пользы предлагаемого шага.

– Однако, любезный адмирал, вы великий открыватель, обнаружив в Потёмкине великого воина, – ответил Суворов.

После этого свидания, 26 июня, Суворов написал князю Потёмкину письмо с восторженными словами об этой

встрече: «Здесь вчера с Пауль Жонесом увиделись мы, как столетние знакомые».

И тогда же Александр Васильевич направил краткое письмо принцу Карлу Нассау-Зигену:

«Адмирал Поль Джонс полагает, что было бы хорошо прикрыть Кинбурн несколькими кораблями, кои бы сами находились под прикрытием крепости и турок слишком близко к ней не подпускали. Ранг кораблей, равно как и вся операция, зависят от соизволения Вашего Высочества».

Но «Их Высочество» не соизволил и ответил Суворову, что «мой флот не может быть разделён».

Обиженный полководец написал принцу резкое письмо:

«Его превосходительство Поль Джонс держался того мнения, что для защиты Кинбурна потребны несколько кораблей должного ранга, кои стояли бы на якоре под прикрытием крепостных пушек. Ваша позиция прекрасна, вы держите турецкую эскадру под угрозой и оттягиваете неприятеля от Кинбурна, но турки не будут вечно дремать и в самом недалеком будущем смогут убедиться в слабости наших стен, ежели вздумают подойти поближе, а особливо ежели северо-западный и северо-восточный ветры воспрепятствуют Вам прийти к нам на помощь. Но тут, Ваше Высочество, Вы, как моряк, принимайте надлежащие меры. Не мне, человеку сухопутному, вам указывать.

Целую Вас, любезный принц, А.С.»

Однако, наряду с первыми восторгами, появились и первые разочарования. Суворов попросил Пола Джонса как командующего парусной эскадрой прислать ему несколько судов для охраны слабой Кинбурнской крепости. Но Джонс занял оборону у Глубокой Пристани, ожидая нападения турецкого флота, стоящего у стен Очакова. Он отказал Суворову. Обиженный Суворов с присущей ему прямоотой написал раздражённо Потёмкину: *«Пол Джонс порядочная свинья. Едва начали, как он порадовал меня своей обороной»*.

С первых же дней князь Нассау-Зиген стал интриговать против Джонса и настраивать Потёмкина к негативному отношению к Полу. Остальные командиры пока что присматривались к нему. Только Суворов поддерживал Джонса, но тоже очень осторожно, как всегда, проявляя свою известную всем «военную хитрость».

Вскоре ещё один друг Суворова – Осип Рибас – посоветовал ему поставить батарею на самом конце Кинбурнской косы, чтобы держать под обстрелом узкий Очаковский пролив. Суворов последовал этому совету и очень кстати.

Очаковское сидение

*Под Очаковом стояли –
много нужды принимали.
Свинцу-пороху теряли –
белы стены пробивали.
Белых стенок не пробили –
только турок раздражили.*
Народная песня об осаде Очакова.

А война, между тем, уже разгорелась. На неё, как осы на мясо, слетелись из всех стран авантюристы, неудачники и отверженные – открывалась широкая возможность показать себя всесильному князю Григорию Потёмкину и тем обеспечить хорошую карьеру: с чинами, званиями, орденами и деньгами. Здесь были: дипломат, писатель и друг Екатерины, французский принц де Линь; немецкий принц Ангальт-Бернбург, ближайший родственник Екатерины Второй; воинственный принц Нассау-Зиген, который не смог отвоевать свои родовые земли и поэтому шёл волонтёром ко всем воюющим монархам; греческий корсар Ламбро Качони; испанец, авантюрист и великий интриган Осип Рибас, бывший правой рукой Алексея Орлова при поимке самозванки; американский корсар Пол Джонс; французские аристократы, бежавшие от ужасов революции, – графы Ланжерон и Дама, герцог Ришелье; множество других инородцев разных званий и сословий – англичан, итальянцев, греков и югославов; да и своих, прибалтийских немцев, было немало. Вся эта пёстрая компания,

---

рискую жизнью, занималась искательством славы, чинов, почестей и наград.

Духовным вдохновителем новой войны был Григорий Потёмкин. То, что не удалось Алексею Орлову – низвергнуть минареты со Святой Софии, водрузив на ней кресты, и создать новое греческое царство с внуком Екатерины Константином во главе, царица теперь поручила Григорию Александровичу. Князь Григорий разработал подробный план войны и теперь старался его осуществить.

...Статс-секретарь императрицы Александр Васильевич, работая, как всегда, во дворце рядом с кабинетом Екатерины, переписывал набело очередную пьесу царицы. Надо сказать, что Екатерина была неплохим драматургом и писала недурственные водевили, драмы и трагедии, а иногда сказки и либретто опер, которые потом ставились в дворцовых театрах. Александр Храповицкий, этот шустрый толстяк, вечно потный и пыхтящий от одышки, по заданию Екатерины подыскивал ей необходимую историческую литературу, переписывал и правил царицены черновики, договаривался с театрами о постановке и вообще был близким доверенным Великой, с которым она была предельно откровенна. Высшим судьёй её произведений царица считала умнейшего и образованнейшего князя Потёмкина, которому посылались для отзывов все её литературные произведения. Но сейчас Потёмкин был далеко...

Роясь в дипломатическом сундуке в поисках нужного документа, Александр Васильевич наткнулся на пачку перевязанных листов. Стал читать: это был секретный план князя Потёмкина-Таврического по захвату персидских земель – воспользоваться бывшей там смутой, занять Баку и

Дербент и, присоединив гилян, создать Новую Албанию для будущего наследия великого князя Константина, ожидавшего своего восшествия на греческий престол в Константинополе, когда русские возьмут его.

Городская площадь в г. Херсоне.

Карт. Ф. Алексеева, 1794 - 1796 гг.

Захватив план Потёмкина, Храповицкий зашёл к Екатерине, чтобы узнать, что с ним делать. Царица в этот час как раз читала записку князя Вяземского с возражениями на этот план. Передав записку Храповицкому, она повелела читать её вслух и высказывала свои замечания, отметив, что князь Вяземский, как многие другие, не очень дружелюбен к Потёмкину и постоянно мешает его начинаниям.

Прервав Храповицкого, Екатерина сказала:

– Князь Вяземский, граф Захар Чернышев и Никита Иванович Панин во всё время войны разные делали препятствия и остановки; решиться было должно дать полную мочь Григорию Потёмкину, Александру Румянцеву – и тем кончилась бы война. Много умом и советом помог князь Григорий Александрович Потёмкин. Он до бесконечности верен, и тогда-то досталось от меня Чернышеву, Вяземскому и Панину. Ум князя Потёмкина превосходный, да ещё был очень умён граф Орлов, который подбуждаем братьями шёл против князя Потёмкина в худом правлении частью войска, то убеждён был его резонами и отдал ему

всю справедливость. – Царица глотнула кофе, немного задумалась, а потом промолвила:

– Фёдор Орлов не так умён, а Алексей Орлов совсем другого сорта. Князь Потёмкин глядит волком и за то не очень любим, но имеет хорошую душу: хотя даст щелчка, однако же сам первый станет просить за своего недруга.

Храповицкий вежливо согласился с царицей, сказав, что он в восторге от князя Григория – этакой широты знаний и глубины он ещё не встречал среди русских. Императрица милостиво улыбнулась, потом порылась в ящике рабочего стола, взяла одну из многочисленных золотых табакерок и подарила Храповицкому. Смущённый Александр Васильевич робко принял дар, рассыпаясь в благодарностях. Царица рассмеялась:

– Полно, Александр Васильич! Бери подарок – это за хорошую работу. И не смущайся. Дай Бог, вырастешь на службе – будешь получать награды подороже; вот как наемни Дмитриев-Мамонов подарил князю Потёмкину золотой чайник с надписью: *«plus unis par le cocur, que par le sang»*...

Екатерина задумалась, как бы уходя в прошлое, ухватилась за прерванную нить беседы, вспомнив Потёмкина:

– В делах надобно держаться за корень, а не за ветви, – произнесла она. – Доказательство: князь Потёмкин, который имел много неприятностей. – Она снова задумалась, видимо, ей не хватало князя и его советов – от Потёмкина давно не было писем, и Екатерину волновало: что же там на юге? – Пойди займись делами, – обратилась она к Храповицкому, – а я немного передохну. Вот возьми, дай в переписку.

Александр Васильевич вышел к себе в кабинет и передал секретарям для переписки набело «Рюрика» и

«Олега» – сочинения царицы с поправками Потёмкина.

К вечеру Александр Храповицкий снова был у царицы. Она с восторгом, как знаток, показывала ему антики, привезённые из Парижа, и рассказывала о них. Потом они занялись обычным делом – чтением перлюстрированных писем, идущих как за рубеж, так и внутрь империи. На этот раз с интересом прочитали письма Фиц-Герберта в Лондон к Элису и принца де Линя к графу Сегюру – и все о Потёмкине, и все наветы на него, как будто все корреспонденты знали заранее, что их письма прочитываются императрицей и поэтому специально чернили князя.

**Адмирал Николай
Семенович Мордвинов.**

Грав. Г. А. Гунцуса

***

Екатерина совершала утренний туалет. Велела позвать Храповицкого. Во время волосочесания они обговаривали многие дела, не составлявшие государственной или лично царской тайны. Снова царица вспомнила о Потёмкине, о полуденном крае, который он подарил России и где сейчас воевал турок, чтобы расширить эти благословенные края.

– Здесь, в столице, живём в ожидании хорошей погоды, – мечтательно произнесла императрица. – Хорош будет по местоположению Екатеринослав. Сколько комедий ты, Александр Васильевич, переписал? – вдруг переменяла тему Екатерина.

– Четыре конченных и две неконченных – итого шесть.

Внезапно она вернулась к южным краям:

– Жаль, что не тут построен Петербург, ибо, проезжая сии места, воображаются времена Владимира Первого, в кои много было обителей в здешних странах. Теперь там нет татар и турки не те. А Таврида!..

Вспомнив о Тавриде, Екатерина оживилась, перед глазами поплыли зелёные горы с залитыми солнцем вершинами, синее море, жаркое солнце...

– А помнишь наше путешествие по Тавриде? – Храповицкий согласно кивнул. – Сколько страху я нагнала на всех, когда отправилась в Бахчисарай в сопровождении отряда вооружённых до зубов татар. – Александр Васильевич напомнил, как дрожала от страха иностранная свита, все эти франтоватые де Лини, да и граф Фалькенштейн, за именем которого скрывался австрийский император Иосиф Второй, сам праздновал труса.

– Граф Фалькенштейн при сем случае сказал, что в этом предприятии того более смелости духа, нежели в настоящем совершении, – не без гордости произнесла царица. Храповицкий заметил, что всем известна храбрость и мужество матушки и её приязнь к южным краям, но вот что-то её близкие сановники, например, граф Дмитриев-Мамонов не в восторге от этого приобретения.

Царица с жаром заспорила о Тавриде, описывая достоинства этого края.

– Предки дорого бы заплатили за это, но есть люди мнения противного, которые жалеют ещё о бородах, Петром Первым выбритых. А Дмитриев-Мамонов молод и не знает ещё тех выгод, кои появятся через несколько лет,

---

– заключила разговор Екатерина. – Иди, готовь бумаги для работы.

Храповицкий ушёл в кабинет Екатерины, куда вскоре пришла и царица. Она села за столик и задумалась. Потом, очнувшись, улыбнулась своим мыслям, сказав, что снова хочет повторить Чесму, для чего дала указ готовить Балтийский флот к новому походу в Архипелаг, но не знает, пока, кому его вручить.

– А может, снова братьям Орловым? – бросила она вскользь. – Пожалуй, это мысль. Села писать собственноручно дружеские письма Григорию и Алексею. Закончив, сказала:

– Одно их имя прибавит вес и меру морского вооружения.

Пока писала письмо князю Потёмкину, послала Храповицкого за новыми депешами. Александр Васильевич вскоре вернулся, принеся неприятную записку от коменданта дворца о том, что с крыши упал кровельщик и разбился:

– Друг мой, пришёл ты некстати! Не дадут кончить несчастного письма, – резко бросила Екатерина и откинулась на спинку.

Прошло минут десять. Храповицкий, сробев, молчал, наконец царица, отошедши, сказала:

– Извини, Александр Васильич. Погорячилась я. Но волнуюсь – ничего нет от князя. Что там с турками?

---

* * *

А меж тем дела на юге разворачивались слабо. Наступил 1788 год. Больше полугода шла война с турками, а успехов особых не было. 4 марта Екатерина подписала рескрипты обоим маршалам: Украинской армии во главе с Румянцевым прикрывать Польшу и действовать между Днестром и Южным Бугом, привлекая на себя силы неприятельские, а Екатеринославской под вождением Потёмкина – оборонять Крым и брать Очаков. Хотин и Белград должны были взять австрийцы (Екатерина, смеясь, повелела в бумагах везде писать не Хóтин, а «на славянский лад» – Хотѣн, а то и Хотим).

Храповицкий доложил бумаги, присланные от графа Александра Безбородко из Министерства иностранных дел, кои императрица слушала с нетерпением: английское правительство отказало в найме их транспортных судов для русского флота. Екатерина сморщилась от неудовольствия и велела:

– Спросить в Лондоне, не откажут ли в провизии и воде? – Подумав, она продолжила:

– Поступок Англии доказывает теперь, что английский посол в Константинополе не сам собою действовал в возбуждении турок против нас; во что бы то ни стало суда транспортные сыщем, в крайности наложить эмбарго на купеческие, в Кронштадт приходящие.

Но через несколько дней, поразмыслив, царица велела письмо в Англию не посылать. «Оно слишком круто, – сказала Екатерина, – а я могу с детства все вещи рассматривать с двух сторон: сейчас нам такой поворот дела не нужен».

Начали просматривать перлюстрированную почту. Прочитав письмо графини Пассек, матушка императрица возмутилась:

– Она стоит того, чтоб её запереть, но по старости её лет пусть свой век доживает. Как можно говорить о корыстолюбии графа Румянцева-Задунайского? А это что – князь Потёмкин-Таврический морит солдат голодом и болезнями! – Екатерина чертыхнулась, потом перекрестилась, чтоб отогнать нечистую силу, и снова заговорила возбуждённо, нюхая табак и чихая:

– Эх, где же моя старая гвардия, самые горячие головы? Теперь уже таких нет. Один князь Потёмкин. Раньше таковы были: князь и графы Орловы, Захар Чернышев, Пётр Иванович Панин; князь Михаил Никитич Волконский здраво мыслил, но был ласкатель. У Муравьёва был ум математический, Чичерин умел разобрать дело *avec son esprit de justice*¹; Елагин хорош без пристрастия; теперь нет таких голов; *la tête chaude a ses avantares*². Граф Румянцева-Задунайский имеет воинские достоинства, недвояк и храбр умом, а не сердцем. Граф Кирилл Григорьевич Разумовский не глуп, но имеет испорченное сердце.

Выговорившись, она наконец успокоилась, и они снова занялись драмами и трагедиями царицы.

...Прошло несколько дней. Храповицкий опять, как всегда, был в приёмной у царицы, ожидая приглашения. Войдя, поздравил с праздником. Екатерина встретила его с улыбкой, и во всём её облике чувствовалась умиротворённость.

– Теперь я успокоилась, – сказала она, – а то два месяца не было верного известия из Константинополя и докучали разные отношения европейских держав. Теперь

1 – юридическим умом.

2 – холодная голова при любых обстоятельствах.

всё объяснилось: надо брать Очаков и предусмотреть мирный трактат, чтоб прекратить все препятствия и недоразумения; теперь сами за сие взялись. Молдавию и Валахию оставить независимую для будущей греческой империи под названием Дакия. – Храповицкий ещё раз подивился познаниям матушки Екатерины в истории и отметил это в комплименте.

После этого Екатерина вместе с Храповицким внимательно изучала план нового Архипелагского похода, разработанный Грейгом. Самуил Карлович после резкого выступления графа Панина против отдачи эскадры братьям Орловым был назначен возглавить эту экспедицию. План адмирала предусматривал разгром турок одним ударом: захватом с моря их столицы – Стамбула. Хотя с Чёрного моря Константинополь ближе, да и Босфор короче, и поэтому прорыв отсюда безопаснее, но Черноморский флот ещё слаб для этого. Грейг предложил другой вариант: переход Балтийского флота в Архипелаг, а оттуда – прорыв через Дарданеллы в Стамбул и захват столицы десантом. Но это был и опасный путь: пролив узкий и длинный, с двух сторон его охраняло множество батарей. Однако Грейг считал этот план выполнимым: твёрдость воли, храбрость русских моряков и солдат и меткость корабельных орудий. Он уже втайне готовил эскадру к походу. Чтобы разгромить турецкие батареи, на корабли грузились разрывные бомбы, зажигательные брандсбургели и каркасы.

Екатерина, сомневаясь в осуществлении этого плана, послала его на рассмотрение своему всегдашнему наперснику Потёмкину. Князь прислал учтивый, но резко отрицательный отзыв, сказав, что русский флот будет унич-

---

тожен прежде, чем дойдёт до Мраморного моря. Грейг настаивал на своём и продолжал готовить флот к этой экспедиции. Поэтому, ещё раз тщательно рассмотрев план, царица согласилась с ним.

29 апреля 1788 года императрица, получив депеши, сказала статс-секретарю:

– Австрийцы, разбив пашу, заняли Яссы и взяли в полон господаря. Турки отклонились от Хотина и бросились к Бендерам и Очакову; дай Бог, хорошую там погоду, чтоб не было там болезней, чтоб князь скорее взял Очаков.

Екатерина очень нервничала; южные армии что-то медлили, к середине года они только продвинулись к турецким территориям: Румянцев вышел к Днестру на севере Молдавии, а Потёмкин подтягивался к Очакову. Она опасалась второй войны – со шведами, потому и торопила князя Потёмкина.

На следующий день переехали в Царское Село, где было поспокойней и легче дышалось.

Как-то в начале мая Храповицкий снова заметил беспокойство императрицы: она встала очень рано и была пасмурной. С неудовольствием поговорила с графом Безбородко. Когда Александр Васильевич осторожно заметил матушке, что ей, видно, нездоровится, Екатерина ответила:

Императрица Екатерина
Великая.

Портр. В. Боровиковского, 1796 г.

– Они в Совете всё останавливают: сбили было Пола Жонеса, насилиу поправила. Теперь набивают голову Грейгу. – Я не знаю, кто делает каверзы, но могу назвать его канальею, потому что вредит пользе государства; я сказала сие графу Безбородко, qu'il dise a qui voudra l'entendre.¹

С некоторых пор царицу стал раздражать созданный когда-то давно Тайный Совет: что-то он стал забирать слишком много власти, мягко напоминая ей, что она вошла на трон благодаря членам Совета. Но Екатерина уже не была той стоворчивой принцессой, которая соглашалась со всеми предложениями, только бы стать царицей. Теперь это была Владычица России, Самодержица, и она довольно твёрдо укрепляла это, отменяя решения Совета.

К вечеру, по секрету, матушка дала Храповицкому прочитать письмо, полученное от Григория Александровича из-под Очакова: *«Дела много, – писал Потёмкин, – оставляю злобствующих и надеюсь на Вас, Матушка. Принц де Линь, как ветряная мельница: у него я то Терсит, то Ахиллес»*.

– Конечно, князь может надеяться: оставлен не будет, – промолвила императрица после чтения письма, – он не узнает другого государя; я сделала его из сержантов фельдмаршалом; не такие злодеи у него ныне, каковы были князь Орлов и граф Никита Иванович Панин; у тех качества я уважала. Князь Орлов был *gйnie*², силен, храбр, решим, *mais doux comme un mouton, il avoit de soeur d'une roule*³; два дела его славные: восшествие и прекращение чумы; первое не может быть сравнено с восшествием Елисаветы Петровны. Тут не было неустройства, но единодушие. – Екатерина на мгновение замолчала.

1 – Который говорит, что нужно подождать.

2 – гений.

3 – Но, имея мягкость барона, обладал сердцем курицы.

– Вашего Величества имя тут действовало, – воспользовался паузой Храповицкий.

– Меня знали восемнадцать лет прежде. Alexis Orloff n’a pas tйme le courage¹, и во всех случаях останавливается препятствиями.

Храповицкий заметил, что царица снова взгрустнула, задумалась, возможно, вспомнив князя Григория Потёмкина, и он, чтобы не мешать её грёзам, углубился в чтение новой трагедии Екатерины, подумав о том, что, видимо, недаром при дворе ходят слухи, что царица одного Григория поменяла на другого: тайно развелась с князем Орловым и тайно же обвенчалась с князем Потёмкиным. Но, кто его знает?

В конце мая беспокойство матушки усилилось двумя обстоятельствами: при перлюстрации писем обнаружено, что граф Румянцев-Задунайский не съехался с князем Потёмкиным-Таврическим в Смелянчине, отговорившись болезнью, – видно, чёрная кошка пробежала между двумя командующими; а в письме датского министра в Стокгольме сказано, что король шведский сильно вооружается и имеет для войны нужные деньги, но опасается сам начать войну и ждёт нападения России. При вечернем волосочесании императрица сказала Храповицкому, что то же доносит и граф Разумовский, и надо ждать войны со Швецией.

На следующий день во время доклада граф Безбородко выбежал от Екатерины в приёмную и поручил Храповицкому от имени царицы написать и доставить Грейгу указ, чтобы в ожидании нападения шведов отрядить скорее три лёгких судна для разведки и примечания тамошних приготовлений. Назначено одному из них идти к Свеаборгу, другому - в Карлскрону, а третьему крейсировать в Ботническом заливе, чтобы скорее и достовернее могли доставлять сведения.

---

¹ – Алексей Орлов не имеет мужества.

Наступило долгожданное лето. Начался июнь – царство белых ночей. Но долгое солнце почему-то не согревало царицу – ей было зябко и уныло. Что-то принесёт это лето?

А известия с Юга были неутешительны. Потёмкин обложил Очаков, но брать с ходу не решился. Началась долгая, изнурительная осада крепости, которую потом назвали «Очаковским сидением».

Сражения на Лимане

*Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далёко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море и суша покорствуют нам!*

Константин Батюшков.
«Песнь Гаральда Смелого».

Две самые большие реки Причерноморья – Днепр и Южный Буг, сливаясь, образуют длинный и узкий залив, идущий с востока на запад – к Чёрному морю. В те времена он назывался коротко и звучно – Лиман, что по-гречески означает «гавань». Выход в Чёрное море образован узким Очаковским проливом, ограниченным с севера глубоко вдающимся мысом, на котором располагалась мощная турецкая крепость Очаков, а с юга – загибом западного конца длинной Кинбурнской косы, на которой была построена слабая русская крепостца Кинбурн. Обе крепости противостояли друг другу, подвергаясь иногда набегам кораблей враждующих сторон.

Некоторые горячие головы, в основном из зарубежных «искателей счастья», подталкивали Суворова взять штурмом Очаков, предварительно обложив его с севера. Но Потёмкин хорошо понимал, что эту мощную твердыню не взять, пока не будет прекращён с моря подвоз турецкими судами войск, боеприпасов и снабжения. Поэтому он оттягивал штурм Очакова, ожидая, что русский Лиманский флот уничтожит турецкий и перекроет снабжение Очакова. Его за это обвиняли в трусости и бездарности, но «очаковское сидение» продолжалось.

Но вот, наконец-то, настали исторические дни: 7 июня 1788 года состоялось первое морское сражение у стен Очакова. Накануне Суворов посетил флагманский корабль Пола Джонса, проехав в лодке тридцать миль от Кинбурна до Глубокой Пристани. Встретились два друга, и началась задушевная беседа. Джонс пожаловался Александру Васильевичу на происки Нассау-Зигена. В ответ он услышал от Суворова:

– Потёмкин почему-то хочет угодить Нассау-Зигену и вас не любит. Напротив, Нассауского он любит, но не доверяет ему. Этого довольно – горю не поможешь!

Пол Джонс снова стал говорить о несправедливости, на что Суворов ответил с горечью:

– На войне рискуешь не только раной и жизнью. Но несправедливость может быть хуже пули или меча.

Пол Джонс, понимая ограниченную маневренность парусной эскадры, чтобы как-то проявить себя, решил перейти на более подвижную гребную, которой командовал Нассау-Зиген.

Турецкая эскадра атаковала русскую, но потерпела поражение: три судна взлетели на воздух, а остатки её сбежали под крепостные пушки Очакова.

Обрадованный этой первой победой, Суворов написал своему другу Полу Джонсу:

«Премногим обязан я Господину Адмиралу за его письма и молю его оставаться мне другом, как прежде. Прошу Его Превосходительство простить мне, что позабыл я его среди героев 7-го июня, совершенно не зная, что он находился в гребной эскадре».

Из-за соперничества адмиралов Суворов получил от принца Нассау-Зигена искажённое сообщение о сражении, в котором не был упомянут Джонс, и был вынужден извиниться.

При этом Суворов, «на всякий случай», польстил Нассау-Зигену и Роже Дама, но не без иронии, написав в письме принцу:

«Тысяча благодарностей, Ваше Высочество, за копию вашей реляции, она ясна, точна и поучительна, в ней превосходное собрание Ваших подвигов. Целую господина переводчика храброго графа Роже...»

Тогда же Александр Васильевич попросил у принца в помощь Кинбурну запорожские лодки, на которых храбро сражались «верные запорожцы».

«Против мелких бусурманских судов кажется мне полезным выдвинуть к блокфорту мои три запорожских судна. Не будете ли, Ваше Высочество, иметь милость подкрепить их тремя другими запорожскими судами, а в начальники им дать славного партизана, если возможно, Ивана Чобана, что вернулся из-под Очакова».

А 10 июня хитрый Суворов ещё раз попросил у принца прислать ему запорожцев, польстив честолюбивому принцу предварительным комплиментом: *«Поздравляю Вас, дорогой Принц. Уже сияют в будущем следствия Вашей победы, пусть я и никудышный моряк, но сие внятно и мне. Старый Гассан вполне прикрыт своей крепостью. О, как бы желал я быть с Вами на бордаже».*

За первую победу на Лимане Екатерина отметила командиров высокими наградами: принца Нассау-Зигена – орденом Святого Георгия Победоносца 2-го класса, бригадира Рибаса – Святого Владимира 3-й степени, контр-адмиралов Мордвинова и Джонса – Святой Анны; Алексиано был пожалован в контр-адмиралы.

А вот и первые впечатления Григория Потёмкина, высказанные им в письме Екатерине, которое она получила 15 июня: *«Турки не те, не боятся пушек, чёрт их научил; у Поль Жонеса офицеры не хотели быть в команде, шли в отставку, но бригадир Рибас всех уговорил и больной был в сражении».*

Не находя себе друзей среди адмиралов и высших морских офицеров, своих коллег по флоту, Пол Джонс сдружился с запорожцами, которые были ему сродни по духу: такие же смелые, отчаянные, авантюрные, с теми же пиратскими наклонностями, что и он. Одному из их предводителей, Ивану Чобану, Джонс в знак дружбы подарил кортик с надписью «Ивану – Джонс».

Через несколько дней после сражения 7 июня до Суворова стали доходить слухи о разговорах, что его батарея на Кинбурнской косе хорошо бы послужила победе, и что адмиралы ведут между собой жаркий спор о том,

---

кто первый посоветовал Александру Васильевичу поставить эту батарею. Возмущённый такими мелочными дрязгами, Суворов написал 14 июня большое письмо Рибасу, в котором резко выразился по этому поводу:

«Касательно батареи ... со мной следовало бы посоветоваться первым. Вы уже не мальчик, и поймете причину. Три персоны тут ролью играли: 1. ах, ура-патриот¹, меня затмил, Сэр Политик² и Поль Джонс – двое последних на вершине блаженства, противно доблести и приличиям так и сыплет наградами за грядущие услуги. Не могу же я во всем ошибаться; либо Поль Джонс у сэра Политика на поводу идет, либо он сам мошенник, а может статья и оба. Поль Джонс бредил здесь батареей на косе, до сего времени исполнить сие не было возможно, ничто не решено, дыры латаем спустя рукава, а Поль Джонсу и на руку – оборона. Причина – с какой ему стати обжигать себе нос, он пишет мне про батарею словно министр. Я не обращаю внимания, мы в переписке не состоим, но я отбрасываю холодность и отвечаю: «Господин Адмирал! Простите, что с опозданием пишу Вам по столь важной и полезной материи. Да, в соответствии с желанием Вашего Превосходительства батарея может быть построена с тем, чтобы сжечь раскаленными ядрами все корабли неверных, коих фарватер лишь в 2^{1/2} верстах от косы. Когда морское сражение будет выиграно, Вы бу-

---

1. П.П. Алексиано

2. Н.И. Корсаков, инженер-фортификатор, адъютант Джонса. Обучался за рубежом, англоман.

дете преследовать их флот, бегущий в беспорядке. Сделайте милость, известите меня заранее, поскольку ежели я поспешу, они выведут нас из строя до назначенного Вашим Превосходительством срока»...

...Поль Джонс страшится варваров, служба наша ему внове, делать ничего не желает, а посему батарея – повод для проволочек или для того, чтобы сказать на мой счет, что я ничего делать не желаю. Вот тайна англо-американца, у коего вместо Отчества – собственное благополучие»...

16 июня турецкий флот вошёл в Лиман и стал на якоря у стен Очакова. Но флагманский корабль при этом сел на мель. Пол Джонс стоял со своей эскадрой далеко, поэтому не вступил в бой.

Ночью Джонс явился к запорожцам Ивана Чобана со своим переводчиком Эдвардсом. После ужина с выпивкой он предложил казакам на их лодке «прокатиться» к турецкому флоту. Казаки обвязали вёсла соломой и погребли к самому большому кораблю. Джонс написал на его борту «Сжечь. Пол Джонс».

Наутро турецкий капудан-паша, желая отомстить за предыдущее поражение, двинулся навстречу русскому флоту. Завязалось жесточайшее сражение, в котором гребной флотилией командовал Нассау-Зиген, а парусной эскадрой Пол Джонс. Контр-адмирал Джонс пошёл на сближение с турецкой эскадрой, но в бою сразу же потерял фрегат, а несколько больших турецких кораблей сели на мель против Кинбурна. Джонс рассчитывал, что потом русские моряки снимут их с мели и приобретут трофеи.

Рано утром 18 июня контр-адмирал перешёл на малое судно, которым командовал Корсаков, и велел своим морякам захватить все суда, севшие на мели. Корсаков захватил фрегат и корвет. Но позже к месту сражения подошёл скрытый враг Пола Нассау-Зиген с гребной флотилией. Его суда начали обстреливать все сидевшие на мели турецкие, сжигая их. Когда Пол Джонс обвинил Нассау-Зигена в бессмысленном поджоге уже захваченных турецких судов, принц Карл сослался на распоряжение Потёмкина, якобы данное ему ранее, – не брать в плен турецкие суда.

В панике ночью остатки турецкого флота бежали в море через узкий Очаковский пролив, где их добивали пушки Суворова, поставленные на западном конце Кинбурнской косы. На следующий день побоище продолжалось, турецкие суда горели, как факелы. Всего за три дня сражений, 7, 17 и 18 июня, было сожжено и потоплено семь кораблей, два фрегата, восемь шебек и прочих судов, а один пятидесятипушечный корабль захватили в плен. Флаг этого корабля доставил Потёмкину граф Дама, который был обласкан князем.

Это был сокрушительный разгром турецкого флота с минимальными потерями русских – один фрегат и шесть малых судов.

19 июня Суворов приступил к осаде Очакова.

***

По-разному была оценена эта победа. Екатерина считала её «второй Чесмой». Она наградила Джонса высоким военным орденом – Святой Анны 1-й степени. Основная слава победы досталась принцу Нассау-Зигену. Суворов

в письме Рибасу в присущей ему образной манере так отозвался о своём друге: *«Пол Джонс храбрый моряк, прибыл, когда уже садились за стол, не знал по какому случаю надо, верно, думал тут найти англичан»*. Но полководец был не прав и вот почему.

После сражения Пол Джонс приготовил для Екатерины реляцию. Один экземпляр он послал Мордвинову, а второй – Потёмкину. Но ещё раньше свой рапорт передал Нассау-Зиген, уже успевший оклеветать Джонса перед князем. В своём отчёте принц Карл приписал победу над турками себе, даже не упомянув Пола. Князь Потёмкин принял рапорт Нассау-Зигена, а отчёт Джонса велел уничтожить, второй же экземпляр переделать. Но гордый и независимый Джонс отказался это сделать, тогда Потёмкин распорядился уничтожить оба экземпляра рапорта Джонса. В Петербург императрице была выслана реляция принца Карла Нассау-Зигена. После этой серьёзной размолвки Григорий Потёмкин невзлюбил строптивого Джонса. Эта несправедливая, но официальная оценка действий Пола и дошла до слуха Суворова.

Горячий и беспокойный Джонс не остановился на этом. Будучи в Херсоне, он встретился с обер-камергером польского короля французом Литльпажем и попросил его передать свой рапорт царице. Литльпаж посоветовал Джонсу не портить окончательно отношения с всесильным князем Потёмкиным, но в ответ услышал:

– Дело не в Потёмкине, а в Нассау-Зигене. Я претерпел от него столько, сколько не выдержал бы ни от одного человека в здравом разуме. Пора положить этому конец. У него нет ни чести, ни правдивости, ни способности. Сейчас он вас целует, а через минуту готов зарезать. Хуже

всего, что он даже не имеет храбрости, которая часто заменяет все доблести. Он же просто подлый трус.

Получив от принца Нассау копию его реляции о победе 18 июня, Суворов с присущей ему откровенностью и иронией написал в ответ:

«Ваша реляция не дает о Вас ни малейшего представления, это сухая записка без точности, большинство лиц изображены без жизни... Россия никогда еще не выигрывала такого боя. Вы – ее слава!.. Начать надо было так: «отдав приказания, я двинулся вперед, заря занялась, я бросился в атаку...», в середине поставить: «их лучшие корабли преданы огню, густой дым восходит к небесам...», а в конце: «Лиман свободен, берега вне опасности, остатки неприятельских судов окружены моей гребной флотилией». Довольно, принц, Вы великий человек, но плохой художник. Не сердитесь».

Узнав о недостойном поведении принца Нассау и его попытках приписать победу 18 июня только себе, раздражённый Суворов написал своему сердечному другу Рибасу:

«18 июня Блокфорт бой выиграл. Нассау всего поджег то, что уже разорили да пулями изрешетили. Я протест изъявляю, а в свидетели возьму хоть Превосходительного адмирала Поль Джонса. Я же Нассау 3 приказа послал наступать... Гребная эскадра, как бы там ни было, ни за что бы тогда неверных не настигла. Они бы до последнего своего судна спаслись за 3 часа до прихода Нассау, коего зашвырну я выше Ваших облаков в эфир бесконечный, ради славы

флота, ради собственной его славы и духа сопернического...

Я русский, не стану я француза или немца оскорблять. Злословить можно...

Разбранили меня также в газете. Нет, лавры 18 июня – мои, а Нассау только фитиль поджег, а скажу и более – неблагодарный он!

... Когда останусь жив, буду я у Князя. Я русский, не потерплю, чтоб меня теснили эти господа».

***

Вскоре между адмиралами снова начались склоки. Нассау удалось окончательно настроить Потёмкина против Джонса, который не хотел признавать дисциплины. Пол поссорился со всеми, писал жалобы в Петербург и яростно ругал всех в своём журнале¹. И хотя Карл Нассауский плёл интриги против него и клеветал на Джонса Потёмкину, но он довольно точно описал Пола Джонса: *«Как корсар он был знаменит, а во главе эскадры он не на своем месте»*. Это была, действительно, «помесь волка с джентльменом»: Джонс во многих случаях, особенно с женщинами, вёл себя как джентльмен, но в порыве гнева был свиреп, как матерый волк. Его необузданное честолюбие, нежелание подчиняться кому бы то ни было, безумная храбрость напоминали характер и поступки одинокого волка.

Пол любил театральность. Чего стоит «вояж» контр-адмирала ночью на лодке к турецким судам? Этот показной жест, типичный для пирата, был недостойным адмирала, который должен командовать эскадрой в сражении, а не бессмысленно рисковать в одиночку.

---

¹ – Журнал – дневник.

На своём судне, да и во время боя, Пол одевал богатый кафтан, расшитый золотом, пальцы его украшали дорогие перстни, а голову – шотландский колпак, охваченный золотым обручем, воздетым на его голову французским королём. Даже друг Пола Суворов не любил эту черту его характера и часто в переписке называл Джонса «французским кавалером» или «Доном Жуаном».

Оставшись фактически не у дел, Джонс строчил свой журнал. Из всего русского языка он усвоил только площадную брань, поэтому его журнал пересыпан русскими ругательствами, и даже после смерти Пола долго не публиковался. В перерывах между боями этот неугомонный человек разрабатывал чертежи корабля нового типа или вынашивал планы завоевания Индии Россией с помощью флота и с его главным участием.

Под статью Полу Джонсу были и другие иностранные волонтеры, особенно граф Дама. Получив за участие в сражении на Лимане орден святого Георгия Победоносца 4-го класса, Дама возомнил себя великим воином и стал поучать других. Во время внезапной высадки турецкого десанта на Кинбурнскую косу 27 июля, когда Суворов был ранен и чуть не попал в плен, Дама, будучи его адъютантом, пытался давать советы генерал-аншефу Александру Васильевичу. Разгневанный генерал вылил всё своё возмущение в письме другу Рибасу:

«... Проклятые волонтеры, самый проклятый – Дама, словно мне равный. Хоть бы и Князь. Титул предков ничто, коли не доблестию заработан. Сопливец Дама возомнил, что мне равен, подходит и кричит мне: «Сударь!» Хотя бы Светлейший воздал по заслугам молодому человеку, я был

не хуже их флагмана, – не человек, а шляпа одна, и сказать Вам не могу, берется в полный голос распоряжаться, русские слышат язык французский словно от играющего свою роль актёра, а меж тем, я, командующий, ни на мгновение ни единого слова, кроме его приказов, услышать не могу. Я в бешенство пришел...»

Гром победы...

*Ой да уже мы встретим короля шведского
Среди моря во губы.
Ой да мы столики ему поставим –
Черные ох мы корабли,
Ой да мы скатерки ему постелем –
Тонкие белые паруса.
Ой да мы кушанья ему составим –
Черные ох пушечки,
Ой да уж мы чёрны пушечки поставим,
Чугунные ох мы ядрышка,
Ой да мы силушку прибьём, прирубим.*

Из народной песни.

*Как под славным под городом Очаковым
Собиралась силушка –
армия царя белого...*

Из народной песни.

Шёл 1788 год. Самуилу Грейгу исполнилось пятьдесят два года. По понятиям того времени, это был уже пожилой человек. И хотя Грейг был медлительным и тяжеловесным от природы, но копившаяся в нём энергия немедленно пробуждалась, преображая его, когда надо было действовать. Самуил Карлович сразу становился энергичным и решительным, развивая кипучую деятельность и не останавливаясь, пока не достигнет цели.

Получив рескрипт Екатерины о перемене назначения флота, Грейг стал деятельно готовить его к выходу на встречу шведскому.

События на Юге очень тревожили императрицу: давно не было известий. Что там?

В середине июня прискакал курьер с донесением о победе на Лимане, бывшей 7 июня. Курьер доставил эту депешу из-под Очакова в Царское Село всего за восемь дней – на радостях гнал коней во весь дух. И оно понятно – радость императрице, радость России, а заодно и ему: перепадет награда – или чин, или орден, а может и сотня душ с именищем.

Царица облегченно вздохнула: турки атаковали русскую флотилию у стен Очакова, но прогнаны со стыдом, и три судна у них взорвало. На радостях она зачитала Храповицкому донесение князя Потемкина-Таврического: *«Турки не те, – писал светлейший, – не боятся пушек, черт их научил; у Поль-Жонеса офицеры не хотели быть в команде, шли в отставку, но бригадир Рибас всех уговорил, и больной был на сражении».*

«Рибас и на войне старается отличиться, как и в Ливорно, – подумала Екатерина, – я его поощрю, князь им доволен», но тут же переключилась на шведские дела и решила остановить на время адмирала Грейга в Ревеле для примечания движений шведского флота, чтобы его побить, если начнет сражение.

Вскоре через лазутчиков и дипломатов дружественных стран стал известен план шведов. Король Густав решил начать демонстрацию в Финляндии, а мощный флот двинуть на Кронштадт, разгромить русский флот, захватить Кронштадт и высадить десант у Ораниенбаума, чтобы посуху быстро дойти до Санкт-Петербурга; взяв столицу, продиктовать России позорный мир. Узнав об этом, Екатерина слегка перетрусилась и велела немедленно привес-

---

ти Кронштадтскую крепость в оборонительное состояние. С досадой вспомнила, как много лет Адмиралтейств-коллегия отклоняла проекты Грейга по созданию фортов у южного и северного проходов мимо Котлина острова, которые усилили бы мощь Кронштадтской крепости. Но так и не дали ему это сделать.

Чтобы успокоиться, Екатерина села за рабочий стол и снова принялась за комедию «Недоразумение» – дописала пятый акт и велела Храповицкому переписать набело. Так было всегда: в промежутках между государственными делами и приемами царица писала комедии, трагедии и либретто опер, которые затем, после одобрения, ставились придворными театрами. Главным судьей был ее любимый фаворит князь Григорий Потёмкин, знаниям и вкусам которого Екатерина доверяла безгранично. Закончив труд, она отдавала его на суд князя, а если он был при армии, то передавала ему через курьеров.

После малой прогулки Екатерина вернулась во дворец с приметным беспокойством, вызвала Храповицкого, узнав, не имеет ли каких новостей. Заметив угнетённость императрицы, Александр Васильевич спросил:

– Ваше Величество, здоровы ли, иль что-то вас тревожит?

– Да тревожит, хотя умею крепиться, но нельзя до сентября быть спокойною; по любви к отечеству и по природной чувствительности нельзя теперь не беспокоиться. Надобно употребить в пользу превосходство нашего флота против неприятельского и, разбив его на море, идти к Стокгольму. Сего пункта Совет не заметил. Ты о том никому не говори.

Внезапно царица скривилась и схватилась рукой за живот:

– От забот делается альтерация¹, и потом натурально слабит...

Храповицкий, смекнув, испросил разрешения и быстро удалился.

В конце июня, 26 дня, два события потрясли Петербург: прибыл курьер от Потёмкина с реляцией о разгроме 17 июня турецкого флота на Лимане под стенами Очакова и получена депеша о нападении шведов 21 июня на Нейшлот. Обеспокоенная Екатерина, перекрестясь, подписала указ Грейгу атаковать шведский флот и, разгромив его, идти на Карлскрону.

Вечером Екатерина выехала в город для ободрения жителей.

А тридцатого июня императрица подписала манифест о войне со Швецией.

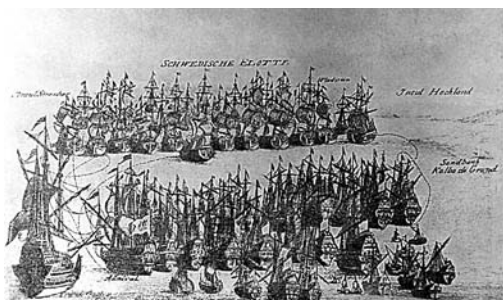
Тревога в столице нарастала. Слухи о намерении шведов захватить столицу дошли и до жителей. Двор стал спешно собираться к отъезду в Москву: упаковывали ценности и архивы. Среди жителей началась паника.

***

А флот Грейга, между тем, медленно полз на запад. Стояло безветрие, хода не было, и адмирал, чтобы не терять времени напрасно, тренировал команды, среди которых большинство составляли только что взятые на флот крестьяне.

... Наконец-то подул попутный ветер, и корабли русского флота пришли в движение. Посланные в разведку лёгкие суда донесли, что шведский флот находится в нескольких милях западнее острова Гогланд.

¹ – Изменение состояния.

Гогландское сражение, 1788 г.

С немецк. гравюры.

Вскоре показала-
лась чёрная спина
этого зловещего
с виду острова,
словно какого-то
гигантского Ле-
виафана, спящего
на поверхности
воды.

Весь день адми-
рал просидел в ка-

юте, отдавшись своим думам.

Грейг понимал всю тяжесть и ответственность своего положения: ему надо разгромить шведов во что бы то ни стало. За ним остался Петербург – столица империи, которую он поклялся защищать.

Вечером 5 июля эскадра Грейга подошла к острову Гогланду, шведский флот был уже близко.

Только утром следующего дня показались шведские суда. Дул лёгкий ветер с зюйд-ост-зюйда. Самуил Карлович велел поднять на «Ростиславе» – своём флагманском корабле – сигнал «приготовиться к бою». Эскадра начала медленно спускаться по ветру к шведской линии кораблей.

Адмирал Грейг решил обрушить мощный огонь на шведский флагманский корабль, выбив его из боя. Затем, после жестокого пушечного обстрела, не выдержав битвы, Грейгу сдался «Принц Густав» с вице-адмиралом графом Вахтмейстером. Но и русская эскадра потеряла также один корабль. «Владислав», оказавшийся в гуще дыма под огнём нескольких шведских кораблей, сильно

побитый, сдался. Сражение, длившееся пять часов, оказалось таким жестоким, что все корабли буквально были изрешечены.

И всё же это была победа! Флот шведский бежал, как мог, в сторону Свеаборга и был уже не способен сражаться. Дерзкий план Густава III – захватить с помощью этого флота Петербург – сорвался.

А Грейг, между тем, с трудом привёл свою израненную эскадру в Ревель, где приступил к срочному ремонту кораблей.

***

В столице Екатерина с тревогой ожидала вестей от адмирала Грейга. Она беспокойно ходила по кабинету, никакое дело не шло, всё валилось из рук. То её начинало слабеть от нервного напряжения, то схватывали приступы грудной жабы – тупые боли под лопаткой и ощущение приближающейся смерти. Во дворце все затихли, ожидая развязки – все уже знали, что Грейг идёт навстречу шведскому флоту, и сражение неизбежно.

К вечеру 10 июля пришло долгожданное и радостное известие: флот под предводительством Грейга одержал победу над шведами в семи милях от острова Гогланда.

Узнав о победе, Екатерина восторжествовала и радостно воскликнула:

– О, если бы Грейгу Бог дал истребить и армейский и другой шведский флот!

В тот же вечер императрица пожаловала Грейгу высшую награду – орден Святого Андрея Первозванного.

Получив рескрипт Екатерины о награждении его этим орденом, адмирал искренне поблагодарил её и добавил:

«Да еще мне более чувствительно, что монаршую милость и благоволение изволите распространять к офицерам и служителям под мою команду, мужественному действию которых мы одолжены успехом».

Адмирал понимал, что второй Чесмы ему не удалось совершить: шведский флот не потерпел сокрушительно-го разгрома, хотя сражение было жесточайшим. Поэтому в ответ на поздравления графа Чернышёва он написал: *«Благодарю Ваше сиятельство от истинного моего сердца и за поздравление причислением меня в общество кавалеров Святого Андрея, знаки которого я не буду спешить возлагать на себя, пока не найду лучшего для дел своих окончания».* Грейг надеялся, что сумеет полностью разгромить шведский флот и тогда наде-нет орден Святого Андрея Первозванного.

Царица, обеспокоенная возможностью повторного вы-хода шведского флота, по совету Грейга, повелела вице-адмиралу Вилиму Фон-Дезину со своим отрядом кораб-лей идти на соединение с адмиралом, а буде встретится шведский флот, побить бы его.

Подписывая этот указ, промолвила:

– А может, шведы вторично от Грейга поражены будут.

Бывший в кабинете новый фаворит царицы, молодой кра-савец граф Дмитриев-Мамонов, не без ехидства заметил:

– Ваше величество, не говорите так решительно, ибо, может быть, и второе сражение Грейга не успеш-ным будет.

– Я не люблю мелкостей, – недовольно отпарировала Екатерина. – Но большие предприятия никогда по заве-домым предписаниям не проходят, как и сражения.

---

20 июля был десятый день после одержания известия о грейговской победе, но не все её воспринимали, особенно старые адмиралы – злословили по его адресу. Екатерина, узнавая это, сердилась и нервничала. Встретила утром в кабинете Храповицкого неожиданным вопросом:

– Здоров ли?
– Слава Богу...
– Перестал ли потеть? – спросила с улыбкой, зная эту слабость тучного статс-секретаря.

– Три дня уже не потею.
– А меня уже тринадцатый день слабит. – Царица всё не могла придти в себя с тех дней, когда трепетно ожидали сражения Грейга со шведами.

Храповицкий обрадовал её известием, что адмирал, починив наспех суда, подошёл с попутным ветром к Свеаборгу, куда убежал с поля сражения потрёпанный шведский флот.

От Грейга пришло известие, что неприятель не выходит из Свеаборга, у него до двух тысяч больных, и он возвращается в Ревель.

Весь день императрица была вялой, почти не работала, жаловалась Храповицкому:

– После капель Рожерсоновых продолжает слабить; голова не своя. - Спросила у Александра Васильевича: - Которого числа был последний курьер от князя Григория Александровича Потемкина?

Адмирал
Самуил Карлович Грейг.
*Литогр. с портр.
Д. Левицкого.*

– Тому почти три недели.

– Сам же просил, чтоб чаще уведомлять о здешних обстоятельствах и сам же теперь молчит; здесь война на носу, а там – не знаю, что делают.

К вечеру примчался курьер с долгожданным донесением от князя: 25 и 26 июля было дело с турками; схалил Суворов, бросился без спроса, потерял с четыреста человек и сам ранен.

– Он конечно был пьян. Не сказывай ничего о Суворове, – в сердцах бросила Екатерина. – Читай дальше.

А из дальнейшего узнали, что капитан-паша опять пришел к Очакову с пятнадцатью кораблями. «Чего князь медлит, – подумала царица, – брал бы Очаков», но так и не высказала эту думу вслух, стала задумчивой, потом отпустила статс-секретаря – снова схватило под лопаткой. Пошла, прилегла отдышаться...

Наутро стало легче. Занялась приготовлением наград к приезду князя – укладывала золотое блюдо, за которое взяли шесть тысяч, и богатейшую шпагу в двадцать одну тысячу рублей. Любовно перевязала все лентами, улыбнулась своим мыслям и села писать собственноручное письмо адмиралу Грейгу в ответ на его депеши. Писала, а на сердце стало тяжело – Очаков не взят, князь все медлит, и флот шведский напрочь не разбит – никак Грейг его не выкурит из Свеаборга. А война на два фронта разорительна, казна тает...

Время шло, а нового генерального сражения все не было. Несколько раз Грейг с кораблями выходил к Свеаборгу, бросив на берегу в Ревеле десант, но каждый раз, завидя приближение его эскадры, шведские суда, пытавшиеся прорвать блокаду, поспешно ретировались в гавань.

Екатерина терпеливо ждала решительного дела со шведами и с турками, а пока ничего не было, и она занималась будничными делами: политикой, чтением газет и перлюстрированием писем, подписывала указы – все это была нужная, однако рутинная работа. Царица больше всего времени посвящала любимым сочинениям – писала пьесы и сказки, принялась за историю России. Храповицкий заваливал ее книгами и манускриптами – в этом она находила отдохновение души от повседневных забот и тревожных ожиданий. Иногда радовала своих близких и наперсников дорогими подарками: вот давеча статс-секретарь принес от золотарей трость в подарок Дмитриеву-Мамонову – ничего трость, за 3700 рублей! Но, видимо, молодой любовник стоил этого, после каждой ночи с ним Екатерина радовалась и молодеда.

Кончался август, трепетные листочки осин уже начали багроветь, небо все чаще становилось серым, на душе у царицы также была серость – все никаких приятных известий. А тут еще 31 дня после обеда пришла реляция князя Григория Александровича, что 18 августа была сильная вылазка, генерал-майор Кутузов ранен, но турки прогнаны с уроном. А в особом письме князь писал: *«Неизвестно, отчего взорвало чиненные бомбы в Кинбурне. Бог спас, видимо, что не загорелся порох в бочках, тут же лежавший, а то бы пропал и город и лагерь. При сем случае Суворов ранен и двадцать человек убиты...»*

«Вот уже невезуч Суворов, – подумала Екатерина, – но какой там город в Кинбурне – несколько хибар! А все же, слава Богу, что не взорвало порох -разнесло бы Кинбурн и камней не осталось бы».

... Беда нагрянула неожиданно, среди затишья, когда ее никто не ждал: президент адмиралтейств-коллегии граф Иван Григорьевич Чернышев 4 октября передал царице рапорт контр-адмирала Козлянинова, что Грейг сильно занемог от простуды и с 28 сентября никаких резолюций не дает. Ёкнуло сердце, застучало в висках – Екатерина даже покачнулась, но волей справилась и устояла.

Только ахнула, позвала Храповицкого и велела отписать Грейгу, чтобы шел с «Ростиславом» из Свеаборга в Ревель для спокойствия больного. Вечером отправила лейб-медика Рожерсона к Грейгу в Ревель.

Октября осьмого дня Сара Грейг получила от Рожерсона письмо, что Грейгу стало лучше, и он вошел в память. Сара поспешила уведомить Екатерину. «Ну, слава Богу, авось пронесет», – подумала про себя царица. На следующий день подписала указ Грейгу отвести суда в порты для лучшей сохранности зимой и сбережения людей от болезней.

Прошло несколько дней, прискакал курьер от князя Потемкина с депешами, но об Очакове – ни слова. Царица снова загрустила. Но неожиданно прибыл какой-то офицер из под Очакова и сказал, что крепость висит на волоске. Радость сразу же растеклась по телу, появилась бодрость и желание работать. Но ввечеру - неожиданный удар: пришло известие, что Грейгу стало тяжелей, и он опасен. Не смогла сдержать слез императрица, разрыдалась, а выплакавшись, велела, ежели что – похоронить Грейга в Ревеле с подобающей честью.

Но приходит беда – отворяй ворота: 15 октября в восемь часов вечера адмирал Грейг скончался на борту «Ростислава» от высокой температуры. Екатерина получила это известие 18 октября – расплакалась и сквозь

слезы промолвила по-французски: «Это – великая потеря, государственная потеря». Погоревав, собралась с духом и велела через адмирала Пущина обнадежить вдову монаршим призрением за услуги, оказанные покойным.

Вскоре Екатерина повелела Джакомо Гваренги сделать рисунок для саркофага адмирала Грейга, а скульптору Мартосу изваять его. Царица оплатила из личных средств все расходы по погребению и сооружению саркофага.

Адмирала похоронили в Домской церкви в Ревеле. Над могилой Мартос возвёл саркофаг из каррарского мрамора. Императрица повелела увековечить память о Грейге в медали и портрете. По её заказу мастер Леберехт отчеканил великолепные по исполнению большие золотые медали, которые она вручила семье и близким друзьям адмирала. По гравированному прижизненному изображению художник Левицкий сделал парадный портрет адмирала.

Весь флот жалел о смерти Грейга. Его подчинённые знали, что адмирал мало говорит, но много делает, и были уверены – где адмирал Грейг, там победа, недаром на его гербе изображена рука с разящим мечом и начертан девиз «Рази верно!»

Но не только флот оплакивал Грейга, больше всех слёз пролила сама императрица, понимавшая, что со смертью адмирала многое может изме-

Гробница адмирала С.К. Грейга в Домском соборе Ревеля.

Работа Маркоса и Кваренги.

ниться на флоте и на войне. Утирая слёзы, сидя в одиночестве у себя в кабинете, она сочиняла эпитафию для надгробия Грейга. Наконец, после долгих раздумий и перечёркиваний, царица вывела набело: *«Самюэлю Грейгу, шотландцу, русскому адмиралу, род. 1735 умер 1788. Его прославляют в нетленных стихах Архипелаг, Балтийское море и побережье, не знающее вражеского огня. Хвала отваге и достигающая небес печаль великодушной Екатерины».*

Императрица повелела выгравировать этот стих на серебряной доске и врезать её в надгробный памятник адмирала.

Так закончил свой жизненный путь великий адмирал. Этому «молчаливому старику» было всего пятьдесят два года...

Был конец промозглого петербургского октября, дули холодные ветры, небо покрыли тяжелые серые тучи, часто шли дожди. На душе у Екатерины было тоскливо – еще не забыта смерть адмирала, сообщения с флота не радовали, от Потемкина не было известий – а там русские войска, осадившие Очаков, со дня на день должны были брать его.

Войдя в кабинет царицы, Александр Васильевич нашел Екатерину лежащей на канаве в виде лодочки и читающей какие-то документы. Поздоровались, обменялись, как всегда, вопросами о самочувствии; Екатерина выразила неудовольствие переводом ноты на французский язык:

– Поистине, господин Кох слабо перевел, сама буду поправлять. Болит что-то поясница.

– Это от погоды, – ответил Храповицкий.

– Нет, от Очакова, который вчера или сего дня берут.

Доложили о прибытии курьера от князя Григория Александровича с планом Очакова и предполагаемыми действиями. С планом пришло и своеручное письмо Потемкина-Таврического, в котором он описал тамошние дела: *«... Сонной контр-адмирал Поль Жонес прозевал подвоз к Очакову и не смог сжечь судов, кои сожгли донские казаки: он был храбр из корысти, быв пиратом, но никогда многими судами не командовал, трусит турок, никто под начальством его быть не хочет, и он сам ни к кому в команду не идет. Нассау после неудачных покушений на капитан-пашу поехал в Варшаву под претекстом болезни. Капитан-паша большое делает препятствие – прилепился к Очакову, как испанская муха...»*

Закончив чтение, императрица сказала Храповицкому:

– Князь решился отправить Поль Жонеса в Петербург под видом особой экспедиции на Севере.

В конце ноября поздно вечером прискакал курьер с рапортами от князя из-под Очакова. С жадностью Екатерина набросилась на реляции, но снова – ничего радостного: как стоял Очаков, так и стоит, как заколдованный. Полночи проплакала, проснулась рано и сразу призвала статс-секретаря: надо было излить душу, давило на сердце. Показала Храповицкому план штурма острова Березань и сказала, что казаки взяли остров, но Очаков все еще под турком.

После чтения своей новой сказки матушка, возвращаясь к глодавшим ее мыслям, сказала:

– Чтобы взяли скорее Очаков, многое переменится; подлинно год високосный, но надежда на Божью помощь.

Потом занялись чтением газет. Из немецкой газеты узнала, что король английский сошел с ума, перечитала этот абзац Храповицкому и призналась:

– Верно, что несносно близким быть при сумасшедших; я испытала с князем Орловым – для чувствительного человека мучительно.

Вечеру занялись перлюстрированными письмами. Особо Екатерину заинтересовали письма Нассау-Зигена из Варшавы графу Сегюру, в которых он пишет, что Очаков можно было взять в апреле по плану его, с коим Суворов был согласен; тогда гарнизон не превосходил 4000. Также и в другой раз, после побед на Лимане одержанных, но все упущено.

Прочитав это, Екатерина вздохнула и сказала с горечью в голосе:

– Это правда, я сама не велела идти на приступ – для сбережения людей.

И вот он наступил – этот долгожданный день: 15 декабря в седьмом часу вечера приехал подполковник Боур с известием о взятии Очакова. Екатерина ликовала; за добрую весть, как водилось, пожаловала гонца в полковники, потом призвала Храповицкого – читать личное письмо Потемкина-Таврического. Князь писал, что хотел было в Екатеринин день подарить Очаковым, но не все было готово; взяли приступом 6 декабря, в Николин день.

Лицо Екатерины светилось тихой радостью и надеждой.

На следующий день был торжественный молебен по случаю взятия Очакова. Екатерина простудилась в холодной церкви и занемогла. Несносно провела ночь: во всем теле боли, по множеству раз крутилась в постели, так что до четвертого часа за полночь не нашла места, к утру насилу успокоилась.

Последний друг

*Не шёл ты средь путей известных,
Но проложил их сам – и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потёмкин.*

Гавриил Державин. «Водопад».

В самом конце декабря, не получая известий от Фон-Дезина, Екатерина посетовала Храповицкому:
– Лежит на сердце камень: Фон-Дезин потеряет корабли. Тот виноват перед Отечеством, кто ввел в адмиралы обоих Фон-Дезинов. Не знаю, были ли они в Архипелаге? – Екатерина боялась, что эскадра будет затерта и раздавлена льдами.

– Весь флот, жалея о Грейге, ожидает в начальники Крюйза, выхваляя его храбрость, – осмелился заметить Храповицкий.

– Он потерял «Евстафия» и «Родос». Надежда только на Козлянинова и других, что были на моей шлюпке.

Екатерина не любила адмирала Александра Ивановича Крюйза. Он был неудачником, а царица любила только тех, кто летал на крыльях успеха. А невезучий Крюйз после взрыва «Евстафия» получил трофейный турецкий корабль «Родос», но вскоре сел на нем на мель, так что судно разбилось в щепы. С тех пор царица его не очень продвигала, хотя это был храбрый и опытный адмирал, да и по старшинству впереди всех – шел вслед за Грейгом, а после его смерти стал впереди.

Вечеру приехал курьером от князя генерал-майор Рахманов – привез ключи от Очакова.

Свершилось!

– Князь велел тела мертвых турок метать в море, чтоб приплыли к их берегам, – рассказал Рахманов.

***

Наступил новый 1789 год.

В конце января князь Потемкин-Таврический извещался, что скоро прибудет в столицу с подробными рассказами о взятии Очакова и с намерением торжественно отпраздновать это событие. Екатерина тот же час повелела не давать оперу «Горе-богатырь» на публичном театре до приезда светлейшего, ибо намерена показать ему в Эрмитаже при малом собрании. Императрица все еще боготворила князя. В свете поговаривали, что Григорий Александрович был тайно обвенчан с Екатериной, но влюбчивая и ненасытная царица вскоре его разлюбила и отправила воевать турка, хотя высоко ценила и дружески была расположена. Да и при дворце сохранялась комната князя, которую никто не занимал. Но сердце и страсть Екатерины уже были отданы молодому красавцу графу Дмитриеву-Мамонову. Все за глаза осуждали государыню, но никто не мог догадаться, что ее ночная ненасытность – то следствие болезни, а не порока.

В ожидании приезда князя матушка размышляла о том, что слишком мало одарила его за все грандиозные дела им совершенные. Однажды в разговоре со своим наперсником, статс-секретарем, императрица призналась:

– Князю Григорию Григорьевичу Орлову за чуму сделаны мраморные ворота, графу Петру Алесксандровичу

Румянцеву-Задунайскому поставлены были триумфальные ворота в Коломне, а князя Григория Александровича Потемкина-Таврического совсем позабыла.

– Ваше величество, вы так его знать изволите, что сами с ним никакого расчета не делаете, – намекнул Храповицкий на близкие отношения царицы и князя.

– То так, однако все же он человек – может, ему захочется.

Екатерина задумалась ненадолго потом велела подготовить указ, чтобы в Царском Селе к приезду светлейшего иллюминовать мраморные ворота и, украся морскими и военными арматурами, написать в транспаранте стихи, кои выбрать изволила из оды Петрова на взятие Очакова. Императрица быстро набросала рисунок ворот и, показывая его Александру Васильевичу, продолжила:

– Тут при венце лавровом будет наверху – «Ты в плесках видишь храм Софии». – Поразмыслила и добавила: Ничего сказать не могут, ибо в Софии есть Софийский собор, но он будет в нынешнем году в Цареграде...

Матушка уже мечтала, как турецкий Стамбул превратится в славяно-греческий Константинополь с храмом Софии.

Григорий Александрович Потёмкин устроил грандиозный приём в своём доме, давал балы и сам разъезжал по гостям. Но он не забывал и государственных дел: разработал план наступательной кампании в Финляндии, чтоб быстрее принудить шведов к миру.

В середине марта граф Дмитриев-Мамонов получил от прежнего вице-канцлера князя Голицына письмо, в коем тот жаловался, что его побочный сын Де-Лицын умер, быв обманут и обыгран в карты. Но так как при письме

было прошение на высочайшее имя, граф передал все бумаги императрице.

– Кто обыграл? – спросила она сурово.

– Не знаю, – ответил Храповицкий.

Велела спросить у Турчанинова, тот тоже не знал, но сказывал, что долгу до семидесяти тысяч, и сие есть смерти причиною.

– Не Рибас ли? – царица знала страсть Рибаса к карточной игре и его способность обыгрывать. – Михаилу Сергеевичу Потёмкину, кажется, нельзя было обыграть?

– Поистине ничего не знаю, – взмолился Александр Васильевич, – да и Де-Лицына не знаю.

Так и не выяснив ничего, озадаченная Екатерина конфирмовала прошение князя Голицына, оставив свои подозрения без последствий.

***

Милости, выпавшие на долю князя Потёмкина-Таврического по случаю взятия Очакова, не иссякали. В середине апреля Екатерина повелела наградить светлейшего фельдмаршалским чином, вруча жезл, медаль, похвальную грамоту с перечислением всех заслуг и сто тысяч рублей на достройку Таврического дворца.

Мая 6 дня в седьмом часу утра князь Григорий Александрович уехал в армию к Очакову. Ему так и не удалось добиться у матушки признания за новооснованной Усть-Ингульской верфью статуса города. Еще в конце 1788 года Потёмкин, видя неудобства Херсонской верфи, повелел найти место для новой. И такое место было сыскано при слиянии Большого Ингула с Южным Бугом. Заложили на ней фрегат да акаты, но место сие было столь новым, что

даже название ему не придумали – то Усть-Ингул, то Новая Верфь. Только вернувшись к армии, к лету, светлейший князь решил назвать Новую Верфь в память о взятии Очакова в день Николы Морского и повелел отныне называть ее город Николаев, хотя какой то был город – одна хилая еще верфь да мазанки вокруг.

По представлению Потёмкина-Таврического матушка произвела первоприсутствующего в Черноморском правлении Николая Семеновича Мордвинова в вице-адмиралы, но вскоре последовало письмо от Александра Ивановича Крюйза, что его, старого и опытного вице-адмирала, не снаряжают в поход, а держат при берегу.

– Он несчастлив в море, – изрекла свой приговор царица, прочитав письмо Крюйза. Так и не дала ему хода.

Взгляд Екатерины упал на зеркало, и царица увидела в нем усталую, старую, тучную женщину в домашнем капоте. Обернувшись к Храповицкому, сказала с грустью:

– Я говорила с князем, старее ли я стала, что не могу найти ресурсов, или другая причина нынешним затруднениям? Он ответил: нет – границы стали обширнее и войск недостаточно. У других держав они в куче, а у нас рассыпаны.

– Вестимо, пространство державы от Ледовитого до Черного моря...

**Князь Платон
Александрович Зубов**

Грав. Уолкера с портр. Лампи.

– Слава Богу, – перебила царица, – что граничит с Ледовитым морем, киргизцами и китайцами!

– Конечно, такая обширная империя среди Европы существовать бы не смогла, – поддержал ее Храповицкий.

Июня восемнадцатого дня настал черный день Екатерины Великой – она узнала от Нарышкиной об измене Александра Дмитриева-Мамонова, ее горячо любимого Сашеньки. Горю императрицы не было пределов. Храповицкий сразу же заметил что-то неладное, когда пришел, как всегда, в кабинет: царица была грустной, расплакалась, сказав Александру Васильевичу, чтоб приходил завтра с утра, и заперлась на весь вечер у себя в покоях с Анной Нарышкиной.

Лишь назавтра матушка немного успокоилась и окунулась в работу, чтоб позабыться. Села писать собственноручное письмо князю Потёмкину-Таврическому: *«Мой друг! До утверждения границы не разорять крепостного укрепления Очакова: нужно для закрытия Лимана и для оснастки наших кораблей; однако ожидаю противных тому доказательств...»*. Снова заперлась с Нарышкиной, о коей рассказывают, что она и сообщила новость царице – граф Дмитриев-Мамонов женится на фрейлине Щербатовой. Лишь вечером царица вышла прогуляться по саду.

На третий день матушке стало легче, она призвала Храповицкого для решения ряда дел, но ни к чему не прикоснулась.

Екатерина сразу же обратилась к статс-секретарю:

– Слышал ли здешнюю историю?

– Слышал.

Императрица рассказала, как заподозрили Сашеньку и Щербатову и как все вскрылось:

– Сам на сих днях проговорился, что совесть мучит. Зачем не сказать откровенно? Год как влюблен. Буде же, сказал, зимой, то полгода прежде сделалось то, что третьего

Вид Невского проспекта от Зеленого до Аничкова моста в XVIII в.

Рис. Бенца.

дня. – Глаза матушки снова увлажнились, но сдержалась. – Да Бог с ними! Пусть будут счастливы. Я простила их и дозволила жениться. Тут еще замешивается ревность. Он больше недели беспрестанно за мной примечает, на кого гляну, с кем говорю. Сперва, ты помнишь, имел до всего охоту, а теперь мешается в речах, все ему скучно и все болит грудь. Мне князь зимой еще говорил: «Матушка, плюнь на него», и намекал, но я виновата, я сама его перед князем оправдать старалась...

Но не вняла советам светлейшего князя Григория Александровича государыня, забыла, что она уже старая женщина, что ей шестьдесят один год, а ее Сашеньке только двадцать три, и она ему годится в бабки, и что противно уже молодому красавцу ласкать старое, дряблое тело, хотя и с ненасытной утробой – вокруг столько юных красивых фрейлин!

Задумалась Екатерина, пропустила какое-то время и велела Храповицкому готовить указ о пожаловании Сашеньке к свадьбе деревень, в коих 2250 душ. Такой вот царский подарок!

Перед вечерним выходом сама государыня изволила обручить графа Дмитриева-Мамонова и княжну Щербатову. Молодые, стоя на коленях, просили прощения и были прощены, но так, как могла прощать измены Екатерина – они еще не знали, что за сим последует.

И хотя царица на другой день держала себя так, будто ее это не трогает, но сказала Храповицкому:

– Я давно уже себя к тому приговорила, – но в душе Александр Васильевич не поверил: он знал о мстительности Екатерины, она не прощала измен.

Государыня не долго горевала о потере своего милого Сашеньки, вскоре его заменил Платон Зубов, а графу Дмитриеву-Мамонову велено было с молодой женой покинуть Петербург и никогда в нем не появляться.

***

Жизнь при дворе снова завертелась привычным колесом. В начале июля, в память о Грейге и о победном Гогландском сражении Екатерина простила десятерых колодников из поданного ей списка. А скоро пришла победная реляция о новом сражении со шведами – 15 июля адмирал Чичагов побил шведов, и их корабли бежали в Карлскрону.

Но король шведский все не сдавался, хотя уже и сам хотел замирения. Время шло, и обе войны не кончались. Потом было еще несколько побед русского флота и на Черном и Балтийском морях, но противники были упорными и не пасовали. Так прошло почти два года войны.

Но в середине 1791 года появился радостный просвет: султан, разгромленный на суше и на море, склонился к миру. Князь Потемкин-Таврический выехал в Яссы, куда должны были прибыть полномочные представители Османской империи для подписания мирного трактата.

Августа двадцать восьмого дня курьер привез тревожное известие: светлейший князь Потёмкин сильно занемог, и к нему поехала племянница его – графиня Браницкая, с которой у Григория Александровича давно были нежные отношения. Печаль охватила Екатерину, слезы не давали работать. На второй день царица поехала в Невский монастырь молиться за князя, простояла всю ночь и богато одарила монахов: даны церкви большое серебряное паникадило к раке Святого Александра Невского, золотая лампада, сосуды с антиками и брильянтами.

Молитва, казалось, помогла: первого сентября прибыл курьер от князя – ему стало легче. Но потом пошли известия одно хуже другого. Царица принялась изучать болезнь князя по Масю и Тиману, плача все дни.

Октября одиннадцатого дня в обед прискакал курьер с вестью, что первого сего месяца Потёмкину стало хуже, слезы и отчаяние охватили царицу – уходил из жизни последний друг и наставник, один из тех, кто возвел ее на престол и не изменил до конца дней своих. Вечером начался приступ грудной жабы, и Рожерсон пустил царице кровь. В десять вечера Екатерина легла в постель.

А вечером следующего дня курьер привез страшную весть: по требованию князя пятого октября его повезли из Ясс в любимый им Николаев, но не проехали и сорока верст, как он умер на руках Александры Браницкой.

Курьер рассказал, что отъехав от Ясс тридцать семь вёрст, Потёмкин приказал остановиться.

— Будет теперь... — произнёс он, — некуда ехать... я умираю! Выньте меня из коляски, я хочу умереть в поле.

Это были последние слова князя.

Заплаканная Екатерина едва пролепетала, что не на кого теперь опереться — нет верных и способных людей и не успевает она их приготовить.

Через день царица послала племянника князя Михайла Сергеевича Потёмкина, чтобы разобраться с финансовыми делами светлейшего на месте, потому что не успел князь остыть, как недруги обвинили его в растрате огромных казенных сумм. Но что-то непонятное творилось вокруг его имени даже после смерти — генерал Михаил Сергеевич Потёмкин как-то странно умер в ночь с 13 на 14 декабря...

***

Новый, 1792 год, принес первую радостную весть: января шестого дня прибыл курьером бригадир Преображенского полка генерал-майор Марков с мирным трактатом — кончилась кровопролитная Турецкая война на выгодных для России условиях. Один враг Екатерины и извечный противник России повержен. Слезы радости покрыли лицо императрицы, когда она сидела за уборным столом, а Марков читал ей мирный трактат. Счастливая стала и пожаловала ему 2000 червонных. Вечером был благодарственный молебен во дворце и салют из ста одной пушки, а на завтра государыня пожаловала 3000 рублей Екатерининской больнице в Москве на подаяние.

И еще одна смерть случилась в тот год: 13 марта приехал курьер с известием, что пятого дня на маскараде смертельно ранен король шведский Густав III, а восем-

---

надцатого он скончался. При вскрытии тела нашли в ране пулю, гвозди и дробь – стреляли намеренно.

Так завершил свой путь непримиримый враг России и Екатерины.

В июле Храповицкий поднес Екатерине присланные из Англии от мастеров Бровнов резные камеи. Екатерина приняла их с радостью – она любила камеи и самоцветы. Долго с грустью любовалась камеей с вырезанной урной, на коей была эмблема князя Потёмкина-Таврического. И Рибас решил угодить царице – поднес ей вырезанную на камне головку Ахиллеса – пусть не забывает о Рибасе, который теперь стал де-Рибасом (сам приписал себе дворянскую французскую частицу «де», чтоб лучше звучало имя).

В память о светлейшем князе велено дом его именовать Таврическим дворцом, над могилой в Екатерининской крепостной церкви Херсона возвести мраморное надгробие, и поставить в Херсоне же монумент Потёмкину.

А война со шведами все еще шла и закончилась только в августе 1793 года.

С первого по пятнадцатое сентября вся Россия праздновала мирное торжество, которое завершилось фейерверком.

ГЛАВА IV

АДМИРАЛЫ ИЛИ ИНТРИГАНЫ?

Закат и восхождение

*Он побеждал стихию столько раз,
Что заработал право смерти в небе.
Он дрался с ветром в грохоте и мгле,
Не требуя овец и не зная,
Что море возвратит его земле,
Перед отвагой волны преклоняя.*

Иван Радченко. «Альбатрос».

В конце 1788 года начался закат трудной службы Пола Джонса в России. Настроенный принцем Карлом против Джонса Григорий Потёмкин написал Екатерине: «... сонный Жонес прозевал подвоз к Очакову, трусит турок, и никто не хочет служить под его начальством, а поэтому решено отправить его в Петербург под видом особой экспедиции на Север». Но императрица решила перевести Пола Джонса в Кронштадт, назначив его командующим Балтийским флотом и произведя в вице-адмиралы, о чём она велела передать адмиралу через графа Сэгура. Затем императрица выслала Джонсу свой рескрипт, где сообщила о производстве его в вице-адмиралы и назначении главным командиром на Балтике. Она передала также Джонсу на дорогу тысячу

дукатов и разрешила взять с собой двух адъютантов. Пол выбрал близких ему людей – Корсакова и Эдвардса.

Перед отправлением в столицу империи Пол Джонс встретился с Потёмкиным в Херсоне, где они поговорили спокойно и задумчиво. Контр-адмирал рассказал князю о мерзких оговорах и клевете на него со стороны Нассау-Зигена:

– Я с вами согласен, но теперь уже поздно, – сказал Потёмкин, а потом сообщил, что отправил Карла Нассауского в Варшаву, чтобы от него избавиться.

– Я совершенно не виноват, – продолжал далее князь, – если бы вы с Мордвиновым не поссорились с самого начала, то Нассау-Зиген не имел бы случая интриговать. Мордвинов первый открыл мне его нелепые притязания, но он сделал это слишком поздно, когда нельзя уже было предупредить зло.

Расставаясь, Пол Джонс попросил Потёмкина наградить всех его офицеров, которых обошли из-за происков принца Карла, что князь потом и выполнил.

Несмотря на то, что Суворов в своём письме ранее грубо высказался о Поле, они всё же расстались друзьями. Джонс посетил Суворова в его лачуге на Кинбурне. На прощание Александр Васильевич полез в свой походный сундук и вытащил из него богатую шубу из сибирского бобра, покрытую жёлтым китайским шёлком, и с воротом и отворотами из соболей. За ней последовал красивый гусарский доломан, подбитый белым горностаем и с золотыми шнурами. Всё это Суворов протянул Джонсу, который был буквально ошарашен таким щедрым подарком и стал отказываться.

– Возьмите, Джонс, – сказал полководец, – они слишком хороши для меня; мои «детушки» не узнали бы своего

«батюшку» Суворова, если б я так нарядился, но к вам они пойдут; вы ведь французский кавалер. Для вашего бедного брата, Суворова, годится серая солдатская шинель и забрызганные грязью сапоги. Прощайте!

***

Под стенами Очакова Александр Суворов сдружился с другим нашим героем – Осипом Рибасом. Близость характеров и боевое взаимопонимание надолго скрепили эту дружбу – оба были храбрыми, предприимчивыми, прямолинейными и хитрыми. Григорий Потёмкин говорил о Суворове, что «Суворова – не переспоришь», а Екатерина Вторая добавляла, что «самый хитрый – Суворов, но Рибас – хитрей его».

Суворов очень высоко ценил Рибаса и дружбу с ним, оживлённо переписывался и постоянно, как старший, наставлял молодого, горячего и честолюбивого испанца: *«Мудростью побеждайте гордыню и скупость. Вы навсегда пребудете прекрасным трубадуром, любимцем граций...»* В другом письме – *«Идите дорогой, проторенной мудростью, она лучше осторожности»*. И ещё: *«Вы ищете совершенства – Вы его не найдете ни в себе, ни во мне, ни в тех, кто нас добродетельнее – оно не от мира сего!»*

В следующем году, когда звезда славы Пола Джонса потухла, так и не успев разгореться, наоборот – слава Осипа Рибаса, как утренняя звезда, воссияла на горизонте и начинала восходить. Рибас, уже командуя гребной флотилией вместо склочного принца Нассау, участвовал в покорении турецкой крепости Гаджибей, где захватил два судна, что было весьма почётно. За это он получил

сразу два ордена: Святого Георгия Победоносца 3-го класса и Святого Владимира 2-й степени. Суворов, считая, что Рибасу принадлежит главная заслуга в овладении крепос-

Очаковский порт в конце XVIII в.

тью, прислал ему краткое письмо: *«С победою Вашего Превосходительства над Гаджибеем имею честь поздравить. Усердно желаю побеждать и далее неверных, заслужить лавры».*

И пожелание Суворова начало сбываться.

За два года Рибас сделал головокружительную карьеру – из майоров он стал бригадиром. В 1790 году Осип Михайлович, уже в чине бригадира командуя гребной Лиманской флотилией, вошёл в устье Дуная, разогнал турецкие гребные суда и овладел крепостями Тульча и Исакча. «Герой и брат мой!» – воскликнул Суворов в одном из писем Рибасу. Надо сказать, что к этому времени Осип Рибас привлёк в армию России своего племянника Эммануила, который также успешно продвигался по службе, громя турок в придунайских укреплениях.

Готовясь к штурму Измаила, Суворов с нетерпением ждал прибытия Рибаса с его гребной флотилией. *«Срочно готовлю провиант к вашему прибытию»*, – писал полководец Осипу Михайловичу, – *«маркитантам велено запастись водкой».* А накануне штурма Суворов прислал очередное «наставление» другу: *«Истинной славы*

не следует домогаться: она – следствие той жертвы, которую приносишь ради общественного блага... Вы – зarya грядущих прекрасных дней наших».

При штурме Измаила Рибас со своей флотилией оказал решительное влияние на овладение крепостью – он брал её приступом со стороны Дуная, где были наиболее слабые укрепления, и этим Суворов достиг общего успеха. За самоотверженный штурм крепости со стороны Дуная полководец назвал Осипа Рибаса «Дунайским героем», а Екатерина наградила его украшенной бриллиантами шпагой и восемьюстами душами крестьян.

В 1791 году генерал-майор Рибас, ставший уже известным героем-морьяком, был переименован в морской чин контр-адмирала. Командуя своей флотилией, он способствовал наведению моста через Дунай, участвовал в сражении при Мачине. В составе русской мирной делегации он затем вёл переговоры с турками о мире. В этом же году

Александр Храповицкий.
Портр. Д. Левицкого 1781 г.

Рибас получил высшие награды России – ордена Святого Георгия 2-го класса и Святого Александра Невского. С 1793 года, будучи уже вице-адмиралом, Рибас командовал гребным флотом на Чёрном море.

Гребная флотилия на зиму приходила в новый город Николаев, поэтому с осени по весну Рибас жил здесь. В 1791 году на углу Никольской и Наваринской улиц Рибас купил обширную усадьбу и построил дом в строгом классическом стиле – с портиком в виде колонн с фрон-

---

тоном. В свободное от боевых действий время, долгими зимними вечерами, в этом доме Осип Рибас разрабатывал различные планы. Он представил Потёмкину проект усовершенствования русского флота. Будучи умным, талантливым, но хитрым и ловким, Рибас «пробивал» свои планы подарками влиятельным лицам в Петербурге. Зная пристрастие Екатерины к резным камням, особенно античным, в 1792 году он преподнёс царице великолепную камею, купленную на юге.

**Княгиня Екатерина Орлова
(Зиновьева)**

*Грав. Барсенева 1784 г. с портр.
Ф. Рокотова, 1779 г.*

Вскоре, в 1793 году, Рибас, изучивший хорошо Гаджибейский залив, где летом базировалась его флотилия, предложил Екатерине Великой проект постройки на месте Гаджибея морского порта, города и крепости. Императрица, зная распорядительность и энергичность Рибаса, утвердила этот план и назначила его строителем нового города.

Теперь уже бывший Хосэ Рибас, а в России – Осип Рибас превратился в русского вице-адмирала Иосифа Михайловича Рибаса, а затем – в де-Рибаса. Говорили, что он сам прибавил к своей испанской фамилии французскую частицу «де», говорящую о дворянском родовом поместье (по-русски – «Рибасовка»). Но где оно у него было в Испании, это поместье? Поэтому все сослуживцы по-прежнему называли его Рибасом, забывая об этом «де».

---

* * *

Приехав в Петербург, Пол Джонс был принят Екатериной, которая высоко оценила его деятельность на Чёрном море, хотя в душе не очень одобряла его как человека. Ему выделили казённую квартиру и платили жалование вице-адмирала. Три месяца, начиная с января 1789 года, Пол обретался при дворе, не имея никаких дел.

Приехавший в то же время в Петербург принц Карл Нассау-Зиген, опасаясь разоблачения своих интриг, задумал окончательно опорочить Джонса в глазах царицы и всего общества. Однажды к Полу явилась какая-то молодая особа и стала настойчиво предлагать себя. Он с трудом выставил девицу за дверь, но тут объявилась, якобы, её мать и начала кричать вместе с девицей, что вице-адмирал изнасиловал девушку. Свидетелями скандала оказались многие соседи – офицеры, жившие в этом доме. Дело грозило морским военным судом.

История дошла до Екатерины. Она выслушала Джонса и потребовала его письменного объяснения. 17 мая вице-адмирал написал царице эту записку, и Нассау-Зиген был немедленно выслан в Миттаву. Пол Джонс напомнил императрице о его назначении на пост командующего Балтийским флотом, но она направила его в Свеаборг для инспектирования шведского флота. Но тут же «доброхоты» стали нащёптывать Екатерине, что Джонс стал вести секретные переговоры со шведским королём Густавом III о переходе к нему на службу; это вызвало естественное возмущение императрицы.

В Петербурге Пол Джонс пробыл почти три года, не имея постоянного дела: Екатерина не хотела новой ссоры с англичанами, жившими там. Джонс жаловался ей на

русских моряков, ссылаясь на свой журнал, который он передал царице. Прочитав журнал Пола, Екатерина велела его опечатать, «чтоб другие не имели злобы»: там было столько неприятных для русских моряков высказываний, пересыпанных площадными ругательствами, которые Пол только и усвоил у моряков, что царица считала этот дневник неприличным.

Дача “Санзанюи“, подаренная С.К. Грейгу Екатериной II.

Аквар. Ю.А. Штиглиц (Грейг).

Оставаясь в Петербурге не у дел, американский моряк разрабатывал различные военно-политические проекты, но они оставались без внимания. Суворов, который в это время строил Роченсальмское укрепление в Финляндии и не знал истины, разразился по поводу бездеятельности Джонса эпиграммой:

*Как в Бакховом соку Тразибул утопясь,
Как в креслах висковых сэра Ионсон углубясь,
Как бабочка весной летит из роз в лилеи,
Так форты, Роченсальм, мне ложи и постели.*

Через несколько месяцев Екатерина всё же поручила Полу провести инспекцию Балтийского флота. Джонс обнаружил много недостатков, которые подробно изложил царице, но далее кабинета императрицы его выводы не ушли.

Во время этой инспекции Пол простудился и заболел воспалением лёгких, что было в то время весьма опас-

---

ной болезнью. Личные врачи Екатерины, обследовавшие Джонса, сказали ей, что он не выдержит петербургской зимы. Воспользовавшись их заключением, Екатерина предоставила Джонсу двухгодичный отпуск для поправки здоровья, сохранив ему жалование контр-адмирала. Это был редкий случай на русском флоте: тогда не принято было уходить в отпуск, это не поощрялось.

С горечью 18 августа 1791 года Джонс покинул Россию. Он побывал в Варшаве, где встретился с королём Станиславом и затем был представлен генералу Костюшко. Затем отправился в Лондон по каким-то финансовым вопросам. Но и там он оказался нежелательной персоной: англичане не забыли его корсарских подвигов, и толпа чуть не растерзала Джонса.

Спасаясь от гнева англичан, Пол тайком сбежал в Париж, где его ещё помнили. Знаменитый корсар прожил здесь недолго и бедно. Париж и вся Франция бурлили тогда в преддверии кровавой революции. Джонс близко сошёлся с Лафайетом, Мирабо, Бараком, Карно, Робеспьером и Дантоном – активными деятелями революции. Они обещали ему после победы вручить командование французским революционным флотом.

Из Парижа Джонс написал Екатерине пространное письмо, в котором были такие строки:

«Я вполне убеждён, что заслужил одобрение императрицы, и, несмотря на все неприятности, всегда занимался планами на пользу службы. Хотя мои враги, быть может, никогда не превратятся в моих друзей, но меня уважают все, кому я известен, и немалое торжество для меня, что в минуту отъезда из России все, в том чис-

---

ле англичане в Петербурге, без малейшего с моей стороны искательства, изменили свои чувства, стали питать ко мне уважение и сожалеют о моём отъезде».

Екатерине не понравилось это письмо, и в сентябре 1791 года она написала Джонсу, что ему лучше заняться делами американского флота, но и бывший его друг, а теперь президент Соединённых Штатов Вашингтон не ответил на письмо Джонса.

Весной 1792 года Пол Джонс выехал в Голландию к посланнику Крюденеру, чтобы окончательно уволиться от службы в российском флоте. Посланник вручил контр-адмиралу письмо от его друга Суворова, датированное третьим марта:

«Не позволяйте, мой добрый брат, какой-нибудь сирене во плоти, или в образе самолюбия, обольстить вас и побудить оставить службу её величества. Я слышу дурные вести о вашем здоровье, но убеждён, что климат Чёрного моря действительно не может быть вреден для вас... Ну, добрый брат мой, императрица получит копию с этого письма, она согласится со мною... Поэтому умоляю вас... возвращайтесь в Россию как можно скорее».

Это было последнее письмо Александра Васильевича. Джонс не послушался совета старого полководца и настоял на окончательной отставке.

18 июня 1792 года Пол Джонс неожиданно умер в Париже; ему шёл только сорок пятый год.

Узнав о смерти Джонса, Национальное собрание Франции прервало своё заседание и избрало депутацию

из двенадцати членов, которая отправилась на похороны, чтобы «воздать честь Полю Джонсу, адмиралу Соединённых Штатов и человеку, хорошо послужившему делу свободы». Но американский посланник Моррис отказался даже присутствовать на похоронах.

Весть о смерти Джонса дошла до Екатерины от барона Гримма; в ответном письме ему царица довольно грубо отозвалась о контр-адмирале российского флота: *«Поль Джонс был очень вздорный человек, вполне достойный, чтобы его чествовала кучка отвратительных людей».*

Вскоре после похорон забыли даже, где находится могила Пола Джонса. Наступил кровавый девяносто третий год. Французская революция направо и налево рубила головы своим лучшим представителям. Ей было не до Пола Джонса.

Лишь после Трафальгарского сражения Наполеон с видимым сожалением вспомнил об ушедшем в мир иной моряке:

«Поль Джонс не дождался своей судьбы и умер слишком рано, если бы он был жив, то Франция имела бы теперь настоящего адмирала. Наши адмиралы толкуют о различных теоретических предметах и забывают, что вся цель войны заключается в том, чтобы поймать неприятеля и уничтожить его. Так смотрели на цель морской войны Поль Джонс и Нельсон. Жаль, что им не пришлось померяться равными силами».

Наполеон считал, что Пол Джонс разбил бы Нельсона. Но кто знает?

де-Рибас против Мордвинова

Многие, увидев знаменитость будущего города, без сомнения, возжелают учиться гражданами его...

Жители потекут во множестве с избытком своим к ново-построенному городу.

Из донесения Г.А. Потёмкина Екатерине II.

Началось строительство Гаджибея. Под руководством де-Рибаса были возведены военная гавань и купеческая пристань, началось строительство города, получившего вскоре от Екатерины название Одесса. Но планы Иосифа Михайловича простирались намного дальше. Он начал интриговать против своего начальника, командующего флотом адмирала Николая Мордвинова, пытаясь перенести центр управления флотом из Николаева в Одессу, переместить туда судостроение и стать во главе Черноморского флота. Узнав об этом, неповоротливый бюрократ Мордвинов «встрепенулся» и также повёл наступление на Рибаса. Началась смертельная схватка двух адмиралов. С большим трудом Мордвинову удалось отстоять Николаев и флот. И тогда он решительно стал выступать против строительства Одессы как главного торгового порта на Юге, утверждая, что лучшим местом был бы Очаков, благо там уже существовал порт. Однако де-Рибас, несмотря ни на что, продолжал строить Гаджибей-Одессу, наживаясь на этом с наглостью разбойника.

Желая более уверенно сделать в будущем карьеру при дворе, Рибас женился на внебрачной дочери богатого вельможи Бецкого, Анастасии Ивановне Соколовой, которая до этого состояла камерюнгферой Екатерины Второй. Эта старая дева была на восемь лет старше Осипа Михайловича, но принесла ему богатое приданое. Судя по переписке с Суворовым, она вышла замуж за Рибаса, когда ей было уже далеко за тридцать, однако это не помешало ей родить двух дочерей. Благодаря своей жене, Рибас получил доступ к «большому» двору самой императрицы в то время, как Мордвинов опирался на «малый» двор великого князя Павла Петровича.

Из-за происков Рибаса Мордвинов потерпел поражение. 27 мая 1794 года Екатерина подписала рескрипт, начинавшийся словами: *«Уважая выгодное положение Хаджибея при Черном море и сопряженные с ним пользы, признали Мы нужным устроить там военную гавань купно с купеческою пристанью».*

«В сие же время, – записал статс-секретарь императрицы Андрей Грибовский, который сменил на этом посту Храповицкого, – утверждён доклад князя Зубова о устройении на берегу Чёрного моря, где была турецкая крепостца Гаджибей, города Одессы, и при оном военного и купеческого портов, карантина и крепости. Проект сего предприятия подан был от вице-адмирала де-Рибаса, завоевателя упомянутой крепостцы, и несмотря против одного возражения, при постоянном его старании и усердном моем ходатайстве, князь убедился в полезности вышеозначенного плана и исходатайствовал высочайшее повеление на приведение одного в исполнение».

Адмирал Мордвинов пожаловался князю Зубову на «ухищрения и успехи Рибаса и Грибовского», но безрезультатно. Граф Ростопчин в одном из своих писем написал по этому поводу: *«Борьба не будет равной, добродетели и достоинство всегда терпят поражение, когда против них вооружается интрига и преступление».*

В 1795 году де-Рибас был вызван в Петербург, где умело отстаивал интересы строительства нового города, пытаясь окончательно «свалить» Мордвинова.

Возмущённый граф Ростопчин, поддерживавший Мордвинова, в письме графу Воронцову так охарактеризовал в 1796 году строительство Одессы и роль Рибаса: *«Никогда ещё преступление не поднимало головы так высоко. Безнаказанность и дерзость достигли своего апогея... То, что крадет один только Рибас, превышает 500000 рублей в год. Он добился утверждения проекта сооружения порта для гребного флота в Гаджибее, прозванном Одессой... Течение, особенно сильное в месте проведения работ, во время бури разрушает все до основания, и приходится снова возобновлять работы, связанные новыми ассигновками. Этот порт должен быть сооружен в десять лет. Ежегодно ассигнуется 1200000 рублей и командирруется 5000 солдат, четвертая часть которых умирает отчасти под бременем непосильной работы, отчасти вследствие недостатка в пресной воде и страшной жары, свойственной тамошнему климату в летнее время...»*

Конечно, учитывая благоволение Ростопчина к Мордвинову, граф, по-видимому, несколько превысил реальные цифры, но дал верную характеристику обстоятельствам.

Но торжество Рибаса продолжалось недолго. После смерти Екатерины в ноябре 1796 года партия Мордвинова сумела взять реванш. 24 декабря того же года последовал высочайший указ Павла Первого: *«Комиссию южных крепостей и Одесского порта упразднить и все принадлежащие оной дела немедленно прислать сюда с начальными производителями оных»*. За этим последовал рапорт контр-адмирала Пустошкина от 27 января 1797 года: *«Вследствие высочайшего повеления... Экспедиция строения южных крепостей и порта Одессы упразднена от сего генваря 10 и как дела ее, так и чины в оной находившиеся отправлены от меня в Санкт-Петербург...»*

***

Александр Суворов продолжал дружить с Рибасом, куда бы ни забросила его судьба; и при строительстве крепостей на юге, и подавляя польское восстание, и находясь в Тульчине, великий полководец по-прежнему считал Рибаса своим другом. Дмитрию Хвостову он написал: *«Ныне у вас Осип Михайлович, с ним будьте откровенны; он мудрый и мой верный друг»*. Будучи затравлен недругами за свои критические высказывания, Суворов в сердцах жаловался Рибасу: *«Мне все равно, где умереть: на экваторе или на полюсе. Ставши празден, явлюсь с заступом к Вам в Гаджибей»*.

Но «коварный испанец», не задумываясь, мог предать во имя своих интересов любого. В 1795 году Суворов по-прежнему шлёт Рибасу дружеские письма: *«Ваше Превосходительство, дорогой и сердечный друг Осип Михайлович!.. Здоровья вам, благоденствия, побед и сла-*

вы!.. А покамест пусть цветет ваш Гаджи-бей, увеличивайте флот, штурмуйте Византийский пролив, как некогда Дунай. Я получил Ваше любезное письмо из Николаева...»

Однако Гаджибей «расцветал» не так, как ему желал Суворов. Рибас допускал злоупотребления по службе, хищения и растраты. Строители города, солдаты и матросы мёрли, как мухи, а вся ответственность за это ложилась на Суворова как главнокомандующего армией. Возмущённый Суворов написал Хвостову в 1796 году: *«Сердце мое окровавлено больше о Осипе Михайловиче... Оба флота в моей команде; гребной – гнилой, парусный – хуторной и первому подобный».*

И ещё одно горькое письмо: *«Осип Михайлович Рибас не один раз меня предавал, я был на то и останусь всегда холоден. Он играл князем Потемкиным, сей им играл больше...»*

В 1795 году переписка между Суворовым и Рибасом прервалась.

Узнав в 1796 году, что Рибаса хотят назначить министром (послом) в Швецию, Суворов в одном из писем пишет возмущённо: *«Отдать в Стокгольме министерство Рибасу – неустово, разве продать Государственный интерес на князя Платона (Зубова)».* Но это назначение не состоялось.

Не лучшим был и враг Рибаса Николай Семёнович Мордвинов. Назначенный главнокомандующим Черноморским флотом, он жил в Николаеве в большом «адмиральском» доме. Будучи обременённым большой семьёй и родственниками, которые проживали при его доме, адмирал думал не о кораблестроении и флоте, а как бы

урвать где-то денег и «землицы», чтобы содержать свою семью и множество «приживалок».

Канцлер Александр Безбородко дал весьма нелестную характеристику Мордвинову в письме графу Семёну Воронцову: *«Все однако же ничто в сравнении корабельного флота Черноморского. Там все до такого бедственного дошло состояния, что и сказать стыдно и жалко. В.С-во удивитесь, когда узнаете, что князь Потемкин по крайней мере успел хотя гнилые корабли вводить в море в большом числе и что он при всем прочем имел великое в отношении людей проицание. Он худо отзывался о Мордвинове. И сие относя к личному гонению, по его смерти поставлен Мордвинов в главном начальстве над флотом и адмиралтейством.*

Теперь выходит дело, что свой человек, при наружном виде англичанина и твердого в своих правилах, делает вещи страшные, и, конечно, скоро очутится богатым человеком. Все втрое становится там; долгов накопилось с сумою потребною на необходимые постройки до 9000000 рублей; кораблей вместо положенных 20 по штату, всех только 9, когда турки назначили у себя иметь 25 линейных на одно Черное море. Гребной флот тут не существует, кроме гнилых остатков князя Потемкина и несколько десятков запорожских лодок, на кои покойник втащил осадные орудия. Рибас, хотя также кармана своего не забывает, но гораздо скромнее нашего природного адмирала и всеми образы хочет увильнуть от сообщества с ним. В бытность Мордвинова здесь держаны были конференции уздешних флагманов с ним

о штатах, но кои наши доказали ему все оплошности, а ныне брались за гораздо меньшие деньги сделать больше, подчиняя Черноморское Адмиралтейство коллегии, но тут, я думаю, помешало самолюбие и охота присвоить себе ежели не точную команду, то, по крайней мере, опеку над всем тамошним краем и всем, что в нем есть.

Хвалёный ваш Мордвинов более свои дела делает».

Тайная проверка

*Разломися, гробовая доска,
Поднимися, наша матушка
Милосердная государыня
Катерина Алексеевна!
Без тебя нам жить похужело,
Всему царству почезжелело
При твоём сыну любезному,
Что при Павлу при Петровичу.*

Из народной песни.

Смерть Екатерины Великой вызвала большой переполох в придворных кругах и в провинциях. Одни с нетерпением ждали перемен, другие – с ужасом. Затаились и Мордвинов с де-Рибасом, не зная, куда повернёт Павел Первый.

А новый император начал с того, что разогнал всех фаворитов и приближённых своей матери, попереименовывал часть новых городов, чтобы в их названиях ничего не оставалось от былой славы Екатерины и её сподвижников, и начал ревизию всего, что было сделано в России Екатериной. Почти через год очередь дошла и до южных земель и Причерноморья, в особенности в оценке целесообразности создания нового морского порта на Чёрном море. Павел хорошо знал те склоки, которые возникли в связи со строительством Одессы, и ту злобную распрю, которая вспыхнула между Мордвиновым и де-Рибасом. И он решил самолично проверить всё прямо на местах.

В октябре 1797 года император с небольшой свитой самых преданных ему людей отправился в Причерномо-

---

рье. Поездка была окутана секретностью настолько, что о ней практически никто не знал, и она не была отражена в документах. Вскоре кареты с таинственными спутниками достигли Николаева – столицы молодого Черноморского флота, где была сосредоточена вся власть над кораблестроением и деятельностью моряков и судов. И где жил Мордвинов.

***

Вечером, как всегда, отец Иоанн, настоятель Крепостного собора в Херсоне, попивал чай со своей «матушкой». За окном, во мраке ранней осенней ночи, шумел иногда ветер, бросая хлопья первого снега. Вдруг раздался неожиданный стук в дверь, от которого оба вздрогнули: кого это принесла нелёгкая в такую погоду?

– Не от коменданта Тернера? – спросила сама себя вслух матушка.

– Да нет, – ответил отец Иоанн, – от него ещё рановато. Пойду-ка я открою.

Кряхтя и охая, отец Иоанн подошёл к двери и окликнул:

– Кого Бог послал?

– От господина коменданта, – услышал он в ответ. – Просит немедленно прибыть и провожатого прислал.

Отец Иоанн быстро оделся и вышел. Приглашение к полковнику Тернеру было обычным для него – они почти каждый вечер проводили вместе, обсуждая жизнь Херсона и Николаева и склоки, возникавшие непрерывно среди местных властей и их приспешников.

Но на этот раз отца Иоанна встретили двое рослых людей, рассмотреть которых ему не удалось из-за мрака,

---

окутавшего Херсон. Молча его проводили до дома коменданта, и вдруг настоятель в пелене снега увидел контур какой-то кареты. Вздрогнул тут отец Иоанн и подумал, что его увезут на судилище, за что и сам не знал, но он был хранителем праха князя Потёмкина – бывшего смертельного врага Павла Петровича. «Жаль, что не попрощался с матушкой», – пронеслось в мозгу священника. – «Может, никогда более и не свидимся».

Сопровождающие подвели отца Иоанна к дверцам кареты, распахнув их. Чьи-то сильные руки подхватили его и кто-то произнёс:

– Войдите. Но с этой минуты всё, что будет – это секретно!

Дверца захлопнулась, и кони рванули, видимо, их было много, потому что карета понеслась без остановки. Отец Иоанн от страха потерял сознание и рухнул на пол кареты, которая мчалась ночью, молча, без привычного гиканья кучера и свиста кнута.

Когда отец Иоанн очнулся, карета освещалась тусклым светом фонаря. Он огляделся и глазам не поверил: у ног лежала чёрная медвежья шкура, заменявшая ковёр, на сиденьях – подушки рытого бархата; тут же лежала лисья шуба, подбитая атласом и стоял открытый ларец, наполненный едой и питьём.

– Господи! – воскликнул отец Иоанн и шёпотом промолвил сам себе: – В такой карете не возят секретных арестантов.

Боясь прикоснуться к этому богатству, отец Иоанн обернул ноги краем медвежьей шкуры, чтобы согреться – от холода и от первичного страха его всё ещё была нервная дрожь. Вдруг раздался голос откуда-то сверху:

– Пользуйтесь всем, что видите, это воля императора Павла. – И маленькое окошко в передней стене кареты захлопнулось, а осмелевший священник закутался в шубу и задремал.

***

Ехали долго, несколько часов, но вот карета остановилась. Отец Иоанн проснулся от шума голосов, щёлкнул ключ в дверце, и он услышал:

– Пожалуйте! – и те же сильные руки помогли отцу Иоанну спуститься на землю. Он оказался возле невысокого дома, куда его ввели и оставили осмотреться. В чистой и просторной комнате в углу, как и положено, висела большая икона, освещаемая лампадкой. У жёлтых стен стояла мягкая мебель и рабочий стол, кровать, а за ширмой – умывальник.

Через некоторое время вошёл генерал-прокурор князь Куракин.

– Вы отец Иоанн Глобачёв, настоятель Херсонского Крепостного собора? – мягко спросил генерал.

– Так точно, ваше высокопревосходительство.

– Прошу вашего иерейского благословения. – Генерал сделал паузу, а потом продолжил:

– А вы, батюшка, не смущайтесь. Вы у нас не то что какой-то подневольный, а гость Государев, и покой вам как в дороге, так и здесь приготовлен не как подневольному... Оправьтесь, успокойтесь и соберитесь с мыслями, чтобы изложить всё, что знаете по чистой иерейской совести. Помните, отец святой, что спрашивать вас будет сам наш милостивый Государь Император Павел Петрович. Опять повторяю, не смущайтесь, верьте мне, что Государь вас

милует. Он заботился о вашем пути, а теперь мне наказал: «Иди, говорит, ободри сначала священника, он чист помыслами».

Отец Иоанн чуть не упал в обморок, услышав это, но потом успокоился и присел на диван.

Через полчаса из боковой двери в комнату вошел Павел Петрович, одетый в халат и ночные туфли.

Священник пал на колени, но император, приблизившись к нему, сказал:

– Встань, отец. – Помолчав немного, он продолжил: – Здесь между нами один Бог, а ты Его верный служитель; поведай предо мною, как и пред Ним, сущую правду. Не воздаёт ли кто праху князя Таврического сверх должного почитания и что тебе известно о смерти, погребении и происках к перенесению праха из Крепостного собора?

Павел сел в кресло и приготовился слушать. Отец Иоанн оказался в некотором замешательстве. Он знал, что обряд погребения князя проходил не совсем так, как его расписали духовные и мирские власти.

***

Григорий Потёмкин для своего погребения хотел построить величественный мавзолей в селе Богоявленском на окраине Николаева. Здесь он отвёл для себя и последней, но верной любовницы графини Александры Браницкой обширные поместья с домами для князя и графини, стоявшими визави по концам длинной аллеи. Дома соединялись обширным пейзажным парком с фонтанами, каналами, прудами и купальней. Здесь и должен был стоять мавзолей, спроектированный «придворным» архитектором князя Иваном Старовым. Родная племянница, любимая графиня Александра, обещала схоронить князя в этом

мавзолее. Но никто не ожидал столь ранней смерти молодого ещё и здорового на вид князя Таврического, поэтому к постройке мавзолея даже не приступили.

Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврического.

Грав. Скородумова.

Запросили Екатерину о том, где хоронить Потёмкина. А пока ждали ответа и, зная, что князь любил Николаев и хотел быть там похоронен, срочно на городском кладбище соорудили склеп и над ним возвели часовню в виде греческого храма. Императрица ответила, что ежели князь завещал похоронить себя в Николаеве, то исполнить его волю; ежели нет, то упокоить его в Херсоне – первом городе, основанном князем в Причерноморье.

Искали завещание, но его не оказалось, – князь не спешил умирать – и тогда выполнили указ Екатерины. Но и тут, когда тело усопшего привезли в Николаев, то не смогли его отпеть в морском соборе во имя Святого Григория Армянского – он ещё только строился. И тогда решили отпеть его в единственной церкви Николаева – Святителя Николая, построенной греками-переселенцами ещё при основании города. Но об этом нигде официально не сообщали, придерживаясь тайны.

Отец Иоанн решил, что лучше держаться официальной версии похорон, изложенной в реляциях, газетах и епархиальных ведомостях.

---

* * *

Собравшись с мыслями, отец Иоанн стал рассказывать хорошо известные императору сведения:

– Светлейший князь Григорий Александрович с четвёртого числа на пятое октября 1791 года, по переправе через Прут скончался на руках графини Александры Васильевны Браницкой, урождённой Энгельгардт. Так как князь за час до смерти попросил вынести его из кареты и лёг на разостланном ковре, на котором в скорости скончался, то племянница Александра Васильевна, уложив снова почившего князя в карету, возвратилась в Яссы. По бальзамированию тела, тринадцатого октября, было совершено отпевание князя в Ясском монастыре Голия.

– Кто совершал обряд? – спросил Павел.

– Предстоятельством Екатеринославский архиепископ Амвросий при участии vicария Феодосийского Моисея, греческого митрополита Григория и грузинского митрополита Ионы с прочим духовенством, причём речь произнёс Амвросий.

– Это тот, который признал в церкви князя «Ахиллом Российским»? – недружелюбно спросил Павел Петрович.

– Никак нет, Ваше Императорское Величество. До него был vicарий Моисей, кой по образности речи и учёности так именовал князя Таврического...

– Далее что?

– По совершении отпевания тело князя было отправлено в город Николаев и 24 ноября внесено в Николаевский Адмиралтейский собор имени князя – Святого Григория, просветителя Армении... – тут отец Иоанн слегка запнулся, внезапно сообразив, что сболтнул лишнее, назвав собор именем князя – собор уже давно был переименован

по указу Павла Первого в Адмиралтейский. Но потом, справившись с собой, священник продолжил:

– Здесь, по совершении среди черноморцев и граждан основанного им города торжественного панихидного служения тем же викарием архиереем Моисеем, тело князя направлено было в город Херсон, в Крепостной собор, и 23 ноября тем же архиереем предано земле...

– Как земле? Оно стоит открыто! – резко заметил император.

– Я разумею опущение тела под спуд храма без зарытия в землю и без склепа...

– В каком виде самый гроб?

– Тело покойного князя было положено в трёх влагищах: первое – дубовый гроб, второе – свинцовый гроб, третье – деревянный ящик. Сей последний по прибытии в Херсон был снят, а гроб свинцовый был опущен в подполье храма вблизи правого клироса и хранится ныне нерушимо.

– Почему не закрыт вход в подполье? – задал новый вопрос государь.

– В ожидании Всемилостивейшего разрешения об устройении подвального придела. Сродники же и облагодетельствованные светлейшим молятся вне спуска пред образом Спасителя.

Выслушав исповедь отца Иоанна, царь милостиво решил ему вернуться в Херсон. На другой день около полудня в комнату вошёл князь Куракин и передал отцу Иоанну большой пакет – гостинец семейству священника. Он также сказал, что для соблюдения секретности отец Иоанн должен выехать в ночь – в пять часов вечера, когда уже темно.

В середине тёмной морозной ночи карета въехала в Херсон и, пройдя долгий опрос на заставе, отец Иоанн попал

наконец в объятиях своей матушки, перепуганной насмерть тайным отъездом священника, неизвестно куда и зачем.

К радости, в пакете оказалось 3000 рублей ассигнациями, дарованными жене и детям отца Иоанна.

***

Через несколько месяцев по тому, 28 апреля 1798 года, отец Иоанн и комендант Тернер получили секретный пакет, распечатав который, прочли приказ генерал-прокурора князя Куракина Новороссийскому губернатору Селецкому:

«Так как тело покойного князя Потёмкина доныне еще не предано земле и держится на поверхности под церковью в погребу и от людей бывает посещаемо, а потому, находя сие неприятным, Его Величество Высочайше соизволил, дабы все тело без дальнейшей огласки в самом том же погребу погребено было в особо вырытую яму, а погреб засыпан землею и изглажен так, как бы его никогда не было».

Испугавшись тона приказа, исполнительный полковник Тернер сразу же отрядил полуроту солдат из крепости, которые в ту же ночь, не вырывая новой могилы, как было указано, спешно засыпали подвал храма землёй, взятой с крепостного вала, сравнив погребение Потёмкина «с землёй».

На другой день город бурлил, обсуждая страшную новость. Если раньше говорили, что тело Потёмкина брошено в Днепр, а гроб стоит пустой, то теперь молва утверждала, что его зарыли в крепостном валу, где утром оказались свежие ямы.

***

А император, тайно проведя инспекцию главной квартиры Черноморского флота и переговорив обстоятельно с адмиралом Мордвиновым, также инкогнито посетил новостроящуюся Одессу, где общался с де-Рибасом.

В январе 1798 года оба враждующих адмирала были вызваны в Петербург. Полагали, что Мордвинов получит повышение, а Рибаса отправят в отставку. Но получилось всё наоборот: изворотливый и ловкий де-Рибас сыграл на непостоянстве характера Павла и сумел склонить его на свою сторону, а Мордвинов *«задержан в доме под стражею, предан суду и, хотя не мог быть обвинен, однако ж не допущен был до свидания с государем и отправлен в том же звании на прежнее свое место»*.

В том же году Иосиф де-Рибас получил назначение на должность генерал-кригс-комиссара, то есть – главного интенданта всего Российского флота, и весь год занимался поставками для моряков и кораблестроения.

«За хорошее исправление порученной комиссии» Павел Первый 8 мая 1799 года произвёл де-Рибаса в адмиралы и назначил дополнительно ещё и на пост управляющего Лесным департаментом, который занимался поставками корабельного леса.

Но, как говорится, «щуку бросили в реку». Наконец-то де-Рибас дорвался до богатой кормушки, однако, видимо, хватил через край: 1 марта 1800 года император его уволил от службы «за злоупотребления в лесных доходах». Рибас был выставлен в отставку в расцвете своей «деловой» энергии и затаил злобу на Павла.

А в это время судьба также круто обошлась с его врагом – Мордвиновым.

В 1799 году в Глубокой Пристани взорвался бомбовый погреб, погибло много моряков и солдат. Император усмотрел в этом преступную халатность главного командира Черноморского флота адмирала Мордвинова и 26 января уволил его от службы.

Но судьба и дальше играла де-Рибасом. 30 октября 1800 года император Павел I простил его и вновь пустил в морскую службу, назначив присутствовать в Адмиралтейств-коллегии в качестве помощника её вице-президента. Естественно, это назначение не обрадовало адмирала, ставшего теперь Дерибасом: ему оно уже не требовалось: на его пути встретились барон Пётр Пален и Ольга Жеребцова.

ГЛАВА V

ЗАГОВОР ОБРЕЧЁННЫХ

Прекрасная Ольга Жеребцова

Орлов знаменует собой лучезарное начало великого царствования, Потёмкин – блестящий расцвет, а Зубов – его омрачённый конец.

Казимир Валишевский.
«Вокруг трона».

Последним утешением стареющей Екатерины Великой был Платон Зубов, «царствовавший» при ней семь лет, вплоть до её смерти.

Братья Зубовы, а всего их было четверо, происходили из довольно известной дворянской фамилии. Отец, Александр Зубов, управлял одной из провинций и сумел там разбогатеть. Старший из братьев, Николай, был уже генерал-майором и женился на любимой дочери Александра Васильевича Суворова – «Суворочке», как её называл отец. Николай получил за неё от знаменитого, но скупого Суворова огромное состояние, которое тот отдал, поскольку очень любил свою миловидную, но, по отзывам, глупую дочь.

Второй брат, Платон, был тогда двадцатидвухлетним красавцем, служившим прапорщиком в гвардейском полку, который квартировал в Царском Селе. Швед Стединг, бывший тогда в Петербурге, в одном из писем так описал нового избранника императрицы: *«Молодой человек с великолепной фигурой, смуглый, хрупкий, небольшого роста, напоминающий красивого француза в жанре рыцаря Пюйсежюра»*.

Потёмкин сам, желая сохранить своё влияние на Екатерину, подобрал ей очередного фаворита и свёл их вместе.

Александр Безбородко в июле 1789 года написал графу Воронцову: *«Это ребенок с хорошими манерами, но с небольшим умом; я не думаю, что он долго продержится на своем месте»*. Но проницательный Безбородко на этот раз ошибся: шестидесятилетняя царица была настолько увлечена этим надменным и хищным красавцем, что он продержался у трона много лет, и только смерть Екатерины лишила его власти и богатства. В том же году Григорий Потёмкин получил восторженное письмо от Екатерины: *«Я снова вернулась к жизни, как муха, которая уснула от холода... Я снова весела и чувствую себя хорошо»*.

Вскоре этот «хрупкий молодой человек» с обворожительной внешностью и великолепными манерами настолько пленил царицу, что она отдала ему всю власть и осыпала несметными богатствами. Но этому честолюбцу было всё мало, и он хапал, где только мог, прославившись колоссальными взятками, которые он брал за содействие при решении какого-то дела. Чтобы вытеснить совсем влияние Потёмкина, Платон Зубов послал в его армию своего брата Валериана в качестве адъютанта князя, но и

верного доносчика. Последний любовник Екатерины отличался ещё и тем, что обогащался не только сам, но устраивал царские подарки и для всех своих родственников.

За небольшой период времени, с 1789 по 1796 годы, Платон Зубов стал графом и князем Священной Римской империи, кавалером орденов Чёрного Орла и Красного Орла. За семь лет Платон достиг той вершины, до которой Потёмкин поднимался

двадцать лет. В течение только двух лет Зубов получил от Екатерины 3500000 рублей серебром, что по тогдашним меркам было несметным богатством.

В августе 1795 года граф Ростопчин писал Семёну Воронцову: *«Граф Зубов здесь все. Ничьей воли, кроме его, не существует больше. Он пользуется большим влиянием, чем в свое время князь Потемкин. Он также беспечен и неспособен, как и раньше, хотя императрица и повторяет всем и каждому, что это величайший гений, которого в России когда-либо видели».*

А в тёмных углах дворца придворные шептались, что у императрицы «зубная боль, которая всё не проходит».

И вот внезапно всё рухнуло. Смерть императрицы и неожиданное восхождение на престол Павла Первого разрушили всю сказочную жизнь Платона Зубова и всей

Ольга Александровна
Жеребцова.

его многочисленной родни. И вот тут Платон вспомнил, каким унижениям он подвергал Павла Петровича при жизни Екатерины, и страх охватил его.

Припомнилось... Однажды цесаревич Павел, по настоянию матери, приехал к Зубову с визитом. Заносчивый и надменный Платон заставил царского сына ждать более часа в приёмной, а потом послал адъютанта сказать Павлу, что князь Платон занят и не может принять цесаревича. И когда Павел воссел на троне, Зубов в страхе за свою жизнь, выпросил у императора аудиенцию и валялся перед ним на коленях, вымаливая себе прощение. Но Павел тоже помнил всё...

Вскоре всех братьев лишили чинов и выслали за пределы Петербурга, а имена их были взяты в казну.

***

С самого начала царствования Павла Первого придворным и всей стране стало ясным, что он искоренит всё, созданное Екатериной, и будет следовать сомнительным делам своего отца – Петра Третьего. Среди придворных, особенно пострадавших от павловских репрессий, стал созревать заговор, который сформировался в 1799 году.

В конце этого года вице-канцлер граф Никита Панин-младший, ведавший иностранными делами, почувствовал, что постепенно его оттесняет от дел Фёдор Ростопчин. Панину было только двадцать восемь лет, и он жаждал деятельности. Вскоре Панин нашёл себе подходящего сообщника – адмирала Иосифа Дерибаса, который был смертельно обижен увольнением от службы и мечтал, как все люди его характера, тем более – испанцы, о мести.

Всех заговорщиков подбадривала и поощряла жена оберкамергера красавица Ольга Александровна Жеребцова, женщина около тридцати пяти лет, имевшая уже взрослых дочерей. Она была родной сестрой братьев Зубовых и имела такой же, как у них, характер. Ольга не могла примириться с тем, что их знаменитая и богатая при Екатерине семья оказалась в жалком положении.

Ольга Александровна, чтобы поправить своё положение, стала любовницей богатого англичанина Витворта, посланника при русском дворе, что было в духе восемнадцатого века. Она жаждала возвращения былой власти, славы и богатства её братьев и хотя бы приближения к подножию трона. Витворт, этот рафинированный английский аристократ, владевший на родине значительным состоянием, щедро снабжал любовницу большими деньгами «на мелкие расходы».

Заговорщики встречались у Ольги Жеребцовой, которая вдохновляла их не только своим обаянием и призывами, но и блеском золотых гиней, грудой сверкавших в ящике её комода. Ольга не раз бывала в Англии, жила там, и злые языки шептали, что оттуда она и привозит эти деньги. (Доподлинно было известно из перлюстрированного письма Витворта, что он тайно уплатил любовнице Павла I Нелидовой тридцать тысяч рублей за заключение выгодного торгового договора для англичан, так что слухи были не беспочвенными). Говорили даже, что эта красивая и изящная женщина была инициатором заговора и его финансовой поддержкой. Возможно, Ольга Жеребцова и обсуждала идею заговора со своим любовником Витвортом, но он, как истый англичанин, не проявлял себя и уехал в мае 1800 года на родину, предоставив своей наперс-

---

нице действовать самостоятельно. Говорили также, что из Англии Ольга привезла миллионы, для поддержки заговора и одаривания его участников, но красавица якобы одаривала их лишь словами, а золото приберегла для себя.

Первоначально заговорщиков было только трое: Ольга Жеребцова, граф Никита Панин и адмирал Иосиф Дерибас, но понимая, что этого состава недостаточно, они привлекли ещё очень нужное лицо – военного губернатора Петербурга барона Петра фон дер Палена.

Прибалтийский немец, гвардейский корнет Пален сделал блестящую карьеру при Екатерине. Но это был скрытный и ловкий царедворец – хитрый, вероломный и жестокий, прятавший эти качества под маской обольстительной внешности. Рассказывают, что Пален ухаживал за княгиней Анной Гагариной, любовницей императора Павла. Кто-то пытался встать у Палена на пути, и он вызвал этого дерзкого человека на дуэль. Павел узнал о дуэли случайно и был возмущён этим. Чтобы выручить Палена, его жена обратилась к царю, но он прогнал её, оскорбив эту смелую женщину. В августе 1800 года Пален был отстранён от должности петербургского военного губернатора.

В заговор был втянут и сын императора, наследник цесаревич Александр Павлович. Он не принимал явного участия в заговоре, но поддерживал его при условии только устранения деспотичного и неуравновешенного отца от власти, но не убийства.

Новым генерал-губернатором Петербурга вместо Палена назначили генерала Свечина. Надо было привлечь его на свою сторону, потому что без участия военного губернатора заговор был бы обречён. Граф Панин тайно поговорил со Свечиным о заговоре, но тот отказался.

Панин посетовал на неудачу Дерibasу, и адмирал сказал, что развяжет этот узел.

Дерibas явился на приём к Свечину и также предложил принять участие в заговоре, но и он получил отказ. Хитрый испанец тут же бросился Свечину на шею и воскликнул:

– Вы честнейший из людей! Оставайтесь всегда верным своему долгу.

Как это удалось Дерibasу, история не знает, но через несколько дней генерал был отрешён от должности, и военным губернатором снова стал Пален.

В ноябре 1800 года по ходатайству многочисленных знатных просителей, поддержанных Кутайсовым, Павел Первый объявил амнистию всем участникам екатерининского переворота. В Петербург вернулась вся «старая гвардия» Екатерины, в том числе и братья Зубовы. Говорили, что Ольге Жеребцовой это стоило двести тысяч червонцев, которыми она одарила Ивана Кутайсова.

Этот фаворит – турок, взятый в плен ещё ребёнком, – был известен всему двору как отъявленный бабник. Все знали его похождения во время заграничного путешествия. Он ездил по Германии вначале в сопровождении девушки, переодетой лакеем, потом пытался соблазнить графиню де Ларош-Эймон, затем задумал похитить принцессу Вильгельмину, а в России пытался отбить у великого князя Александра его любовницу Нарышкину. Зная эти наклонности Кутайсова, Ольга Александровна к богатому дару червонцами пообещала выдать за него свою дочь. И Кутайсов добился амнистии.

Вернулись в Петербург и три брата Зубовы. Старший Николай получил от императора звание обер-шталмайстера и мог беспрепятственно бывать в Михайловском замке.

Князь Платон стал начальником Первого, а граф Валериан – Второго кадетских корпусов. Но Павел не вернул им их земли и имения, поэтому братья Зубовы жили в долг, беря при посредничестве Ольги крупные займы у берлинского банкира француза Лео. В ожидании возврата своей собственности, который всё не наступал, они готовы были на всё, вплоть до убийства императора, и «точили зубы».

Вскоре заговорщикам удалось привлечь на свою сторону несколько высших офицеров гвардейских полков. Все ждали только нужного часа.

Хотя император и издал указ, ограничивающий роскошь придворных и дворянства, Ольга Жеребцова, не обращая на него внимания, устраивала у себя дома на Дворцовой набережной пышные приёмы и роскошные ужины с пикантными блюдами. После них красавица переодевалась нищенкой и отправлялась к Палену, где они обсуждали ход событий и плели далее сети заговора. Полиция не раз доносила о проделках Ольги Жеребцовой, но доклады филёров попадали в конце концов к Палену и там исчезали. А Ольга вовлекала всё новых сторонников, используя любые способы. Так ей удалось вовлечь в заговор кавалергардского полковника Бороздина: Павел Первый посадил его в крепость за то, что Николаем Бороздиным слегка увлеклась княгиня Анна Гагарина; Ольга Жеребцова предложила Николаю в жёны одну из своих дочерей и приобрела нового сообщника.

Осуществление заговора было назначено на 24 марта, но потом срок пришлось передвинуть на 11 марта – в этот день цесаревич Александр был назначен начальником главного караула в Михайловском замке, и весь замок будет у него «в кулаке».

Загадочная смерть Дерибаса

Авантюрист с разбойничьей душой.

Казимир Валишевский. «Павел I».

Адмирал Дерибас в последние месяцы 1800 года что-то захворал: то ли простуда в этом промозглом петербургском климате, то ли хандра в связи с крушением его карьеры, но что-то его надломило. А может быть, это был нервный срыв, связанный с заговором. Ещё бы, заговор достиг уже такого состояния, когда нельзя было медлить – его могли раскрыть, так как многих людей уже втянули в это дело.

При тайных встречах Дерибаса с Паленом Иосиф Михайлович торопил соучастника, предлагал ему использовать яд или кинжал, как это водилось и в Испании, и в Италии, но осторожный барон Пётр отклонил эти средства как недостойные вообще и неприменимые для Великого князя. При очередном разговоре Пален сказал Дерибасу:

– Иосиф Михайлович, все ваши предложения, простите, слишком одиозные. Мы же не в Италии. Великий князь поддержит нас только при условии ареста и устранения императора от власти, но не более.

– Да, я согласен, – ответил неугомонный испанец, – но после ареста императора его надо же отправить в крепость.

– Разумеется...

Дерибас хитровато усмехнулся и промолвил:

– Ну, вот и хорошо. Его надо переправить через Неву на лодке, а лодка может потечь и утонуть...

– Нет, – перебил его Пален, – ваше предложение никто не поддержит. Уж слишком оно ужасно.

... Иосиф Михайлович лежал на кровати. Ему становилось хуже. Иногда он впадал в полудрёму, и перед его туманящимся взглядом проплывали картины минувшего. Он сделал блестящую карьеру – он стал полным адмиралом, ещё не достигнув пятидесятилетнего возраста. Это ещё никому не удавалось в российском флоте. Но его взлёт был достигнут самоотверженной службой. Он храбро бился в Причерноморье с турками, участвуя в морских сражениях и в штурме крепостей. За его плечами Очаков, Гаджибей, Тульча, Исакча и Измаил! Мысль тут же перебросилась на Гаджибей, ставший Одессой.

Это он, Хосэ Рибас, основал первый на Чёрном море русский морской торговый порт и сражался, как лев, за его строительство, не боясь ни своего врага и начальника Мордвинова, ни самого императора Павла, где беря хитростью, где наглостью, а где лаской и угодничеством. Но он добился своего – Одесса снова возрождается.

Иосиф Михайлович в проблесках уходящего сознания вспомнил, как ловко ему удалось спасти умирающую Одессу.

9 января этого года Одесский магистрат принял решение послать петицию императору. В ней было написано, что *«со временем может прекратиться и распространяющаяся здесь торговля»*. Магистрат просил *«от казны Его Императорского Величества в заимобраз на 25 лет, 250000 рублей и отпуска изготовленных уже на постройку той гавани... казенных материалов»*.

Дерибас, находясь в Петербурге, через свои связи в правительстве поддержал эту просьбу, а одесситам посоветовал остроумный ход: магистрат от имени жителей Одессы *«во изъявление охраняемого в неусыпной памяти ко всему двору Его Императорского Величества усердия»* отослал Высочайшему двору *«апельсиновых фруктов самого лучшего сорта три тысячи»*.

Обрадованный этим даром, император, который, как и все придворные, любил экзотические померанцы, милостиво поблагодарил за присланные *«от жителей Одессы померанцы, видя в присылке сей знаки... всех их усердия»*. Вскоре через князя Гагарина Павел Первый объявил, что ходатайство Одесского магистрата удовлетворено. Одесса была спасена...

... Узнав о тяжёлой болезни Дерибаса, Пален немедленно приехал к нему и был неотлучно у постели больного. Иосиф Михайлович стал всё чаще терять сознание, а потом начался бред; в несвязном шёпоте и восклицаниях стали звучать имена заговорщиков, что сильно испугало барона.

2 декабря 1800 года Иосиф Дерибас скончался на руках у Палена, не дожив несколько дней до свержения ненавистного Павла Петровича. Дерибаса схоронили на Смоленском лютеранском кладбище Петербурга.

Среди придворных ходили слухи, что адмирала отравил сам Пален, боясь, что в бреду Дерибас нечаянно выдаст заговор и его участников.

А другие говорили, что Дерибаса отравил его личный врач, поляк-иезуит, за то, что Иосиф Михайлович способствовал похищению «принцессы Елизаветы». После смерти Дерибаса врач этот, якобы, сбежал, а отравил он адмирала чашечкой утреннего кофе. Но так ли оно было – никто не знает.

Узник Михайловского замка

*Всё трепещи, тиран! За зло и
вероломство*

*Тебе свой приговор произнесёт
потомство!*

Кондратий Рылеев. «К временщику».

Отстранённый Екатериной от участия в государственных делах и лишённый материнской любви, Павел Петрович жил вдали от двора – то в Павловске, то в Гатчине, то в Ораниенбауме. Особенно он любил Гатчину и унаследованный от отца Петерштадт в Ораниенбауме, где с усердием муштровал свою личную гвардию, созданную на манер голштинско-прусской армии.

Со временем обида переросла в ненависть: он возненавидел Екатерину, всех её приближённых, все её деяния и даже собственных детей. Особенно он невзлюбил старшего сына Александра, которого пестовала бабка, готовя его к престолу. Павел знал, что его хотят отстранить от наследия трона в пользу сына, и это ещё больше ожесточило его сердце. Постепенно в душу стало закрадываться страшное предположение: его могут и хотят убить. Им овладели постоянная тревога и страх. Поэтому, став неожиданно императором, Павел Первый сразу же начал обдумывать, как бы ему защитить себя и свою супругу Марию Фёдоровну от возможных покушений, и он решил построить дворец-замок, предусмотрев там место и для любовницы Анны Лопухиной, которая стала княгиней Гагариной.

В то время напротив Летнего сада, через Мойку, между Фонтанкой и Большой Садовой улицами ещё сохранился запущенный сад, именовавшийся «Третьим садом», а в нём – старый деревянный Летний дворец императрицы Елизаветы. Этот дворец охранялся небольшим караулом. Однажды солдату, стоявшему на часах, то ли от усталости, то ли по другой причине, может заснул, но ему привиделось, что пред ним предстал во всём сиянии архангел Михаил, который велел солдату идти к императору и сказать ему, чтобы он построил храм на этом месте.

Когда императору доложили о видении солдата, он ответил:

– Мне уже известно желание архангела Михаила; воля его будет исполнена.

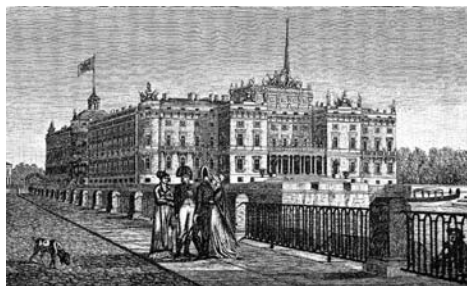
Вслед за этим появился указ императора о постройке в «Третьем саду» дворца, названного «Михайловским замком», а при нём – церкви во имя архистратига Михаила.

По желанию императора архитектор Баженов спроектировал новый дворец в виде французского замка – нечто, похожее на замок, но изукрашенное, как дворец. Вскоре что-то не сложилось в отношениях архитектора с Павлом Петровичем, поэтому Михайловский замок строил архитектор Бренна.

Строили быстро, Павел торопил, он боялся. Не хватало материалов, поэтому на постройку шли камни, гранит и мрамор со всех новостроек, даже со строительства Исаакиевского собора; разбирали старые дворцы в Пелле и в других местах. Из-за этого начатый в граните и мраморе Исаакий пришлось достраивать из кирпича, что вызвало много насмешек, а известный тогда шутник Александр Копьёв разразился эпитафией:

---

*Се памятник двух царств,
Обоим столь приличный:
Основа его мраморна,
А верх – кирпичный.*

Вид Михайловского замка со стороны
Летнего Сада.

Грав. Петерсона, 1801 г.

Император, узнав об этом стихше, тут же повелел забрать Копьёва в солдаты. Михайловский замок строился с 1796 года и был готов 8 ноября 1800 года. Чтобы обезопасить себя, Павел велел окружить замок со всех сторон водою. С двух боков были естественные речки – Фонтанка и Мойка, а с главного входа и по Большой Садовой вырыли глубокие рвы с подъёмными мостами. Весь замок окружили высокой каменной стеной. Попастъ в него можно было только днём, и то – по личному приглашению императора, а ночью мосты поднимались и усиливалась охрана.

Тревожась и трепеща ежедневно, царь не мог дождаться окончания постройки и просушки дворца. Он въехал в сырое, мрачное здание, которое по формам, действительно, напоминало замок, но оказалось, по существу, тюрьмой для самого императора и для его жены.

Когда архитектор Бренна пришёл к Павлу Первому, чтобы выяснить, в какой цвет покрасить наружные стены замка, император ещё нежился в постели. Дождавшись в приёмной, Бренна спросил появившегося в халате царя:

– Ваше Величество, дозволейте спросить: в какой колер окрасить стены дворца?

Император, задумавшись, помолчал, потом взгляд его упал на маленький столик, на котором лежали дамские перчатки нежно-розового цвета.

– Окрасьте в цвет перчаток этой дамы, – указал рукой на столик Павел Петрович и удалился.

В спальне у него в это время находилась его любовница – княгиня Гагарина.

***

Бренна так и сделал, как велел император, и замок засветился нежным розовым цветом. Вскоре его украсили изнутри картинами, мебелью и утварью, свезёнными из других заброшенных дворцов, а снаружи – прекрасными мраморными скульптурами по парапету вдоль крыши.

Был полностью разорён Таврический дворец смертельного врага Павла – князя Потёмкина.

Жизнь во дворце стала налаживаться, но она не оказалась столь розовой, как цвет дворцовых стен.

Замуровавшись в стенах замка-дворца, император издавал иногда указы один другого нелепей, вмешиваясь во всё. Он не только ввёл обязательную форму для чиновников, но и диктовал, какую одежду носить всем подданным – от вельмож до крестьян. Он издал закон против роскоши, и хотя его новый дворец и был украшен богато, но не роскошно. Император даже издал предписание о числе и составе блюд по сословиям и чинам. Дело доходило до курьёзов.

Однажды где-то случайно ему попался на глаза гусарский майор Кульнев, которому по регламенту был положен обед из трёх блюд.

– Господин майор, сколько у вас за обедом подают кушаньев? – строго спросил царь.

– Три, Ваше Императорское Величество.

– А позвольте узнать, господин майор, какие?

– Курица плашмя, курица ребром и курица боком, – бодро ответил находчивый майор, чем вызвал одобрителный хохот у Павла.

Но вскоре Павел узнал каким-то образом о том, что против него готовится заговор. Это его встревожило не на шутку. И вот однажды всё подтвердилось. 9 марта 1800 года, как обычно, в семь утра Пален явился для доклада к императору. Павел был озабочен, и это насторожило Палена. Закрыв за бароном дверь своего кабинета, Павел Петрович спросил неожиданно:

– Вы были здесь в 1762 году?

– Да, государь, но что хотите этим сказать, Ваше Величество? – ответил вопросом Пален на непонятный вопрос императора.

– Вы принимали участие в заговоре, лишившем престола моего отца? – разъярил Павел Петрович.

– Государь, я был свидетелем, но не действующим лицом в этом перевороте. Я был слишком молод и простой унтер-офицер в одном из кавалерийских полков. Но почему вы мне предлагаете подобный вопрос, государь?

– Потому что... – император запнулся на мгновение, а потом продолжил, – потому что хотят повторить то, что было сделано тогда.

Пален вздрогнул, холодок пробежал по спине, но, быстро придя в себя, ответил спокойным голосом:

– Да, я знаю, государь. Я знаю заговорщиков, и я сам из их числа.

Павел опешил:

– Что вы говорите?
– Сушью правду.
И хитрый барон Пётр фон дер Пален решил окончательно отвести удар от заговорщиков и успокоить царя. Он сказал Павлу, что вошёл в сговор, чтобы изнутри выяснять всё и держать в руках нити заговора. Потом он начал расхваливать императора и его дела и сделал резкий, но верный шаг, переводя внимание на императрицу Марию Фёдоровну как на возможную претендентку на престол.

– Каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает умом и гениальностью вашей матери. Да и её детям уже за двадцать лет, а в 1762 году вам было только семь...

– Всё это верно, – перебил Палена император, – но дремать нельзя!

– Конечно, государь. Но, чтобы не рисковать, мне нужно иметь полномочия настолько широкие, какие я даже не смею у вас просить. Вот список заговорщиков, – Пален стал доставать из портфеля какую-то бумагу.

– Сейчас же сослать их всех! – разъярился царь. – Заковать в цепи! Посадить в крепость, сослать в Сибирь, на каторгу...

Моды в России в 1779 г.

Из журнала "Модное ежемесячное сочинение".

И чтобы окончательно добить изумлённого и взбешённого Павла Петровича, Пален сказал ему:

– Всё это было бы уже сделано, если бы... – барон сделал паузу, как бы не решаясь говорить дальше, а потом всё же продолжил, – Я боюсь нанести удар вашему сердцу супруга и отца...

Пален снова замолчал, но через мгновение ошарашил царя:

– Извольте прочесть имена: тут ваша супруга и ваши оба сына стоят во главе!

В ярости Павел тут же подписал заготовленный заранее Паленом указ об аресте императрицы и двух старших сыновей. Но барон Пётр и не думал исполнять указ. Он ему нужен был для шантажа наследника Александра.

Удар золотой табакерки

*Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.*

Гавриил Державин.
«Властителям и судьям».

Наступил этот долгожданный для заговорщиков день – 10 марта, воскресенье.

Павел Петрович устроил приём в Михайловском замке, с концертом и ужином. Помимо императорской семьи, за столом присутствовали барон Пален, принц Вюртембергский, придворная подруга императрицы графиня Ливен и другие, очень близкие люди. Пела известная в Европе госпожа Шевалье, но мало кто прислушивался к её чарующему голосу: за столом царило какое-то напряжение и беспокойство. В перерыве внезапно государь подошёл к стоявшей у двери Марии Фёдоровне и постоял какое-то время, уставившись молча на неё. Эта же сцена повторилась и перед двумя старшими великими князьями.

На следующий день Павел, как всегда, на площади перед замком провёл утром развод караула, на котором, как заметили многие, отсутствовали старшие сыновья; видимо, намёк Палена начинал действовать на императора...

Вечером за ужином стол был накрыт на девятнадцать приборов. За столом сидели те же лица, что и накануне, но, не в пример прошлому ужину, государь был весел и

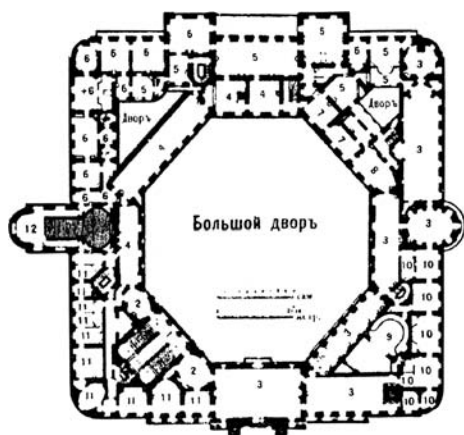

разговорчив. Никто не ожидал и не понимал его весёлости, но, возможно, Павел рассчитывал, что Пален уже выполнил его приказ и арестовал главных заговорщиков.

Стол впервые был уставлен новым фарфоровым сервизом с видами Михайловского замка, который изготовили по заказу царя. Павел Петрович был весьма обрадован этому и, как ребёнок, целовал тарелки, проявляя искреннее счастье. Около десяти вечера император отправился к себе, но, встав из-за стола, вдруг задумчиво произнёс:

– Чему быть, тому не миновать.

Павел был суеверным и верил в судьбу.

План бельэтажа Михайловского замка.

Рис. архит. Бренна.

Проходя к себе в кабинет через караульную комнату, он внезапно приказал всему караулу отправляться в казармы, считая, что все они заговорщики. У входа в спальню остались только двое лакеев в гусарской форме. Потом из кабинета государь пошёл в спальню княгини Гагариной, где написал пару писем.

Последнее в своей жизни письмо Павел написал военному министру Ливену, который с недавних пор прибаливал. Решив его сместить и передать Военное министерство мужу своей любовницы, княгини Гагариной, лежавшей тут же на постели, он коротко написал:

«Ваше нездоровье продолжается слишком долго, и так как дела не могут прийти в порядок от ваших мушек, то вы должны передать портфель военного министра князю Гагарину».

А в это время заговорщики, собравшись на квартире командира одного из полков генерала Талызина, пили и подогревали себя, готовясь к ночному походу в Михайловский замок.

Император Павел I.

***

Разгорячённое выпивкой и жаждущее мести собрание бывших придворных, сановников, генералов и офицеров ждало прихода Палена, бурно обсуждая, как они расправятся с Павлом, унижат его и вымещут на нём накопившуюся злобу и ненависть. Наконец пришёл барон Пётр, который уговорил всех, сказав, что пора выступать. Некоторые, не жаждавшие смерти императора, стали колебаться и задавать Палену вопросы: «А что, если государь будет сопротивляться, поднимет крик о помощи?» Пален велел налить себе стакан вина и сказал:

– Надо мириться с необходимыми жертвами. Лес рубят – щепки летят. Давайте выпьем за здоровье нового императора! – Он опрокинул бокал, быстро проглотив напиток, и сразу приказал:

– Всё, пора выступать!

Тронулись около часа ночи. Было дождливо, холодно, иногда дул пронизывающий ветер, бросавший в лицо мокрый снег... Горланя и крича, толпа заговорщиков двинулась от Зимнего дворца, где был дом Талызина, по Миллионной улице – самому краткому пути к Михайловскому замку. Пересекли Марсово поле, покрытое мокрым снегом и лужами, и, дойдя до Большой Садовой, перешли к воротам церковного фасада замка. Мост немедленно опустился. Самые горячие заговорщики бросились ко входу в дворцовую церковь – отсюда был кратчайший путь к спальне императора – и ринулись вверх по винтовой лестнице.

Топот, крики и ругательства разбудили и всполошили двух лакеев, бывших в караульной комнате. Они подняли крик, но тут же один из них пал, сражённый саблей, а другой, раненый, убежал. В толпе, возглавляемой Паленом, особо выделялись две фигуры. Это были братья Зубовы – гигант Николай возвышался над всеми, а потерявший в польскую кампанию ногу Валериан ковылял, стуча деревяшкой.

***

Павел проснулся от шума и криков. Он сразу же понял, что происходит, оглянулся, пытаясь где-то спрятаться, но нигде не нашёл подходящего места. Взгляд упал на камин. Павел быстро сообразил и залез в топку, прикрывшись экраном.

Ошарашенные отсутствием императора, заговорщики оторопели, и один из них крикнул:

– Птичка улетела!

Но вдруг кто-то увидел босые ноги императора, которые ему некуда было убрать, и они слегка выглядывали из-под экрана. Сразу же отбросили экран и вытолкали перепуганного царя. Дрожащим голосом он спросил, в чём дело и на каком основании эта толпа ворвалась во дворец.

– Вы арестованы!

– Арестован? Что значит «арестован»?

Платон Зубов потребовал подписать отречение, но Павел отказался. Тогда его стали толкать к столу, на котором уже лежал подготовленный акт отречения и горела зажжённая кем-то свеча. Но император продолжал упорствовать. В это время до слуха второго караула, находившегося на первом этаже, долетели крики нетерпеливых заговорщиков, находившихся в соседних комнатах. Караул был поднят в ружьё, но уже опоздал. Все подходы к спальне императора заняли заговорщики, а двери оказались заставленными шкапами и другой мебелью.

В суете и свалке с упирающимся императором кто-то случайно опрокинул свечу, и она упала, погаснув. Остался только тусклый свет лампадки, горевшей под иконой. Началась новая свалка. Павел пытался вырваться, но вдруг его сразил удар в висок – это великан Николай Зубов решил ускорить отречение и ударил Павла углом тяжёлой золотой табакерки. Павел упал, крича о помощи и моля о милости и прощении, но озверевшие заговорщики били его ногами, а потом накинули на шею офицерский шарф и задушили государя.

Обезумевшая от жажды мести толпа затоптала уже мёртвого Павла.

***

Александр Павлович сидел в одной из комнат в отведённых ему апартаментах. До него доносились крики разбушевавшейся толпы и вопли императора. Он не знал, что там происходит, но верил, что дело не дойдёт до убийства, как ему и обещали заговорщики. Когда Пален вошёл в комнату Великого князя и сообщил ему о случившейся трагедии, Александр начал биться в истерике, а потом плакать. Елизавета Алексеевна, его супруга, стала утешать нового императора.

... Они сидели обнявшись и что-то говорили друг другу, но требовательный голос Палена прервал эту семейную драму:

– Перестаньте ребячиться! Идите царствовать, Ваше Величество!

После всего случившегося графиня Ливен поспешила в покои императрицы и сообщила ей о трагедии. Мария Фёдоровна, как была в ночном одеянии, так и побежала в спальню Павла. Но её не пустили. Кто-то накинул на плечи императрицы шубу, чтобы прикрыть её неглиже. Через какое-то время она пришла в себя и вдруг подумала, что может стать новой Екатериной, заняв трон убиенного мужа. До утра Мария Фёдоровна бродила по замку, требуя от всех признать её новой правящей императрицей:

– Если нет более императора, то я ваша императрица! Одна я имею титул законной государыни! Защищайте меня!
– Обращалась она к гвардейцам. – Следуйте за мной!

Но никто её уже не слушал. Одни в замке поздравляли друг друга с успехом и на радостях пили из императорских запасов, другие, призвав врачей и гримёров, приводили мёртвого Павла в божеский вид, а третьи – срочно сочи-

---

няли манифест о смерти императора и появлении на троне нового царя.

Свергнутый Александром отец-император Павел прожил в Михайловском замке всего сорок дней, как ему нагадала цыганка.

Наутро Петербург узнал, что на престол взошёл император Александр Павлович.

Так закончился последний дворцовый переворот в России.

Эпилог

Бежит невозвратное время...

Вергилий. «Георгики».

Каждому человеку судьбу создают его нравы.

Корнелий Непот.

«Жизнеописание Аттика».

Последним царевубийством и последним дворцовым переворотом завершился восемнадцатый век в России. Прошло время, отгремели войны и отшумели страсти вокруг царского трона.

Что же случилось далее с героями книги и их потомками?

Основатель американского флота, знаменитый корсар и русский контр-адмирал Пол Джонс пролежал забытым более пятидесяти лет в своей безвестной могиле. Только в 1851 году Конгресс Соединённых Штатов вспомнил о своём знаменитом моряке и направил во Францию ко-

Граф Иван Павлович
Кутайсов.

рабль «Америка», чтобы привезти прах своего национального героя, но его так и не смогли найти – никто уже не знал, где похоронен Джонс. Поэтому, с каким прахом «Америка» вернулась на родину – неизвестно. Но в 1912 году, в день столетия со дня смерти знаменитого американца в церкви в Бостоне был открыт великолепный надгробный памятник, где в серебряном саркофаге покоится, якобы, прах мятежного и неугомонного корсара, а над ним склонились национальные флаги,

и кадеты морского училища молча охраняют его покой.

Как мы помним, Пол Джонс так и не успел жениться, поэтому не оставил законных потомков, а скольких незаконных детей было разбросано по Европе и Америке, никто не знает.

После смерти Пол Джонс стал героем нескольких морских приключенческих романов и поэм: «Лоцман» Фенимора Купера, «Капитан Поль» Александра Дюма-отца, «Израиль Поттер» Германа Мелвилла и т.д.

Мелвилл увидел в образе Пола Джонса не только провозвестника кровавой французской революции, но и будущую Америку: ...*«бесстрашная, беспринципная, отчаянная, полная безграничного честолюбия, внешне цивилизованная, но хищная в душе – Америка сделалась или сделается ещё Полем Джонсом среди наций мира».*

И сейчас мы видим, что Герман Мелвилл оказался пророком.

Адмирал Иосиф Дерибас также не оставил прямых потомков по мужской линии, поэтому его род пресёкся. Остались лишь потомки его племянника Эммануила, один из которых после революции занимал высокий пост в ВЧК и был правой рукой «Железного Феликса» – Дзержинского.

В 1785 году в Москве в Ивановском монастыре появилась таинственная затворница под именем инокини Досифеи. Поговаривали, что это – та самая таинственная самозванка, которую захватил Алексей Орлов; что она, якобы, не умерла, а добилась встречи с Екатериной. Царица, отчитав её, отправила в монастырь. А другие говорили, что то настоящая дочь Елизаветы и Алексея Разумовского. Но то всё – разговоры, а кем она была на самом деле, так никто никогда и не узнал. Когда же инокиня умерла, то на её похоронах присутствовали Разумовские и много знатных вельмож, и схоронили её в Ново-Спасском монастыре в родовой усыпальнице бояр Романовых.

Сын самозванки Елизаветы и графа Орлова Александр Чесменский воспитывался у отца. При проезде Екатерины из Москвы в Петербург она пожаловала тринадцатилетнего Александра в гвардию. Александр Алексеевич служил в кавалерии, считался лучшим наездником в России, умер в молодом возрасте, будучи в чине полковника, от чахотки, возможно, унаследованной от матери.

Императрица
Мария Федоровна.

**Императрица
Елизавета Алексеевна,
жена Александра I.**

Портр. Я. Орта.

Сама «Елизавета Волдомирская» вошла в историю под именем «княжны Таракановой» и стала героиней многих романов и повестей, в том числе и книги автора «Кто вы, княжна Тараканова?»

Красавица Ольга Жеребцова после восхождения на престол Александра Первого и опалы всех участников заговора уехала в Англию к своему любовнику Витворту. На одном из великосветских раутов её представили принцу Уэльскому. Не потерявшая ещё своей красоты Ольга Александровна сумела увлечь принца. В результате этой короткой любви Ольга Жеребцова вернулась в Россию с сыном, которому она дала впоследствии фамилию Норд, что по-русски означает «Север» – по традиции наших дворян фамилии незаконнорожденных должны были напоминать как-то об их отцах. Богатство Ольги Александровны, получавшей, возможно, немалые деньги из Англии, позволило ей купить прекрасное поместье Демидовых. Принц Уэльский, став королём Георгом IV, добился у парламента выплаты ей двух миллионов рублей за услуги Англии. Её сын стал родоначальником русских потомков английской королевской фамилии, дошедших, по-видимому, и до нашего времени. Умерла Ольга Жеребцова в 1849 году.

***

Императрица Екатерина Великая, эта сладострастная старая женщина, умерла от потуг, сидя на унитазах, сделанном из трона польского короля Понятовского – одного из ранних её любовников. Сердце царицы не выдержало огромных любовных страстей, стрессов от закулисных интриг и непрерывных войн.

Император Александр I.

Судьба Григория Орлова, отвергнутого Екатериной, была печальной. В 1777 году этот сорокаторрёхлетний развратник, любитель выпить и побуйнить, влюбился в совсем молодую красавицу Екатерину Зиновьеву. Она была двоюродной сестрой князя, и церковь запретила им пожениться. Но Екатерина Великая отменила решение Сената и разрешила влюблённым обвенчаться. Невеста была моложе Орлова на двадцать пять лет.

После этого счастливый Григорий Орлов повёз свою молодую жену за границу, но там вскоре у него начались припадки сумасшествия. Вернувшись в Россию, он совсем потерял рассудок. Кроме общего с Екатериной Второй сына – графа Бобринского, он более не имел детей, и его княжеский род пресёкся.

Так же драматична была и судьба Алексея Орлова – «Алехана», как его именовали его друзья-собутельники. Отправленный Екатериной в свои имения, он от обиды и безделья пил и куражился. Но с приходом к власти Павел вызвал Орлова в Петербург. Алексей надеялся, что император простил его и назначит на какую-либо высо-

---

кую должность. Но его ждало жестокое разочарование: Павел не забыл ничего и приготовил иезуитскую месть. По требованию императора останки его отца извлекли из могилы в Александро-Невской лавре, и Орлов вместе с другими оставшимися в живых заговорщиками в течение двух дней стояли в карауле у гроба, вдыхая запах тления того, кого они убили.

Но на этом не закончилась месть Павла. Он распорядился перезахоронить Петра Третьего в Петропавловской крепости, где была усыпальница императоров и императриц.

В страшную стужу, зимой, похоронная процессия медленно движется по Невскому проспекту, а за катафалком с гробом Петра Третьего бредут, как осуждённые на казнь, бывшие фавориты Екатерины. Впереди всех с непокрытой поникшей головой идёт Алексей Орлов, неся все семь вёрст на подушке корону убитого им императора.

Когда Орлов вернулся домой, чудом не заболев, его ждал приказ отправиться на жительство в имение. С трудом он смог получить разрешение уехать за границу. Он жил в Германии в богатых поместьях и только после смерти Павла, в 1801 году, вернулся в Москву, где и умер в 1808 году.

Алексей Орлов оставил огромное наследство своей единственной дочери, которая умерла незамужней. Но, хотя род его и вымер, однако Орлов, занимаясь коневодством, вывел знаменитую «орловскую» породу лошадей, чем и оставил по себе добрую память. Судьба его внебрачного сына от Екатерины Второй неизвестна.

Так закончила жизнь «известная парочка братьев» («Parvumobile fratrum» – Гораций, «Сатиры»).

Григорий Потёмкин до последней минуты своей жизни оставался влюблённым в Екатерину Великую, так вероломно променявшую князя на красавчика Платона Зубова. Так и не женившись, Григорий Александрович имел множество любовниц, включая всех трёх его племянниц, сестёр Энгельгардт – Александру, Варвару и Надежду. На руках сопровождавшей его на юге Александры Браницкой он и умер.

Граф Петр Алексеевич Пален.

У Григория Потёмкина была внебрачная дочь от Екатерины – Елизавета Григорьевна, получившая укороченную фамилию отца – Тёмкина. Она вышла замуж за вице-губернатора Херсонской губернии И.Х.Калагеоргия. Князь оставил после смерти огромное состояние, которое, однако, было конфисковано по наговорам его врагов.

***

Не остались «без внимания» императора Александра и главные заговорщики, преподнёсшие ему трон в декабре 1800 года: братья Зубовы, Пален, Панин и другие. 3 октября 1801 года Панин, рассчитывавший получить высший пост при дворе нового императора, получил повеление отправиться за границу, где и путешествовать три года. Лицемерный Александр, подстрекаемый Марией Фёдоровной, решил убрать подальше от глаз людей, которые будут своим присутствием напоминать о его отцеубийстве. «Государь приводит в уныние своих истинных друзей», – сказал по этому поводу Платон Зубов.

**Генерал Николай
Александрович Зубов.**
*Портр. А. Ритца,
сер. 1790-х годов.*

Больше всего в расправе над заговорщиками постаралась Мария Фёдоровна.

По наущению Марии Фёдоровны 12 июня 1801 года Александр предложил Палену «совершить инспекционную поездку в Курляндию». Пален понял намёк и уехал по указанному направлению, чтобы потом прожить, не покидая своего курляндского имения, вплоть до смерти в 1826 году, пережив на несколько недель своего «обидчика» – царя Александра.

Граф Николай Зубов, нанёсший Павлу удар золотой табакеркой, прожил после этого всего семь месяцев; его пережил Валериан, он умер через два года и четыре месяца после покушения на Павла.

**Екатерина Ивановна
Нелидова.**
Портр. Д. Левицкого, 1773 г.

Платон Зубов, как рассказывали придворные, узнав о смерти Екатерины, упал в обморок от ужаса ожидавшей его судьбы. Павел, при всей ненависти к последнему фавориту, подал ему стакан воды и потом брызгал в лицо, чтобы привести его в чувство. Фаворит оплатил императору, участвуя в его убийстве. Хотя после этого Платон и играл какую-то роль при дворе Александра, но Мария Фёдоровна добилась от сына удаления убийцы её мужа в провинцию – с глаз долой.

Сама Мария Фёдоровна прожила ещё долго, ведя «праведную» жизнь, и пережила на три года сына – Александра Благословенного. Она управляла школами, гимназиями и училищами, получившими название в её честь – «Мариинские». Императрица умерла в 1828 году, и вскоре первый же построенный в Николаеве корабль был назван в её честь – «Императрица Мария». Удостоился такой высокой чести и её несчастный муж: в конце девятнадцатого века русский броненосец получил название «Император Павел Первый».

Анна Петровна
Лопухина
(княгиня Гагарина).

Император Александр, выдержавший наполеоновское нашествие и торжественно въехавший во главе русских войск в Париж, получил титул «Благословенный». Он внезапно умер в Таганроге, но, как гласит молва, это была фиктивная смерть: не выдержав угрызений совести за отцеубийство, он, якобы, тайком уехал в Сибирь и жил до самой смерти в глухом таёжном ските монахом-отшельником.

***

У Самуила Грейга было пятеро детей. Старший сын Алексей – крестник Екатерины Великой и графа Алексея Орлова-Чесменского, пошёл по стопам отца. Зачатый в море, он не мог не стать моряком. Алексей Грейг воевал на многих морях, прошёл, как и его отец, из Кронштадта в Архипелаг, сражался там с турками, участвовал в зна-

**Сара Александровна
Грейг (Кук).**
Литография с портрета.

менитых морских сражениях – при Афоне и при Дарданеллах, а потом командовал Черноморским флотом. Провёл с успехом морские кампании в русско-турецкую войну 1828-1829 годов, взял штурмом с моря крепости Анапа, Варна и другие. Как и отец, был избран почётным академиком Петербургской академии наук и членом многих русских и зарубежных учёных обществ. В конце жизни возглавил строительство Пулковской обсерватории и стал членом Государственного совета и кавалером всех русских орденов, включая и Святого Андрея Первозванного.

Память Самуила и Алексея Грейгов была омрачена во второй половине девятнадцатого века нападками славянофилов, но правда восторжествовала, и в честь Самуила были названы два корабля – «Адмирал Грейг». Автор этой книги создал духовные памятники обоим адмиралам, написав о них единственные в России и СССР научные биографии, выпущенные Академией наук СССР.

Отставленный Павлом Первым от службы адмирал Мордвинов стал впоследствии известным российским экономистом. Он создал Вольное экономическое общество и оставался его председателем до последних своих дней. Им также создано Общество испытателей природы. Его сын Александр был успешным художником-пейзажистом.

Враг Пола Джонса принц Нассау-Зиген после перевода на Балтику участвовал в войне со шведами, командуя гробным флотом. При Роченсальме он одержал победу

над шведами, но во втором Роченсальмском сражении потерпел сокрушительное поражение, потеряв почти все суда. Опозоренный, принц Карл вынужден был покинуть Россию.

Печальна и судьба любимейшего и сладчайшего Сашеньки – графа Дмитриева-Мамонова. Злобная Екатерина не ограничилась высылкой молодожёнов в Москву. Вскоре по приезду, во время прогулки, они были схвачены по приказу царицы и препровождены в дом. Там на глазах у привязанного к стулу графа дюжина солдат надругалась над его молодой женой, а потом её жестоко выпороли розгами, превратив спину молоденькой женщины в кровавое месиво. Так расправилась просвещённая императрица с юным любовником, осмелившимся её бросить.

Злосчастный капитан Тиздель, командир «Марии Магдалины», выпущенный из стамбульской тюрьмы после окончания войны, отправился к Потёмкину, чтобы объяснить ему причину пленения корабля. Но его опередил Перелешин, который успел добиться встречи с князем раньше и оклеветал англичанина. Потёмкин не поверил Тизделю. Капитан стал «искать правду» у адмирала Фёдора Ушакова, но тот лишь выразил своё полное непочтение, играя на флейте, когда Тиздель ему докладывал о происшествии. Лишь Николай Мордвинов отнёсся к англичанину с пониманием. Морской военный суд полностью оправдал Тизделя, вернув его снова на Черноморский флот, куда потом при-

Инокния Досифея.

С портр. в Ново-Спасском монастыре.

шёл служить и его сын. Вместо захваченного турками разбитого штормом корабля в Херсоне была построена новая «Мария Магдалина», именовавшаяся в официальных списках «второй». А Иван Перелешин сделал потом удачную карьеру и дослужился до адмиральских чинов. Воспоминания Тизделя были впоследствии опубликованы в журнале «Морской сборник».

«Сопливец Дама», как назвал его Суворов, после окончания войны с турками храбро воевал в Финляндии со шведами. Написал интересные воспоминания об этих войнах. Умер в 1823 году, в пятьдесят восемь лет.

Джулиано Ломбард после побега из плена служил в той же Лиманской гребной флотилии, но ею уже командовал Осип Рибас. В 1790 году он получил свой орден Святого Георгия, которым был награждён до пленения. Вместе с Рибасом участвовал в штурме Измаила, помогая Суворову со стороны Дуная. Ломбард погиб в 1792 году в одном из сражений на Дунае. Ему было около двадцати четырёх лет.

В год столетия подвига Сакена мыс, у которого он взорвал своё судно, был переименован в «мыс Сакена», и под этим названием он фигурирует на всех морских картах. Так увековечен подвиг героя.

***

А в начале июля 2006 года на аукционе, кажется, Собтис была выставлена на продажу золотая табакерка с монограммой Николая Зубова. У неё был смят угол.

Он был смят от удара табакерки о висок Павла Петровича.

Николаев, 2006 г.

КАМЕРГЕР И КОНЧИТА

---

*Послесловие к рок-опере
«Юнона» и «Авось»*

Историческая новелла

ОТ АВТОРА

*Судьба книги зависит от
читательского восприятия.*

Теренциан Мавр.

Ещё несколько лет назад по радио и телевизору звучал проникновенный дуэт о вечной любви: «Я тебя никогда не увижу. Я тебя никогда не забуду». И хотя большинство людей не видели эту рок-оперу Алексея Рыбникова на стихи Андрея Вознесенского, но все сопереживали с главными героями – русским дипломатом Николаем Резановым и дочерью губернатора Испанской Калифорнии Кончитой, которых навеки разлучила злая судьба. И мало кто задумывался над тем, почему эта рок-опера носит название «Юнона» и «Авось»? А это, оказывается, название двух судов, на которых Резанов обследовал Русскую Америку и совершил плавание в Испанскую Калифорнию, где и встретил Кончиту. И командовали «Юноной» и «Авось» два лихих молодых моряка – Николай Хвостов и Гавриил Давыдов, судьбы которых были столь же драматичны, даже трагичны, как и у Резанова, но они, почему-то, остались за кадром этого знаменитого мюзикла, прославленного Николаем Караченцовым.

Хотя жизни Хвостова и Давыдова были очень короткими, но они тесно переплелись с жизнью Резанова, и оба моряка сумели также оставить свой небольшой след в истории России и Российского флота.

Вот об их жизнях и хитросплетениях судеб и пойдёт речь в моей повести, в которой, возможно, несколько по-

---

тускнеют образы оперных героев Резанова и Кончиты, но вспыхнут своим неярким, возможно, светом облики двух храбрых, но бесшабашных моряков, живших по принципу русского «авось», и жизнь которых оборвалась так внезапно и нелепо.

***

В основу повести положены архивные материалы, печатные исторические источники, работы русских историков и мемориальная литература (письма, дневники и воспоминания). Среди них: послужные списки Хвостова и Давыдова, исследование их жизни русским морским историком Александром Соколовым, архивные поиски филолога из Красноярска Анны Сурник, а также исследования и книги автора об адмирале Грейге и другие научные труды.

И если кто-то из читателей не согласится с моим повествованием, то я сошлюсь на древнеримского историка и оратора Квинтилиана: «Помните: пишут для того, чтобы рассказать, а не для того, чтобы доказать»; вы едва ли поверите, что правдиво и просто рассказать, как, например, пьяный мужик забил свою жену, – не в пример мудрёнее, чем составить целый трактат о «женском вопросе».

И всё же я пытался писать правдиво и просто. Удалось ли это мне – пусть судит читатель.

ГЛАВА I

НАЧАЛО

Каждый сам кузнец своей судьбы.

Саллюстий.

«Послание к старцу Цезарю».

Потомок короля Алпина

В 1764 году в Россию, по приглашению Екатерины Второй, приехал английский моряк, шотландец по происхождению, Сэмюэл Грейк. Это был опытный «морской волк» и боевой офицер, прошедший через ряд морских боёв и сражений, мужественный, но скромный человек, несмотря на его королевские корни.

Отец Сэмюэла Чарлз не был английским дворянином, но некогда род Грейков был знаменит в Шотландии. Его далёкий предок – Мак-Грегор – был потомком короля Алпина, правившего в девятом столетии. Гелльская форма имени Мак-Грегор означала «сыновья Грегора». Впоследствии уже его потомки образовали могучий клан, известный в истории Шотландии своей непримиримой борьбой с английскими королями, из-за чего они находились во вражде с другими кланами, сторонниками Англии.

При Карле II клан Мак-Грегоров получил привилегии и владел поместьями, но в 1669 году, когда на трон взошёл Вильгельм Оранский, могущество клана резко пошатну-

---

лось, начались гонения и истребление этого рода. После битвы при Кюллюдене, в которой сражался клан Мак-Грегоров, его стали жестоко преследовать, лишив всех прав и состояний.

Это их положение нашло отражение в творчестве Вальтера Скотта, ярко описавшего кровавые побоища в романе «Пуритане» и в «Военной песне клана Мак-Грегор»:

*Не знает наш клан и главой где прилечь;
Но клан наш сберёг и свой дух, и свой меч.
Так смело же, смело! Мак-Грегор, ура!
Мак-Грегор, пора!
Нет крова, нет пищи, нет имени нам...
Огню же их дома, их трупы орлам!
На битву, на битву! Мак-Грегор, ура!
Мак-Грегор, пора!*

Лишь с воцарением Георга II официальное преследование было прекращено, но клан всё равно претерпевал всякого рода противодействия и притеснения. Чтобы внешне раствориться в английском обществе, члены этого рода вынуждены были изменять свою фамилию, отбросив вначале приставку от имени Мак-Грегор, а затем изменив и окончание. Они стали именоваться просто Грегг, Грейк, Григ, Грейг и т.п. Многие из них вынуждены были уехать из Англии, другие приспособились и, как предки Сэмюэла Грейка, занялись морской торговлей, мореплаванием, судостроением и другими промыслами.

По той же причине, оставшись не у дел после окончания войны с Испанией, вынужден был уехать в Россию и Сэмюэл Грейк.

В России Сэмюэл прославился преобразованиями на флоте и в кораблестроении, но в особенности – участии-

---

ем в двух сражениях с турецким флотом. В июне 1770 года в Хиосском сражении Грейк командовал кораблём «Трёх иерархов», на котором держал свой кейзер-флаг граф Алексей Орлов – главнокомандующий русским Средиземноморским флотом, пришедшим с Балтики под стены Турецкой империи. Грейк, ставший правой рукой Орлова и его близким другом, разгромил в Чесменской бухте весь турецко-египетский флот, прославив себя в веках, но особенно главнокомандующего графа Орлова, ставшего «Чесменским», хотя граф во время самого сражения находился за несколько миль от входа в Чесменскую бухту.

Спустя пять лет Самуил Грейг (как его стали именовать в России) помог Орлову заманить на свой корабль «Исидор» самозванку – «принцессу Елизавету», – ставшую впоследствии известной миру как «княжна Тараканова», и доставил её в Санкт-Петербург. Вместе с Грейгом на борту «Исидора», помимо самозванки, находилась его жена Сейра, двоюродная сестра знаменитого английского мореплавателя Джеймса Кука. По прибытии в Кронштадт, Грейг был обласкан Екатериной, которая пообещала, что в случае рождения сына она пожалует его чином мичмана.

Вскоре, в сентябре 1775 года Сара (так в России именovali Сейру) родила сына. Его крестили Екатерина и друг и боевой соратник Самуила граф Алексей Орлов-Чесменский, давший ребёнку своё имя. Через пятнадцать дней после рождения младенец Алексей был пожалован в первый морской офицерский чин – он стал мичманом. Зачатый в море, Алексей с малых лет начал службу в Российском флоте. Он не мог не стать моряком.

***

С десяти лет юный мичман Алексей Грейг получил назначение на флагманский корабль его отца и служил генеральс-адъютантом Самуила Грейга.¹

Однако Алексей Грейг недолго прослужил на корабле отца. Екатерина Вторая, возрождая заботу Петра Великого о русском флоте, по его примеру, решила направить в Англию нескольких юношей для обучения морскому делу. Первым среди них был десятилетний мальчик Алексей Грейг. В чине мичмана он проходил стажировку на судах английского флота, будучи волонтером («вольнo-определяющимся»).

Почти три года плавал Алексей на судах английского флота, познав не только прекрасную организацию морского дела, но и жёсткую морскую дисциплину, державшуюся, по традиции, на беспрекословном повиновении младших по чину старшим и на авторитете кулака, а то и линьков. За малейшие провинности матросы, а то и унтер-офицеры, получали от старших тумачков, а в особых случаях их просто пороли, привязав к мачте. Но Алексей не допустил по службе промашек, а наоборот – за беспорочную службу он в первый же год по представлению Британского Адмиралтейства был произведён Екатериной Второй в чин лейтенанта.

В мае 1788 года Алексей возвратился в Россию и получил назначение на корабль «Мстислав».

В июле того же года после жесточайшего Гогландского сражения, в котором Самуил Грейг одержал победу над шведским флотом, знаменитый адмирал простудился во время блокады шведского флота, бежавшего в Свеаборг.

---

¹ - главный адъютант

В октябре 1788 года Самуил Грейг умер от тяжёлой болезни на борту своего флагманского корабля «Ростислав». Алексей осиротел в тринадцать лет, но он не мог даже присутствовать на похоронах отца, потому что был далеко; в это время на корабле «Мстислав» он плавал в западной части Балтийского моря в составе эскадры, которая прикрывала Прибалтику от шведского флота.

После смерти адмирала царица взяла всё семейство Грейгов под своё покровительство. Уже 4 декабря 1788 года Алексей Грейг получил чин капитан-лейтенанта. 9 сентября следующего года Алексей с братом Карлом снова отправились в Англию в качестве волонтеров и вскоре ушли в плавание в Ост-Индию на судне ост-индской компании «Ласекс». Во время этого плавания им пришлось участвовать в бою с французским приватиrom и голландскими военными судами. После посещения Индии и Китая «Ласекс» вернулся в Англию только в 1791 году. На обратном пути Алексей пережил вторую тяжёлую утрату – умер его брат Карл, заразившийся тяжёлой тропической болезнью. Тело мальчика завернули в его койку, привязали к ногам ядро и под монотонную молитву пастора опустили в морскую пучину.

В 1791 году шестнадцатилетний моряк вернулся в Россию, но ненадолго – его снова по повелению Екатерины послали в английский флот, в котором он проплавал много лет волонтером. Алексей служил на ряде кораблей в составе эскадры под командованием адмирала лорда Худа, которая крейсировала в Средиземном море, и только весной 1796 года вернулась в Англию; в апреле Грейга перевели на русский корабль «Ретвизан», который вместе с эскадрой находился у Британских берегов. В октябре он получил назначение на фрегат «Архангел Михаил», сто-

---

явший в порту Литт, чтобы сменить командира, капитан-лейтенанта Брауна, загулявшего с командой и запившего «по-чёрному».

Грейгу шёл двадцать первый год, когда ему впервые поручили командовать судном. Молодой командир не испугался ответственности и, приняв на себя командование, повёл фрегат в Россию. Они были уже близко к родным берегам, когда случилось несчастье: по вине местного лоцмана судно с полного хода село на каменную луду у мыса Порккала-Удд. Дул свирепый ветер, и судну грозила неминуемая гибель. Перепробовав все средства для снятия с мели, Грейг, видя безвыходность положения, снял команду на подошедшие суда и покинул погибавший фрегат. Морской суд, разбиравший эту катастрофу, признал Грейга невиновным, а за его умелые действия по спасению фрегата предложил пожаловать молодому командиру следующий чин. Так Алексей Грейг стал капитаном второго ранга. Ему исполнился двадцать один год.

В 1798 году молодой капитан второго ранга принял в своё командование первый большой корабль – шестидесятипушечный «Ретвизан», взятый в плен у шведов ещё в 1790 году эскадрой адмирала Павла Чичагова. Все последующие годы Алексей находился в боях и сражениях. Европу тогда сотрясали непрерывные войны. Англия воевала с Голландией за приоритет на морских просторах. Россия, будучи в это время в союзе с Великобританией, послала к её берегам эскадру под командованием вице-адмирала Макарова.

В составе этой эскадры Алексей на «Ретвизане» плавал у берегов Англии, крейсировал с союзной эскадрой в Немецком море у острова Текселя и заслужил похвальный отзыв адмирала Нельсона.

Новый год начался для Грейга весьма знаменательно: 1 января 1799 года Павел Первый произвёл его в капитаны первого ранга – это была предпоследняя ступенька перед адмиральским чином. В этом же году начались боевые действия, в которых участвовал молодой Алексей.

... Эскадра крейсировала у берегов Голландии, блокируя все подходы к портам. Дули частые штормовые ветры, море бурлило. Но иногда наступало затишье, и корабли почти замирали, едва двигаясь. В один из таких дней от корабля «Северный Орёл» отвалила шлюпка и вскоре подошла к борту «Ретвизана». Спустили шторм-трап, и по нему лихо взобрался лейтенант. Его проводили в каюту командира. Раздался стук в дверь, Грейг пригласил войти. Через порог шагнул высокий офицер и зычным голосом доложил:

– Ваше высокоблагородие, лейтенант Хвостов по распоряжению адмирала Макарова прибыл для прохождения дальнейшей службы на вверенном вам корабле!

– Хорошо, – ответил Алексей, – Я знаю, что вы опытный офицер, и я надеюсь, что служба ваша будет безупречной. Я наслышан о вас как о деятельном и храбром моряке.

Он отметил про себя, что Хвостов – староват для лейтенантского чина, но почему он «застрял» в чинах, не стал уточнять.

Лейтенант Николай Хвостов

Николай Александрович Хвостов был на год младше Алексея Грейга: он родился в год, когда по всему миру ещё гремела слава Хиоса и Чесмы и их героев – графа Орлова-Чесменского и Самуила Грейга, но Россия уже не воевала, а почивала на лаврах побед.

В 1780 году Николай поступил кадетом в морской корпус в Санкт-Петербурге и через десять лет был выпущен из него гардемаринном. В год выпуска молодой человек на фрегате «Архангел Гавриил» сразу же оказался участником двух сражений со шведским флотом – Красногорского и Выборгского.

Как и все моряки того времени, Хвостов был не против с офицерами корабля «разгуляться» в свободное от вахт время. Знаменитый уже тогда Гавриил Державин, сам бывший боевой офицер и любивший «погулять», познакомившись с жизнью моряков, «воспел» бесшабашного моряка-пьяницу в сатирическом стихе «Мореходец»:

Приди хотя девятый вал!
Приди и волн зияй утроба!
Мне лучше пьяным утонуть,
Чем трезвым доживать до гроба.
И с плачем плыть в столь долгий путь.

Характер Хвостов имел не из лёгких; доставалось от лейтенанта и матросам и боцману, особенно после «возлияний». Но вместе с тем, под внешней грубостью и бравадой, Николай скрывал чувствительную душу. Он тайне от всех вёл «журнал», в который записывал не только

повседневные события морской службы, но и доверял ему душевное состояние и свои думы.

Ещё во время службы на корабле «Северный Орёл» Хвостов, будучи недовольным креплением парусов, высек нескольких матросов, а, сменившись с вахты, ушёл к себе в каюту, и в журнале появилась запись: *«С досады, что дурно крепили паруса, выпил два стакана пуншу и сделался очень пьян»*. Однако, протрезвев, Николай дописал, что он недоволен образом жизни своей и завершил это раскаяние фразой: *«Вот как мы проводим время, или лучше сказать – убиваем»*.

В начале 1799 года суда объединённого флота подошли к побережью Голландии у острова Тексель, где была крепость Гельдер. Голландский адмирал не стал рисковать своим флотом, видя существенное преимущество противника, и увёл свои корабли к острову под защиту крепостных пушек. Англо-русский флот заблокировал голландцев, бросив якоря в море на расстоянии, недостижимом для крепостных и корабельных орудий.

С разрешения Алексея Грейга его офицеры иногда съезжали на берег, чтобы «погулять» в прибрежных селениях и пофлиртовать с не очень красивыми, да и не слишком разборчивыми голландскими «фру» и их дочерьми. Часто моряки привозили с собой девушек и молодых женщин на корабль, но Грейг закрывал на это глаза, понимая, что, несмотря на войну, молодость бурлит в офицерах и накопившейся страсти надо дать выход. Сам же он не участвовал в этих весёлых развлечениях, потому что избегал слабого пола: он признавал только двух женщин – свою мать и сестру, которых нежно любил и регулярно переписывался с ними.

В ожидании сражения с голландским флотом Алексей попросил у своего командующего усилить его офицерский состав каким-либо опытным и боевым моряком, поскольку его помощники были очень молодыми. Вице-адмирал Макаров тогда-то и направил на «Ретвизан» лейтенанта Хвостова – опытного офицера, участвовавшего в морских сражениях со шведами.

Вскоре, в начале августа, Грейг получил распоряжение перейти под непосредственное командование английского адмирала Митчела, который намеревался атаковать и разгромить голландский флот. Ему хотелось отомстить голландцам за поражение англичан при Доггер-банке в 1781 году. «Ретвизан» и английская эскадра начали подготовку к сражению.

Однажды Хвостов снова проявил свою необузданность, выпоров матроса за нерадивость, как считал лейтенант. До Грейга уже дошли разговоры офицеров о том, что Николай Хвостов «скор на руку», поэтому мягкосердечный командир, насмотревшийся за тринадцать лет службы в английском флоте на жестокости, царившие там, вызвал к себе в каюту лейтенанта Хвостова и попросил его не насаждать на борту «Ретвизана» кулачную дисциплину. Хвостов воспринял слова Грейга как приказ и отрапортовал, что будет исполнять волю командира, но в душе у него закипела злость на Алексея Грейга.

Придя к себе в каюту, лейтенант стал пить и разжигать в себе недовольство начальником «Как это так, – ворчал хмелеющий Хвостов, – я, боевой моряк, прошедший Красноторское и Выборгское сражение, почему-то всё ещё лейтенант, хотя мне уже скоро двадцать четыре, а этот – выскочка, царицын любимец, сынок знаменитого адми-

---

рала – уже капитан первого ранга! А за что? За заслуги отца?» Вино всё более горячило его душу, и злость так и лилась потоком: «Чем он сам прославился, этот Грейг? Да под стать ему и его лейтенанты и мичманы. Сосунки! Вот прослужили бы с моё... Что они видели?»

В отуманенном винными парами мозгу вдруг промелькнуло сомнение: «А может, ты сам виноват? Пока ты пил и буянил, Алексей Грейг отличался беспорочной службой. Кто же будет продвигать по службе вздорного и строптивого, хотя и знающего храброго моряка?»

Николай лёг на койку и снова окунулся в свои мысли: «Почему Грейг вышел вперёд? Он даже не учился в Морском корпусе. Какой из него офицер, командир корабля! Я закончил корпус, десять лет учился, а потом два года плавал, пока удостоился чина мичмана. А этот инородец сразу, с пелёнок, получил тот же чин! И теперь он мой начальник, этот мальчишка командует мной...» – Хвостов почувствовал, что засыпает, но его мозг сверлила назойливая мысль, что пока он десять лет учился в корпусе, Алексей Грейг в этом возрасте уже плавал на кораблях английского флота и не в пределах Финского залива, где прошла морская служба Николая, а в Индийском океане, в Средиземном море, в Атлантике и в бурном Немецком море; и не один год, а вот уже скоро четырнадцать лет!

Но эти здравые мысли уже не смогли пробиться сквозь сон, охвативший захмелевшего моряка.

Гельдер

Адмирал Митчел отдал приказ эскадре приготовиться войти на рейд острова Тексель и уничтожить голландский флот, стоявший там.

За два дня до назначенного срока атаки Грейг собрал офицеров «Ретвизана» в кают-компани.

– Господа офицеры, – обратился он к ним, – скоро нам предстоит участвовать в сражении. Надеюсь на вас и на ваших подчинённых, что все будут сражаться, не щадя своей жизни, во славу России и его величества императора Павла Петровича. За оставшиеся дни необходимо подготовить корабль к бою. Вечер и ночь я разрешаю вам провести, как вам захочется, но без винных излишеств. Если есть вопросы ко мне, прошу задавать их.

– Ваше высокоблагородие, – обратился к Грейгу Николай Хвостов, – мы не посрадим русский флот, но можно ли нам встретиться с дамами в последний раз перед битвой? Может, кто-то из нас больше не увидит этот мир.

Грейг, обычно сосредоточенный и строгий, улыбнулся и добродушно ответил:

– Я не возражаю, господа, но только чтобы после этой встречи с прекрасным полом вы бы не оказались совершенно обессиленными и не способными сражаться.

– А с кем сражаться? – выступил один из мичманов. – С этими торгашами-голландцами?

Но Алексей Грейг сразу же стал суровым. Остаток его улыбки сбежал с лица, и он снова обратился к офицерам:

– Господа, я не согласен с теми, кто так думает. Вы же знаете старое морское правило: «Считай опасность ближе, чем она есть на самом деле». Не думайте о голландских моряках так плохо. Вспомним хотя бы их знаменитых адмиралов – отца и сына Тромпов и Рюйтера, которые разгромили огромные флоты наших нынешних союзников – англичан.

– Но, господин капитан, это же было сто лет назад, а сейчас – где эти адмиралы? – сказал кто-то из офицеров. – Их и днём с огнём не найти!

– Позвольте не согласиться с вами, – возразил командир, – а «наш голландец» – адмирал Кинсберген. Это же он первым стал громить турецкий флот на Чёрном море и не так давно.

– Так то же было, когда он служил России...

– Я напомню вам, – снова обратился к офицерам Грейг, – что после службы в России Кинсберген вернулся в Голландию и разгромил англичан при Доггер-банке. Не так ли? Так что готовьте корабль и себя к жестокому сражению. Голландцы – прекрасные моряки и хорошие воины. Но я желаю успеха не им, а нам и нашим союзникам!

– Вы свободны, господа, – завершил своё выступление Грейг.

***

Подготовив корабль к бою, офицеры «Ретвизана» отправились на берег голландок, проведших с моряками последние часы перед сражением и утешивших их своими ласками. Накануне сражения, 11 августа, Николай Хвостов записал в дневнике то, что тревожило его душу: *«В пять часов утра луч солнца предвещал прекрасную*

---

*погоду, приведя в радость покойного селянина, живущего на границах, углублённого, когда светило, по-
верх горизонту, над плугом, для насыщения, разграб-
ляющего его беспрестанно народа; в равной радости
находится воин, находящийся под страшнейшими
Тексельскими пушками, жаждущий выбрать хороший
день, чтоб все препятствующее на берегах Голландии
разграбить и предать вечному пеплу, не принося тем
ни себе и никому прибыли, кроме разорения. Воин за
то, что все разорены, был награждён, а хлебопашец
за труды и пользу был беспрестанно притесняем. Я,
тут же находясь, имел чувства, сужденные всякому
человеку, имевшего в виду у себя неприятеля, однако
же дивился варварским чувствам, вперенным в нас с
самого ребячества. Не имея времени дать волю моим
рассуждениям, пожалел о жребии всех толкущихся в
мире и пошел наверх...»*

На шканцах офицеры обсуждали будущее сражение и вели жаркие споры о доблести, мужестве, храбрости и трусости, выражая равнодушие к своей будущей судьбе. Порывистый и склонный к бунтарству Николай тут же ввязался в разговор, глядя несколько свысока на этих молодых моряков, не испытывавших ещё жара пушек в серьёзных сражениях. Наспорившись, Хвостов спустился к себе в каюту и продолжил записи в журнале: *«Находясь наверху с моими товарищами, смотрел и старался вникнуть в чувства их. Везде видел равнодушие, что придавало верх моему честолюбию над моею колебимостью. Все мне напоминало презрение к низости и трусости, и, как мне кажется, я невольно всему клялся не быть трусом».*

Николай откинулся на спинку стула, задумался и, вспомнив ночь, проведённую с Иоанной, дочерью местного рыбака, снова стал быстро писать: *«В самых величайших опасностях просьба и слезы прекрасных женщин в силах сделать на сердце самого жестокого человека и нечувствительного мужчины такие впечатления, что забудут все окружающие его опасности. Я видел пример тут над собою, входя в нежнейшие чувства души милого творения, забывал несчастья и гибель к нам приближавшуюся. О женщины! Чего вы ни в состоянии сделать над нами бедными!»*

Что тут можно сказать? Лейтенанту Хвостову было около двадцати трёх лет. Как тут можно обойтись без прекрасного пола, если на завтра предстоит жестокое сражение? Хотя, по поверьям моряков, «женщина на корабле приносит несчастье».

Наступил день сражения. Все офицеры и матросы были возбуждены в ожидании битвы и жаждали разгрома неприятельского флота. Но история распорядилась по-своему и внесла существенные поправки.

Утром эскадра двинулась к Гельдеру. «Ретвизан», идя за английским кораблём «Глаттон», имевшим мелкую осадку, сел на камни (женщины на корабле?!), рядом с ними сели ещё два английских корабля. Грейг оказался снова перед серьёзным испытанием: наступила ночь, принеся шторм. Никакими известными средствами не удавалось снять корабль с мели. «Ретвизан» бил о камни, и корабль стал разрушаться. В отчаянии Хвостов пошёл в каюту и стал писать письмо своему другу: *«Состояние наше весьма несносное! Все корабли проходят мимо нас, а мы стоим на месте и служим им вместо бокана!»*

1 - буй, предупреждающий об опасности.

Вся надежда наша быть в сражении и участвовать во взятии голландского флота исчезла! Все в крайнем огорчении своем, мы все злились на лоцмана и осыпали его укоризнами, но он и так уже был полумертвый.

Английский корабль «Америка» стал на мель; сие принесло нам некоторое утешение. Хотя и не должно радоваться чужой напасти, но многие причины нас к этому побуждают; по крайней мере, англичане не скажут, что один русский корабль стал на мель, и, может быть, Митчел без двух кораблей не решится дать баталии, а между тем мы снимемся и поспеем разделить с ним славу!»

Николай оторвался от письма: он услышал вой нового порыва ветра, ещё более свирепого, корабль стучал днищем о камни. Оставив письмо, он выскочил наверх. Грейг и офицеры стояли молча на шканцах, лица их были унылы и растеряны. Матросы разбрелись по кораблю, понимая свою беспомощность, и с понурыми лицами ждали команды командира. Но больше всех был огорчён Алексей Грейг. «Ретвизан» был первым кораблём, вверенным ему в командование. Он лихорадочно думал, что бы ещё предпринять. Вдруг по его лицу как будто пробежала волна, и все услышали непонятную для них команду, которая показалась бессмысленной:

– Поднять все передние паруса!

По выработанной с годами привычке офицеры не стали обсуждать решение командира, да и «Морской устав» требовал немедленного выполнения любой его команды. Николай зычным голосом, перекрывая шум ветра и волн, повторил команду:

– Вира стакселя и кливера!

Эта команда, повторенная боцманом на баке, тут же привела в движение стоявших в оцепенении матросов. Передние паруса, хлопая по ветру, взмыли вверх, и как только шкоты были выбраны, они вздулись под напором ветра. Раздался скрип мачты, корабль вздрогнул и дёрнулся вперёд. Новый, мощный порыв ветра с кормы рванул корабль. И – о, чудо! Напором ветра на паруса корабль был буквально сорван с мели и пошёл вперёд. Из-под днища вырвалось наверх несколько досок выдранной обшивки, они скользнули вдоль борта и остались за кормой. Дружный крик «Ура!» прогремел над кораблём. Все поняли, что это было единственное и остроумное решение командира. Офицеры бросились поздравлять Грейга. Даже Хвостов, несмотря на свою неприязнь к нему, подошёл к Алексею и взволнованно сказал:

– Господин капитан, Алексей Самойлович, разрешите от души поздравить вас. Вы доказали всем, что молодость – не помеха быть отличным моряком. Ваше остроумное решение надо вписать в учебники по морской практике и учить кадет, как должен действовать настоящий командир.

Вскоре «Ретвизан» подтянулся к эскадре, бросившей якоря у крепости, и занял отведённое ему место. Команды стали готовиться к сражению и к высадке десанта, чтобы штурмовать Гельдер. Крепостные и корабельные пушки голландцев начали пальбу, но их ядра не долетали до английской эскадры, а палить из орудий по шлюпкам с десантом было всё равно, что «стрелять из пушки по воробьям».

Успешно высадив со всех судов десант, который обложил крепость, адмирал Митчел, видя нерешительность

голландского командующего, отдал приказ двинуться всей эскадрой к голландскому флоту. Однако впечатляющего морского сражения не произошло. Голландский адмирал, поняв безвыходность для своих кораблей, сдал флот почти без боя. Алексей Грейг принял у голландского командира корабль «Вашингтон», получив из его рук кормовой флаг. После этого он съехал на берег и вместе со своим десантом принял участие во взятии крепости Гельдер. За это потом Грейг получил своё первое боевое отличие – орден Святой Анны второй степени.

После совместной англо-русской кампании Николая Хвостова перевели на корабль «Азия» в составе эскадры контр-адмирала Карцева. Эскадра перешла в Средиземное море, а затем – в Севастополь. Через год службы в Черноморском флоте Николай Хвостов берегом вернулся в Санкт-Петербург.

Так разошлись пути Алексея Грейга и Николая Хвостова. Больше они никогда не встречались.

Камергер Николай Резанов

Николай Резанов родился в 1764 году в небогатой, но родовитой дворянской семье, придворный статус которой восходил ещё к царствованию Алексея Михайловича, отца Петра Великого, выдвигавшего даровитых и образованных людей. Тяга к знаниям и образованию была в этом роду традиционной. И хотя Николай получил только домашнее образование, но он легко изучил несколько европейских языков. В двадцать четыре года, в 1788 году,

---

когда Россия вела ожесточённую войну с Турцией и все с трепетом ожидали взятия князем Потёмкиным Очакова, Николай поступил на военную службу, но через несколько лет оставил её.

Николай Резанов отличался пытливым умом и большой способностью к самообразованию. Он изучал морское дело, судостроение, юриспруденцию и другие науки. Одно время он служил при суде, потом – правителем канцелярии известного уже в то время поэта и прославленного воина Гавриила Державина, когда тот был докладчиком Адмиралтейств-коллегии. Императрица Екатерина, зная способности Николая Резанова, лично поручала ему некоторые дела.

Впоследствии Николай Петрович служил обер-секретарём Сената, дослужившись до высокого пятого чина по «Табелю о рангах». Одновременно Резанов изучал экономику и японский язык, казавшийся тогда всем экзотическим. В конце царствования Екатерины Великой Николай Петрович, обративший на себя когда-то внимание царицы, уже достиг должности обер-прокурора Первого департамента Правительствующего Сената.

***

Ещё Великий Пётр, понимая значение Дальневосточного Приморья для экономики России, послал экспедицию под руководством датчанина Витуса Беринга для исследования восточного побережья Камчатки и прилегающих к ней островов. С тех пор смелые русские мужики на примитивных судах, не зная даже основ навигации и мореплавания, с риском для жизни осваивали эти берега и моря, промышляя морского и пушного зве-

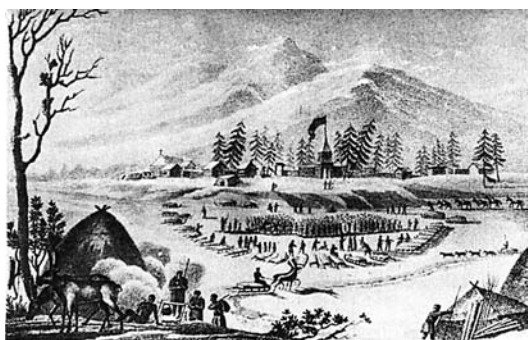

ря да ценную рыбу. Из Охотска и Петропавловска, что на Камчатке, отправлялись эти промысловики на север за добычей, которую успешно продавали затем в Сибирь, Китай и Европейскую Россию. Со временем для удобства и большей выгоды образовались небольшие товарищества. Уже в 1782 году в этих местах промышляли двадцать пять судов. Но тёмные и необразованные зверобои, в угоду их жадным хозяевам, как хищники, истребляли морского зверя, что в конце концов привело к его вымиранию и падению доходов промышленников и к их разорению.

Камергер Николай
Петрович Резанов.

Так продолжалось до тех пор, пока в дело не вмешался Григорий Иванович Шелехов, русский купец, предприниматель, состоявший на службе у богатого сибирского купца Ивана Голикова. Занимаясь пушным и морским промыслом, Шелехов, видя бездумное истребление зверобоями ценных видов животных, решил основать в районе Алеутских островов постоянное поселение, своеобразную колонию русских промысловиков, создать там судостроение и поселить опытных мастеров и мореходов. С этой идеей он отправился в Сибирь к Голикову и, сумев его заинтересовать, получил деньги для основания колонии. В 1775 году Шелехов вместе с Голиковым и другими сибирскими купцами организовал купеческую компанию, которая стала заниматься пушным и зверобойным промыслом в Северо-Восточной Азии, на Алеутских островах

Стойбище туземцев в Сибири.

и на побережье Аляски. Он совершил плавания на остров Кадьяк и к Курильским островам, откуда вернулся с ценным грузом мехов и после продажи получил огромный доход.

Григорий Шелехов, помимо промыслов, занимался исследованием побережий северной части Тихого океана, создал в 1784 году первое постоянное поселение на острове Кадьяк Алеутской гряды, а потом ещё несколько других, обучал местных жителей ремёслам, земледелию и судостроению, наняв грамотных и знающих дело людей. В 1783 году Шелехов построил в Охотске два транспортных судна для обслуживания промыслов и торговли. В 1787 году Шелехов составил подробный отчёт о своём плавании из Охотска к американским берегам, который послал в Санкт-Петербург, где он был опубликован в 1791 году.

После этого Григорий Иванович предложил Екатерине Второй основать единую торгово-промышленную компанию на Дальнем Востоке при поддержке государства, чтобы не только развивать и укреплять промыслы, но и прививать жителям грамоту и культуру, просвещать их, создать промышленность, судостроение и организовать подготовку грамотных мореходов-штурманов, шкиперов и матросов.

Императрица, по представлению правительства, повелела отправить на Дальний Восток тридцать семейств для образования колонии. С ними командированы из Петербурга офицеры для обучения штурманскому и корабельному делу, а также архимандрит, чтобы духовно воспитывать паству и прививать ей начатки культуры. Во главе этой экспедиции было решено поставить особого чиновника, знающего дело и хорошего организатора. Выбор пал на обер-прокурора Первого департамента Сената Николая Резанова, энергичного и просвещённого человека.

По пути на Дальний Восток Резанов остановился в Иркутске, где его уже ждал Шелехов. Григорий Иванович посвятил Николая Резанова в свои планы, которые захватили камергера. Здесь же, в Иркутске, Шелехов познакомил Резанова со своей дочерью Анной. Вскоре Николай Петрович, полюбивший скромную и миловидную девушку, посватался к ней. И она была не против: ещё бы! Такой знатный вельможа, близок к царскому двору, да и в общем – недурён.

Свадьбу сыграли в Иркутске, и получил Николай Петрович за своей Аннушкой, согласно брачному договору, отменное приданое, а главное – богатого, известного на всю Сибирь и Приморье тестя.

Обговорив всё с Шелеховым, Николай Резанов отправился с колонистами далее на Восток, а по прибытии в Охотск передал их под нагляд тестя, который и занялся далее их расселением и устройством на месте. Резанов же на обратном пути, взяв молодую жену с её приданым, поехал в столицу, чтобы там продвигать общее с тестем дело. По старому сибирскому обычаю, чтобы на новом месте жилось хорошо и любовно, прихватила Анна свер-

---

чка, живущего за печкой, и повезла с собой, а в Петербурге, в доме Резанова, выпустила его, и прижился он на новом месте, предвещая хозяевам своим ночным сверчением, что будет у них долгая и счастливая жизнь. Счастливый Николай Петрович с восторгом писал своему другу: *«Сверчок родительский прибыл с нами в столицу благополучно и, спущенный за печь, к хору поварни тотчас присоединился, Аннет моя уверяет, что голос его, исполненный сибирской дикости, и посейчас от прочих отличается».*

И в самом деле, зажили Николай и Анна добротной и счастливо, и вскоре пошли дети – один, да потом – другой.

***

Но недолгим было их счастье: в 1795 году смерть внезапно скосила могучего сибиряка – отца Анны, Григория Шелехова, и совсем ещё молодым – в сорок восемь лет. Утешая свою Аннет, Николай Петрович поклялся продолжить дело батюшки. И он сдержал слово: в год вступления на престол нового императора Павла I, в 1796, подал Резанов царю записку о создании на Дальнем Востоке торгово-промышленной компании, а через два года вышел императорский указ об организации Российско-Американской компании с особыми привилегиями и под Высочайшим покровительством. Главное управление назначено в Иркутске, а в столице надлежит быть уполномоченному, которым и назначен этим указом Николай Петрович Резанов.

За эту деятельность на благо России император наградила Резанова высшей в то время в державе наградой – мальтийским орденом Иоанна Иерусалимского Боль-

---

шого Креста, который давал при этом звание командора Ордена и большое поместье-командорство. Манифестом 29 ноября 1798 года об учреждении Ордена вручение его рассматривалось как *«открытие... к поощрению честолюбия на распространение подвигов»*.

19 октября 1800 года Резанов добился перевода главного правления компании в Санкт-Петербург, где он его и возглавил.

Николай Резанов развил в Петербурге кипучую деятельность: ему удалось вовлечь в компанию самого императора Александра и почти всё его семейство с ближайшими родственниками. К концу 1802 года число членов компании возросло с семнадцати до четырёхсот человек. Тогда-то у него впервые возникла мысль о кругосветном плавании русских судов: он понял, что лучшим способом доставки необходимых строительных материалов и провизии для русских колоний в Америке и привоза оттуда пушнины и других ценных товаров может стать морской путь в виде кругосветного плавания. Резанов через министра коммерции графа Румянцева подал императору записку об организации первого русского кругосветного мореплавания.

В результате последовало Высочайшее распоряжение о снаряжении первой кругосветной экспедиции. Компания решила купить два небольших, но прочных и вместительных судна. В качестве командиров были отобраны превосходные морские офицеры – лейтенанты Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский, и тогда же Лисянского послали в Англию, где он в Лондоне купил за 25000 английских фунтов два судна – «Леандр» и «Темзу», которые англичане выдавали за новые, но оказалось, что они были

уже «не первой свежести», а одно из них и слегка потрёпано французским приватиром. Но это всё выяснилось потом, а пока Лисянский с командами в сопровождении английского военного судна привёл «покупку» в Санкт-Петербург, что было в конце мая 1803 года. Здесь «Леандр» стал «Надеждой», а «Темза» – «Невой», и их стали готовить к экспедиции.

Капитан 1-го ранга
Юрий Федорович Лисянский.

Пока Лисянский покупал суда в Англии, у министра коммерции возник новый план: он решил завязать торговые отношения с Японией и Южным Китаем. 20 февраля 1803 года граф Румянцев подал императору две записки об этом. После обсуждения его предложения было принято решение отправить на этих же судах посольство в Японию для заключения торгового договора. Граф Румянцев предложил в качестве

чрезвычайного посланника отправить в Японию Николая Резанова, сделав его начальником экспедиции.

Как руководитель всей экспедиции, Резанов получил от министра и компании инструкцию, в которой было сказано: *«сии оба судна с офицерами и служителями, в службе компании находящимися, поручаются начальству вашему»*. В инструкции был прописан марш-

---

рут и места стоянок судов и предписано Николаю Резанову заключить торговый договор с Японией, после чего обозреть все поселения, основанные компанией как на Камчатке, так и на Алеутских островах и Аляске, доставить туда грузы для поселенцев и забрать пушной товар, который продать в Кантоне. Этой же инструкцией на Резанова возлагалось быть *«полным хозяйским лицом не только во время вояжа, но и в Америке»*.

Новая инструкция, данная Резанову, устранила Крузенштерна от главного командования экспедицией и лишала его и Лисянского премии, которую они должны были получить при возвращении. Дело в том, что компания наняла на эту экспедицию Крузенштерна и Лисянского с условием выплаты им по 5800 рублей жалования в год, а по возвращении – по 10000 рублей премии. И вдруг начальником экспедиции (командором) назначают Резанова. Оба лейтенанта потеряли премию, а Резанов приобрёл в их лице людей, которые стали его недолюбливать и настроились на неприязненное отношение в будущем.

***

10 июня 1803 года Резанов был пожалован в звание действительного камергера и награждён орденом Святой Анны первой степени. Вскоре ему вручили личный рескрипт императора:

Господин действительный камергер Резанов!

Избрав вас на подвиг, пользу отечеству обещающий, как со стороны японской торговли, так и в рассуждения образования Американского края, в котором вам вверена участь тамошних жителей, поручил я канцлеру вручить вам грамоту, от меня к японско-

---

му императору назначенную, а министру коммерции по обоим предметам снабдить вас надлежащими инструкциями, которые уже утверждены мною. Я предвзвительно уверяюсь, по той способности и усердию, какие мне в вас известны, что приемлемый вами отличный труд увенчается отменным успехом и что тем же трудом открытая польза государству откроем вам новый путь к достоинствам, а сим вместе несомненно более ещё к вам же обратит и мою доверенность.

Александр

Но радости и печали идут всегда рядом. Вскоре Резанова сразила семейная трагедия: его любимая Аннушка, Аннет, внезапно умерла, оставив на его руках двух детей. Схоронили её в Александро-Невской лавре. Тяжесть утраты придавила Николая Петровича, но не с кем ему было разделить горе. Незадолго до отхода судов в кругосветный вояж, в апреле 1803 года, опечаленный Резанов писал другу Ивану Дмитриеву: *«Кончина жены моей, составлявшей все счастье дней моих, сделала для меня всю жизнь мою безотрадною. Двое милых мне детей, хотя и улаживают жизнь мою, но в то же время и растравляют сердечные мои раны...»*

Предавшись единой скорби своей, думал я взять отставку. Но государь вошел милостиво в положение мое, сперва советовал мне рассеяться, наконец предложил мне путешествие и объявил мне волю свою, чтобы принял я на себя посольство в Японию...»

Перед выходом в море Резанов передал в Академию наук свои долголетние труды: *«Словарь японского языка»*

и «Руководство к познанию японского языка», за которые был избран почётным академиком. Но и это не радовало.

Николай Петрович уходил в плавание с разбитым сердцем и расстроенными нервами.

ГЛАВА II

ВОЯЖ В ЯПОНИЮ

Благо отечества – высший закон.

Цицерон. «О законах».

*Мы соль океанов – плывущая в
небо ладья.*

Глеб Анфилов. «Отрывок».

Капитан-лейтенант Иван Крузенштерн

Адам Крузенштерн родился 19 ноября 1770 года в небогатой дворянской семье прибалтийских немцев в имении Хагудне, в бедной, забытой

Адмирал Иван Федорович
Крузенштерн.

Богом Эстляндии, в которой занимались, в основном, рыболовством да разведением скота – на большее худородные земли не были способны.

Адам получил начальное домашнее образование, а потом учился в соборной школе Ревеля. В 1785 году, по совету одного из друзей отца, Адама отправили в Кронштадт, где и определили в Морской кадетский корпус – полагали, что фамилия звала его в море; Крузенштерн

по-немецки звучит величественно и призывно – «Путеводная звезда», вот и быть ему мореходом. В корпусе Адама переименовали на русский лад – Иван Крузенштерн, а потом, по мере роста чинов, он стал Иваном Фёдоровичем, а почему? – одному Богу известно, потому что отец его именовался Иоганн Фридрих.

В 1787 году Ивана выпустили из корпуса гардемаринном, и началась его морская жизнь. На фрегате «Мстислав» он встретился с Юрием Лисянским, с которым судьба свяжет потом его в кругосветном плавании.

В следующем году на «Мстиславе» Иван Крузенштерн уже участвовал в знаменитом Гогландском сражении, в котором Самуил Грейг одержал победу над шведским флотом, рвавшимся в Финский залив для захвата Петербурга. Последующие годы Иван всё время в сражениях: в 1789 – Эландское, в 1790 – Ревельское и Выборгское. Тогда же за отличие при взятии шведского корабля «София-Магдалина» его произвели в лейтенанты.

Всё то отличие заключалось в том, что, когда была сбита мачта у шведского корабля и он поднял сигнал о сдаче «Софии-Магдалины» русским, на неё был отряжен Крузенштерн, который привёз русскому командующему пленного шведского адмирала Лейонанкера и флаг. В России принято было награждать «гонцов доброй вести».

Потом наступило замирение со Швецией, и Крузенштерн командировали на стажировку в английский флот, где он и прослужил с 1793 по 1796 годы. Через два года, в 1798 году, его произвели в капитан-лейтенанты.

Три года Крузенштерн плавал по Атлантике на кораблях английского флота, а в 1796 году на корабле «Ризонабл» отправился к мысу Доброй Надежды вместе с другом Ли-

Русские торговые суда
в Охотском море.

сянским. Отсюда они хотели пойти в Ост-Индию, но Лисянский, зная, что фрегат «Оазо» имел серьёзное повреждение, отказался от плавания, а Крузенштерн остался. Капитан Линзи приветствовал его на борту словами: «Мне очень приятно, что хоть вы

не боитесь отправляться со мной в Ост-Индию».

Около года Иван Крузенштерн провёл в Индии, потом побывал в Кантоне и Малакке. Возвращаясь в Англию на торговом судне «Бомбей» в 1799 году, он составил записку о развитии русского торгового мореплавания, в особенности на Дальнем Востоке, которую хотел направить министру коммерции Саймонову.

В 1799 году Павел Первый повелел вернуть всех моряков из Англии на родину. В Россию возвратился опытный морской офицер, смелый и мужественный, испытавший не только тяготы морских плаваний в Атлантическом и Индийском океанах, но и прошедший через ряд морских сражений. Это был, вместе с тем, добрый и скромный молодой человек, отличавшийся пунктуальностью, характерной для немцев, и обширными познаниями морского дела. Но не лишённый честолюбия.

***

Поскольку Саймонов ушёл в отставку, Крузенштерн подал свою записку о русском торговом мореплавании вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Григорию Ку-

---

шелеву, но тот оставил её без внимания. Переработав записку и узнав о намерении министра коммерции Румянцева организовывать, по идее Резанова, кругосветные торговые маршруты, Иван Фёдорович снова переработал записку и новый вариант, подписанный им 1 января 1802 года, послал по почте новому вице-президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Николаю Семёновичу Мордвинову, у которого также родилась подобная идея. Но адмиралу всё было недосуг доложить императору, а вскоре его отрешили от должности. Но Мордвинов все же успел познакомить с запиской министра коммерции Николая Петровича Румянцева.

Ознакомившись с запиской, Румянцев вызвал Крузенштерна в Петербург и сообщил ему, что первое кругосвет-

Русское поселение на Курильских островах.

Рис. из вахтенного журнала судна "Нева".

ное плавание уже готовится с подачи Николая Резанова, и ознакомил его с планами экспедиции. Вскоре Румянцев, по согласованию с главным правлением Российско-Американской компании и с Морским ведомством, назначил Ивана Фёдоровича начальником экспедиции. После этого Крузенштерн получил от Лисянского лестное письмо, в котором были такие строки: *«Ничего сравниться не может с удовольствием, чтобы служить под командованием моего только друга. Делай, что можно».*

Шлюп «Надежда».

Шум вокруг первой кругосветной экспедиции был довольно громкий: о ней знала не только вся Россия, но и другие страны. Учитывая широкие познания Крузенштерна и его обширную деятельность по подготовке экспедиции, Академия наук на заседании 25 апреля 1803 года избрала Ивана Федоровича Крузенштерна своим членом-корреспондентом.

В состав экспедиции входили: начальник экспедиции и главный уполномоченный Российско-Американской компании, чрезвычайный посланник и полномочный министр, действительный камергер Николай Петрович Резанов; кавалеры посольства (представительская свита) – свиты Его Величества по квартирмейстерской части майор Ермолай Фридрицкий, надворный советник Фёдор Фосс и лейб-гвардии Преображенского полка подпоручик граф Толстой; начальник экспедиции по морской части, капитан «Надежды» - капитан-лейтенант Иван Крузенштерн; капитан «Невы» - лейтенант Юрий Лисянский; двадцать человек учёных и художников. На «Надежде» было двенадцать морских офицеров, а на «Неве» – шесть. Вместе они составляли довольно сильный «офицерский корпус». Кроме того, на «Надежде» находился иеромонах Гедеон – судовой священник, очень образованный человек.

***

В конце июля 1803 года на «Надежду» прибыл император Александр со свитой, которому были представлены все члены экспедиции, выстроившиеся на шканцах. Император поздравил их и благословил на долгий путь.

Ещё когда стояли на Кронштадтском рейде, Николай Петрович Резанов почувствовал в поведении Крузенштерна и Лисянского неприязнь к себе. Чтобы избежать в дальнейшем недоразумений, Резанов пригласил к себе в каюту Крузенштерна и сказал ему, что, согласно параграфу шестнадцатому инструкции, выданной Крузенштерну, он, Резанов, назначается как представитель компании, организовавшей экспедицию, ее главным начальником, исключая морскую часть.

– Не надо мне читать вашу инструкцию, – недружелюбно ответил Крузенштерн, – у меня есть своя, и я её читал и помню.

– Ваша инструкция, – сказал Резанов, – составлена в начале мая 1803 года, но с тех пор изменились намерения правительства и компании, поэтому к вашей инструкции приложено дополнение к параграфу шестнадцатому, в котором строго ограничены ваши и мои полномочия. Поэтому, будьте любезны прочесть при мне эти дополнения.

– Я не школьник и не кадет, чтобы сдавать вам, господин действительный камергер, уроки словесности, – резко прервал Резанова капитан-лейтенант.

– В таком случае я вам сам зачитаю, а вы, господин капитан-лейтенант, проявите любезность и терпение, выслушав меня. Садитесь, и я надеюсь, что вы хорошо воспитаны, чтобы не прерывать меня.

Крузенштерн сел и с хмурым лицом, молча, выслушал дополнения, не проронив ни звука:

«В дополнение XVI пункта сей инструкции главное управление вас извещает («это – вас лично» – внёс ремарку Резанов), что Его Императорское Величество соизволил вверить не только пред- назначенную к Японскому двору миссию в началь- ство его превосходительство двора Его Импера- торского Величества действительного камер- гера и кавалера Николая Петровича Резанова в качестве чрезвычайного Посланника и Полномоч- ного Министра, но и сверх того Высочайше по- ручить ему благоволил все предметы торговли и самое образование Российско-Американского края...»

Иван Крузенштерн уже не слушал Резанова. Он ушёл в своих думах в сторону большого для него вопроса: ему снова напоминали, что он не главный руководитель экспедиции и он теряет свои 10000 рублей, но главное – не это; он лишается в будущем славы «российского Кука», даже более того – «российского Магеллана», а он так меч- тал об этом и столько сделал! Злость закипала у него в душе, подогреваемая растревоженным честолюбием. Он уже не слушал, и в душу вползало, извиваясь змеёй, же- лание отомстить...

А Резанов, между тем, продолжал чтение:

«Представляя полному распоряжению вашему управление во время вояжа судами и экипажем и сбережением оного, как части единственному искусству, знанию и опытности ему принадле- жащей, главное управление дополняет сие тем

только, что как все торговые обороты и интересы компании ему, яко хозяйствующему лицу, в полной мере вверены, то и ожидает от вас и всех господ офицеров, по усердию вашему на пользу Российско-Американской компании, столь тесно с пользою отечеству сопряженную, что вы не оставите руководствоваться его советами во всем том, что к выгоде и интересам ее им за благо признано будет, о чем от сего правлению донесено и его императорскому величеству мая 21 дня 1803 года».

Крузенштерн встал и резко спросил, даже не обратившись к Резанову, как положено по титулу его:

– Всё? Я могу быть свободен?

Резанов кивнул, и Иван Фёдорович вышел, буркнув про себя: «Нужен ты мне со своими советами!» Вечером того же дня два друга встретились в каюте Крузенштерна и обсудили положение. Крузенштерн и Лисянский договорились не подчиняться в плавании Резанову и показать ему «кто на корабле хозяин».

27 июля «Надежда» и «Нева» снялись с якорей и тронулись в путь. Их провожали с Кронштадтского рейда тридцать коммерческих судов. Ещё бы! Такое событие...

Бунт морских офицеров

12 августа 1803 года «Надежда» и «Нева» вошли в Копенгагенскую гавань и бросили якоря. Согласно предварительной договорённости с Резановым, на борт «Надежды» был взят гёттингенский профессор Георг Лангсдорф, который ещё ранее, узнав о готовящейся кругосветной экспедиции, упросил камергера взять его в плавание, без всяких условий и оплаты. Резанов согласился взять молодого профессора биологии, знавшего несколько языков, включая испанский, и сведущего в медицине. Николай Петрович, чтобы обеспечить нормальную жизнь Лангсдорфу на шлюпе, взял его к себе на службу в качестве переводчика и личного врача.

Сентября шестого дня оба судна попали в сильный шторм в Немецком море. Резанов записал в своём журнале, который вёл ежедневно: *«судно так кренило на бок, что не только шкафутами черпало оно воду, но и пушками на шканцах захватывало».*

Вот и тропическая Атлантика. Показались Канарские острова, суда стали на якорь в порту Санта-Круз на острове Teneriffe. Первая встреча с испанцами и первые впечатления Резанова: *«Ишпанцы, сколь по характеру их ни подозрительны, но нас приняли с отличным уважением. Большая часть из них – люди без воспитания и фанатики. Святая инквизиция держит не только чернь, но и дворянство в невежестве, и запрещением книг пресекает все способы к просвещению».* А потом добавил: *«Удивительно, как далеке нация у всех позади осталась».*

После долгого перехода тропиками пересекли Атлантический океан и остановились у берегов Бразилии на рейде острова Святой Екатерины. И вот здесь Резанов впервые почувствовал враждебное отношение к себе офицеров обоих судов. Подстрекаемые своими командирами, они, по их примеру, старались игнорировать полномочного посла и не разговаривать с ним. Ещё бы! Он был у них «бельмом на глазу». Привыкшие к беспрекословному повиновению командиру, считая его «вторым после Бога на корабле», они не могли смириться с тем, что на борту «Надежды» находится царский посланник, цивильное лицо, намного старше по чину в «Табеле о рангах», чем их признанный командир Крузенштерн. Морские офицеры всегда были высокомерными, держались кастовых устоев и непременно принимали сторону Ивана Крузенштерна.

Но Резанов, будучи умным, образованным и тактичным по природе своей, крайне деликатным, старался избегать всего, что могло как-нибудь задеть самолюбие их, особенно командиров – Крузенштерна и Лисянского. Он держал себя на «Надежде» как пассажир, не вмешиваясь в морскую службу и управление судном, высоко ценя способности Ивана Крузенштерна как опытного морского офицера.

Однако, по прибытии на остров Святой Екатерины, Крузенштерн стал придирается к Резанову, принимая в штыки любой совет камергера, забывая, что он – Резанов – хозяин обоих судов и товаров, бывших на них, как один из директоров и уполномоченный компании, оплатившей суда и нанявшей Крузенштерна и Лисянского. Вскоре придирки капитан-лейтенанта к Резанову стали принимать дерзкий характер. Крузенштерн, ссылаясь на Петровский

«Морской устав», заявлял Резанову, что на корабле может быть только один командир – это он, Крузенштерн, и все находящиеся на борту должны подчиняться ему, морскому распорядку и жёсткой дисциплине. Даже император на борту корабля, заявлял Крузенштерн, не может давать распоряжения капитану, не то, что какой-то действительный камергер.

В общем, зажжённый в Кронштадте факел неприязни, разгорелся вскоре в неугасимый пожар.

***

Пожар вспыхнул во время стоянки у острова Святой Екатерины. В дальнейшем, согласно инструкции, «Надежде» и «Неве» следовало разойтись, и каждое судно должно было пойти своим маршрутом.

Николай Петрович как ответственное лицо, уполномоченное правлением Российско-Американской компании, послал на «Неву» её командиру Лисянскому предписание, касавшееся хозяйственных и экономических дел, за которые он отвечал. Вот тут-то моряки и решили отыгаться. Вместо того, чтобы принять к сведению и исполнению «наставления» Резанова, Лисянский вернул их камергеру с припиской, что они посланы «не по команде», то есть минуя Крузенштерна, хотя одновременно Резанов особым письмом капитан-лейтенанту уведомил его, что послал инструкцию Лисянскому и просил командира «Надежды» как старшего морского начальника передать Лисянскому свои предписания по морской части. Что тут началось!

Куда делась деликатность, воспитанность и тактичность капитан-лейтенанта Крузенштерна. Непредубеждённый командир не придал бы никакого значения это-

---

му инциденту и объяснил бы Резанову, что на флоте все распоряжения высшего начальства следует передавать только через командующего отрядом судов, в данном случае, через Крузенштерна. Но не тут-то было. Возмущённый несоблюдением субординации Крузенштерн послал Резанову, одно за другим, три письма! Хотя их каюты находились буквально рядом, вместо того, чтобы прийти и объясниться, командир «Надежды» начал официальную «переписку». В письмах Крузенштерн потребовал от Резанова объяснить, на каком основании камергер лишил капитан-лейтенанта прав начальника вверенной ему экспедиции и почему Резанов нарушает дисциплину.

Так Крузенштерн и Лисянский стали раздувать вспыхнувший скандал, который не стоил и «выеденного яйца», но оба командира не только не старались его погасить, но, наоборот, раздували его с каждым днём, забывая, что Резанов был не только императорским посланником, то есть почётным пассажиром, но и ответственным лицом, облечённым правами, которые давали ему рескрипт Александра I и инструкция правления Российско-Американской компании.

Не выдержав придинок Крузенштерна, Резанов обратился 25 декабря 1803 года с письмом к директорам Российско-Американской компании: *«С сердечным прискорбием должен я сказать вам, милостивые госуда-ри, что г.Крузенштерн преступил уже все границы повиновения: он ставит против меня морских офицеров, и не только не уважает сделанные вами мне доверенности, но и самые высочайшие поручения за собственноручным Его Императорского Величества предписания, мне данные, не считает для исполнения*

своего достаточными. Он отозвался, что не следует Лисянскому принимать от меня никаких повелений, так как он главный начальник, и что мое дело сидеть на корабле до Японии, где он знает, что поручено мне посольство. Крузенштерн взял себе в товарищи гвардии подпоручика Толстого, человека без всяких правил и не чтущего ни Бога, ни власти, от него поставленной. Сей развращенный молодой человек производит всякий день ссоры, оскорбляет всех, беспрестанно сквернословит и ругает меня без пощады – и вот положение, в которое ввергло меня беспредельное мое к службе усердие».

Началась хорошо организованная травля Резанова: офицеры над ним издевались и, когда он проходил мимо, ему плевали в спину. Надо удивляться тому мужеству, стойкости и силе воли, с которыми этот убитый личным горем человек, истерзанный недружелюбием моряков, с расстроенными нервами, боролся с неслыханной дерзостью офицеров и нескрываемой злобой командиров «Надежды» и «Невы», перенося всё во имя поставленной перед ним цели, которая стала смыслом его жизни. Но это терпение держалось в нём до поры и времени. Как в котле, в нём поднимались пары, и вот-вот котёл должен был взорваться.

Взвинченный до предела таким положением, Резанов написал 29 января 1804 года графу Румянцеву: «...мы ожидаем теперь благоприятного ветра, но когда пойдём, донести не могу по неповиновению г.Крузенштерна, не говорящего со мной ни слова о его плавании. Не знаю, как удастся мне совершить миссию, но смею вас уверить, что дурачества его не истощат моего терпения, и я решил все вынести, чтобы только достигнуть успеха».

***

Суда благополучно миновали мыс Горн с его свирепыми ветрами и направились к Маркизским островам. Из-за появившейся на «Надежде» течи Крузенштерн предложил сократить путь и идти прямо на Камчатку, сдать там грузы, а уже потом отправиться с миссией в Японию. Посланник Резанов «охотно согласился последовать благоразумному совету опытного морского офицера».

Наконец-то на горизонте увидели контуры Маркизских островов – добрались до середины Тихого океана. 25 апреля 1804 года бросили якорь у острова Нукагива. Тот же час «Надежду» окружили пироги туземцев, предлагавших свой товар на обмен. Крузенштерн и Резанов распорядились обменивать взятые для этого с собой вещи на кокосовые орехи и другие съестные припасы, а потом начали выменивать у дикарей их предметы быта и оружие для коллекций императорских музеев. Но и тут Крузенштерн устроил Резанову обструкцию – прилюдно запретил ему заниматься обменом и отобрал всё, что камергер смог выменять ранее. Обстановка стала накаляться. Возмущённый такой наглостью Крузенштерна, Резанов 2 мая, увидев на шканцах капитан-лейтенанта, сказал ему:

– Не стыдно ли вам так ребячиться и утешаться тем, что не давать мне способов к исполнению на меня возложенного?

Крузенштерн вдруг взорвался и закричал на камергера:

– Как вы смеете мне сказать, что я «ребячусь»?

– Так-то, сударь, – ответил Резанов, – весьма смею, как начальник ваш.

– Вы начальник? Может ли это быть? Знаете ли, – кричал разъярённый капитан-лейтенант, – что я поступлю с вами, как не ожидаете?

– Нет, не знаю. Не думаете ли и меня на баке держать, как Курляндцева? Матросы вас не послушают, и я сказываю вам, что если коснетесь только меня, то чинов лишены будете. Вы забыли закон и уважение, которым вы и одному чину моему уже обязаны. (*)

Не желая больше выслушивать дерзости Крузенштерна, оскорблённый и расстроенный случившимся, Резанов удалился в свою каюту, но немного спустя к нему ворвался, как бешеный, капитан-лейтенант и закричал:

– Как вы смели сказать, что я «ребячусь»? Знаете, что есть шканцы? Увидите, что я с вами сделаю! (*)

Это, конечно, был верх дерзости и хамства Крузенштерна: посланник императора был представителем государства на судне и неприкосновенной личностью, а уж по чину был на три ступени выше в «Табели о рангах», да и по инструкции был назначен начальником над экспедицией.

Переутомлённый долгим плаванием и однообразием службы, Крузенштерн уже не мог переключиться на более достойное дело. У него в мозгу засела, как заноза, одна мысль, вернее, одно слово - «ребячиться». В нормальной обстановке любой человек отреагировал бы спокойно, но заведённый уже с самого начала, как пружина, Крузенштерн не мог остановиться. Пружина должна была или раскрутиться, или лопнуть.

Видя буйство капитан-лейтенанта, Резанов позвал к себе надворного советника Фоссе, титулярного советника Брыкина и академика Курляндцева, которого до этого Крузенштерн посадил на бак под арест. Резанов приказал им, как своим прямым подчинённым, находиться у него в каюте и защищать его от оскорбительной наглости Крузенштерна.

***

Командир «Надежды» не успокоился на этом и отправился на «Неву» звать на помощь Лисянского. Вскоре он вернулся сильно возбуждённый и закричал на шканцах:

– Я его прочу!

Спустя некоторое время с «Невы» прибыли Лисянский и мичман Мориц Берг.

Дальше – больше! Крузенштерн собрал весь экипаж «Надежды» и объявил со шканцев, что камергер Резанов – самозванец. Многие стали кричать и оскорблять Николая Петровича, который от изнурительного перенапряжения нервов лишился чувств, и его отнесли в каюту. Но и там ему не было покоя. Буйствующая толпа, а иначе их не называть, решила *«вытащить его на шканцы к суду»*. Гвардии поручик граф Толстой, составлявший свиту Резанова, но оказавшийся первым бунтарём, бросился угодливо исполнять решение толпы, но, зная его буйный характер и опасаясь за жизнь посланника, его схватили и удержали, а взамен послали лейтенанта Рамберга.

Войдя в каюту, Рамберг обратился к Резанову с требованием:

– Извольте идти на шканцы. Офицеры обеих кораблей вас ожидают.

Измученный происшедшим, лежа почти без сознания, Резанов отказался следовать за Рамбергом. И тут снова вбежал в каюту Крузенштерн и закричал:

– Я требую от вас прочтения инструкции, потому что оба корабля оказались в неизвестности о начальстве. Я не знаю, что делать!

Тогда, чтобы покончить с этим возмутительным делом, Резанов решил выйти на шканцы с высочайшим рескрип-

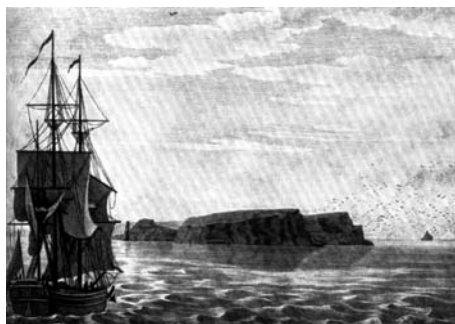

том и инструкцией. Когда он прочёл эти документы, то в ответ услышал хохот некоторых офицеров. Раздался чей-то вопрос:

– Кто подписал?

– Не знаю, – сказал посланник, не желая отвечать на столь глупый вопрос.

– То-то! – закричал Лисянский, – Мы хотим знать, кто подписал? А подписал – тот; мы знаем, что он все подпишет.

Вид на остров Св. Георга.

Рис. Г. Лангсдорфа.

Резанов был ошеломлён такими невероятными речами и неслыханными по дерзости словами, произнесёнными русским офицером. Снова начался шум и раздались крики. Офицеры стали подходить к Резанову и заявлять ему:

– Ступайте, ступайте с вашими указами! Нет у нас начальника, кроме Крузенштерна.

А лейтенант Ратманов, сквернословя, бросил в лицо камергеру:

– Ещё он – прокурор, а не знает законов, где объявлять указы. Его, скота, заколотить в каюту! – Лейтенант стал ругать «по матерну» Резанова.

Только один лейтенант Пётр Головачев не участвовал в этой вакханалии. Он пытался урезонить своих товарищей, но всё было тщетно. (*)

Резанов, оскорблённый и униженный перед всеми офицерами и рядовыми, больше не мог выдержать. Та-

---

кого ещё не бывало в российском флоте. Какая-то дикая, безумная оргия. Истерзанный и истомлённый всеми этими выходками, Резанов удалился в свою каюту. Более он не покидал её до самого Петропавловска. В пути от Нукахивы длиной в несколько тысяч миль он находился в небольшом пространстве своей каюты, перенося ужасный тропический зной и страдая от духоты, но имея спокойствие и уединение от ненавидящих его офицеров. Лишь кавалеры его свиты и учёные проводывали своего начальника, да лейтенант Головачев приходил к нему, но и это закончилось трагедией.

Офицеры стали травить Головачева и обвинять в измене. После одного из жарких споров в кают-компании Пётр Головачев попытался в который уже раз отрезвить зарвавшихся офицеров и вразумить, что они нарушили правила чести русского дворянства и этику взаимоотношений. Но в ответ раздались упрёки и саркастический хохот.

– Мне стыдно за вас! – сказал лейтенант и вышел.

Через несколько минут до кают-компания донёсся выстрел. Все бросились в каюту Головачева. Он лежал на полу мёртвым и держал в руке ещё дымящийся пистолет...

Затравленный Николай Петрович, чувствуя полный упадок сил и сильнейшее нервное расстройство, в основном, лежал. Он стал раздражительным и вспыльчивым. Временами у него вдруг возникали нервные вспышки, он начинал кричать и ругать своего слугу Сашку, иногда и поколачивал его, а то и бил нещадно.

Крузенштерн запретил судовому врачу помогать несчастному больному, и только биолог Георг Лангсдорф, сведущий в медицине, оказывал Резанову посильную помощь, спасая его от нервных срывов. Однажды в каюту

камергера вошёл без стука граф Толстой и снова стал что-то говорить Резанову. Посланник не выдержал и закричал ему:

– Пошёл на ... Если ещё раз придёшь, я велю посадить тебя головой в нужник, – и в Толстого полетел морской сапог.

4 июля 1804 года «Надежда» пришла в Петропавловск.

Провал миссии

По прибытии на Камчатку Резанов тотчас съехал на берег и поселился в доме командира Петропавловского порта, чтобы быть подальше от тех, кто его оскорблял и унижал в течение года. Началась разгрузка судна, но и здесь Крузенштерн проявил свой норов: он запретил матросам разгружать товары, принадлежащие компании, даже когда Резанов предложил оплатить работу.

После выгрузки Николай Петрович распорядился часть товаров передать гарнизону Петропавловска и многим бедствующим жителям, не требуя платы.

На второй день после прибытия «Надежды» Резанов с эстафетой послал письмо ближайшему административному начальнику – коменданту города Нижне-Камчатска генерал-лейтенанту Кошелеву: *«Имею я крайнюю нужду видеться с вашим превосходительством и по высочайше вверенным мне со стороны государя императора поручениям получить нужное от вас, как начальника края, пособие. У меня на корабле взбунтовались в пути морские офицеры. Вы не можете себе*

представить, сколь много я вытерпел огорчения и насилу с буйными умами дойти до отечества. Скольни прискорбно мне, соверша столь многотрудный путь, остано-

Панорама японских островов.

Рис. Хиросигэ.

вить экспедицию, но при всем моем усердии не могу я исполнить японского посольства и особливо, когда одне наглости офицеров могут произвести неудачу и расстроить навсегда государственные виды. Я решил отправиться к государю и ожидаю только вас, чтобы сдать, как начальствующему краем, всю вверенную мне экспедицию».

После этого Резанов написал несколько писем: императору, директорам компании, графу Румянцеву и другим официальным лицам, рассказав о недостойном поведении офицеров судов.

Но и враждебно настроенные командиры не дремали. Крузенштерн написал жалобно-требовательные письма графу Румянцеву, адмиралу Чичагову и особенно пространное послание императору. В письме Александру I Иван Фёдорович в ультимативной форме заявил, что «будет противодействовать всем попыткам Резанова вмешиваться в его руководство плаванием и никогда не согласится признать правомерность инструкции посланника».

Не отставал от своего начальника и Лисянский. Он также написал послание морскому министру Павлу Чичагову: *«Предпринявши вояж вокруг света под командой моего друга, я токмо ожидал минуты сего важного предмета, но в островах Маркизских все превратилось в мечту. Там г. Резанов объявил нам публично, что он есть наш начальник. Рисковавши ежеминутно жизнью для славы нашего Государя и Отечества, невозможно ли нам было ожидать командующего столь важной экспедиции, который пред сим не видел почти моря».*

Вслед пошли письма Лисянского в правление Российско-Американской компании и к министру коммерции графу Румянцеву с просьбой уволить его от командования «Невою» *«или исключить из повеления того, от которого, кроме несчастного конца всех наших трудов, ничего ожидать невозможно».*

В августе в Петропавловск прибыл с военной командой генерал-лейтенант Кошелев, который начал следствие по делу офицеров-бунтовщиков. Оно длилось около недели.

***

Генерал Кошелев вначале приступил к допросу офицеров, начиная с младших – мичманов и подпоручиков, и так, от чина к чину, дошёл до Крузенштерна.

Войдя в комнату, где производился допрос, который шёл в присутствии Резанова, Крузенштерн представился, назвав себя начальником экспедиции.

– Когда и почему, господин капитан-лейтенант, вы начали проявлять своё недружелюбие к начальнику экспе-

---

диции действительно камергеру и посланнику Резанову? – задал первый вопрос генерал.

Крузенштерн был хмур и глядел исподлобья на вопрошавшего Кошелева. Немного подумав, он ответил:

– После Бразилии, где господин камергер пытался присвоить себе право командовать экспедицией.

– А у меня есть сведения, что это началось ещё на Кронштадтском рейде, когда вы впервые узнали из данной вам инструкции, что генеральное начальство экспедицией возложено на господина камергера как одного из директоров компании, организовавшей и оплатившей экспедицию, и у вас есть этому подтверждение – прибавление к параграфу шестнадцатому вашей инструкции. Вы его читали? – снова задал вопрос Кошелев.

– Да, читал, но, согласно «Морскому уставу», на корабле не должно быть двух начальников, должно быть единоначалие и соблюдение корабельной дисциплины... – отрезал Крузенштерн.

– Вы читали инструкцию и дополнение? – перебил его Кошелев. – Или вы не знаете русского языка, а только немецкий? Так вам это дополнение сейчас переведёт Георг Лангсдорф.

– Я читал...

– Там же чёрным по белому написано, что руководит экспедицией господин камергер как представитель компании, а вы назначены начальником по морской части и управлению судном. Не так ли?

Крузенштерн ещё больше нахмурился: он не ожидал такой цепкости от генерала. Он промолчал.

– Ваше молчание свидетельствует, что вы умышленно возбудили всех офицеров к неподчинению исключитель-

---

но из корыстных побуждений. Хорошо, этот вопрос мы выяснили. Теперь ответьте, на каком основании вы обвинили господина посланника в неподчинении и нарушении дисциплины?

– Господин Резанов не хотел подчиняться требованиям «Морского устава», – ответил Крузенштерн, снова хватаясь за этот свод законов, как за спасительную соломинку. Но генерал Кошелев не давал ему отбиться пустыми формальностями, он строго сказал капитан-лейтенанту:

– Вот перед вами на столе лежит книга «Морского устава», взятая с «Надежды», которой вы командуете. Я внимательно прочёл все пункты касательно дисциплины на корабле. Покажите мне, какую статью или параграф устава нарушил господин Резанов, и за что вы его хотели посадить в кутузку на баке, а потом устроили судилище.

Крузенштерн понимал, что ссылка на то, что его, командира корабля, распоряжения Резанов назвал «ребячеством» – это для следствия не доказательство, и он ответил:

– Если лицо, пребывающее на корабле, как и любой член экипажа, не выполняет распоряжений командира, то он имеет право посадить нарушителя под арест.

– Тогда я вам напомню, – сказал ему генерал, – что, действительно, воля капитана на судне – закон, но она касается только морской части, а не хозяйственных дел компании. Господин Резанов, как мне известно из показаний свидетелей, послал свои рекомендации лейтенанту Лисянскому именно по коммерческой части, а не по морской, а это – как раз его право, записанное в инструкции компании и рескрипте императора. И вот из-за этой мелочи вы, командир корабля, русский офицер, устроили скандал и травлю лица выше вас на три чина?

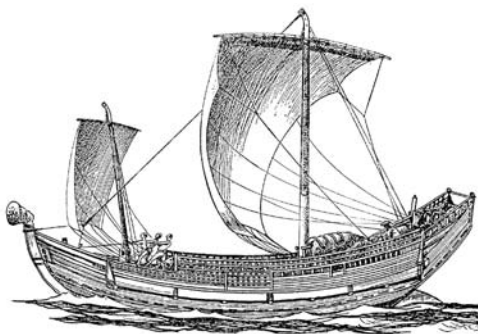
Капитан-лейтенант молчал, ему нечего было возразить генералу, а дотошный Кошелев донимал его новыми вопросами:

– Скажите, господин капитан-лейтенант, камергер Резанов вмешивался в ваши дела по морской части? Он поднимал бунт на корабле или подстрекал офицеров и рядовых матросов к неповиновению? Он совершал какие-либо действия, которые могли привести к аварии или гибели судна, гибели людей или порче груза? Есть в шка-
нечном журнале «Надежды» такие записи?

– Нет, – коротко ответил Иван Фёдорович.

– Тогда за что же вы преследовали и травили господина Резанова? Ведь только в случаях, перечисленных мной, вы имели право его арестовать и даже предать офицерскому суду.

Крузенштерн совсем сник. Он почувствовал, что генерал всё более сжимает его в тисках закона. Его надежда, что этот сухопутный генерал не разбирается в морских законах, не оправдалась. Генерал проявил основательные знания их, на то он и был административным начальником этого края. Передохнув мину-
ту-другую, генерал Кошелев, не дав ему прийти в себя, снова насадил на Крузенштерна с вопро-
сами, которые, как почувствовал капитан-лейтенант, всё более приближали его к пропасти.

Японское торговое судно.

Тендер под полными парусами.

– Теперь ответьте мне, кто вам дал право непочтительно, даже дерзко, а ещё точнее сказать – по-хамски обращаться с полномочным посланником России и императора? Вы что, не знали, что господин Резанов был на судне не только представителем компании и начальником экспедиции, но и послом, выполнявшим по заданию императора государственные дела? Вы что, не знали, а может, вы действительно «ребячились», что полномочный посол есть персона неприкос-

новенная и представляет лицо государства? Вы должны были защищать господина Резанова, а вы не только сами оскорбляли, но и подстрекали других его оскорблять, более того, дерзнули угрожать государственному посланнику заточением и судом! Вы что, были не в своём уме?

Крузенштерн, спохватившись, попытался что-то возразить, но возражать-то было нечего, и он стоял, чувствуя всё более, что тонет в вопросах, как в морской пучине, и нет никакого предмета, чтобы за него ухватиться и хоть немного удержаться на плаву. А генерал Кошелев всё более сжимал свои «объятия»:

– Господин капитан-лейтенант, вас учили в корпусе дворянской этике и офицерской чести или вам это не требуется? Вы что, выше всего этого?

– Да, нам прививали эти понятия, – ответил совсем «выбитый из себя» Крузенштерн.

– Так почему же вы сами допустили хамство по отношению к русскому родовитому дворянину, имеющему высший чин, который по «Табели о рангах» равносителен чину полковника в армии и гвардии или капитану первого ранга во флоте? Вы бы позволили какому-нибудь юнцу-мичману разговаривать и вести себя по-хамски с вами, тем более на борту судна, где вы начальствуете?

– Нет, – ответил Крузенштерн.

– А как же вы позволили так ставить себя по отношению к должностному лицу, которое на три чина старше вас и на четыре чина старше всех ваших мичманов и подпоручиков?

И тут Крузенштерн ухватился за спасительную соломинку:

– Это всё затеял гвардии подпоручик граф Толстой...

– Почему же вы его не остановили и не призвали к порядку?

– Так он же граф! – произнёс в надежде Крузенштерн, но это никак не подействовало на генерала:

– Вы что, не знаете, что в армии, на флоте и на гражданской государственной службе нет ни графов, ни князей, ни баронов? Есть только чины и должности, а графы и герцоги – это во дворцах. – Генерал стал ещё более суровым и не сдержался: – Это у вас в Чухляндии или, как её там, – Эстляндии – каждый пруссак считает себя бароном и изгаляется над несчастными чухонцами. А вы – в России, и русские – не чухонцы. Как вы посмели так публично, да ещё при нижних чинах, позорить русского дворянина, приближённого к царю?

Генерал Кошелев решил раз и навсегда сбить спесь с этого прибалтийского немца, уже возомнившего себя

«русским Магелланом» и царём и богом в океане, которому всё сойдёт с рук – жаловаться было некому, вокруг на тысячи миль безбрежный океан, а он – Крузенштерн – хозяин над людьми.

Крузенштерн совсем сник, а генерал добивал его:

– Только за это ваше хамство вас надо было бы вызвать на дуэль. Но вы знали, что посланник этого не сделает, потому что император запретил дуэли, и он, господин Резанов, не мог вас вызвать – ему надо было завершить дипломатическую миссию в Японии. Если бы не запрет императора, то я бы вас за ваши прегрешения вызвал на дуэль, и, поверьте, вы бы не успели и поднять пистолет, как пуля засела бы у вас в сердце – я стреляю без промаха!

Выплеснув накопившиеся за время следствия эмоции, генерал немного успокоился и продолжал:

– Ну, вот и последний мой вопрос к вам, господин капитан-лейтенант. Как вы допустили бунт на вверенном вам корабле? И не только допустили, но побуждали к бунту. И кого – офицеров! Вы что, забыли статьи «Морского устава», на который вы ссылаетесь? Вы знаете, что полагается командиру корабля, допустившему бунт?

– Да, разжалование в рядовые.

– А что будет с вами, если вы сами подняли мятеж на корабле и подбили своих офицеров! В лучшем случае вас ждёт разжалование, в худшем – каторга с кандалами на ногах да в сибирских рудниках.

Иван Фёдорович Крузенштерн понял, что он идёт камнем на дно, и ему стало страшно, страшней, чем в бурю на шканцах в борьбе с ветром и волнами.

***

На следующий день генерал Кошелев снова вызвал к себе Крузенштерна и в присутствии Резанова заявил ему:

– Господин капитан-лейтенант, я внимательно изучил все ваши ответы на мои вопросы, а также все протоколы допроса офицеров и свидетелей. Из них неотвратимо следует, что вы многократно нарушали законы Российской империи, статьи «Морского устава» и правила дворянской и офицерской чести. За это вас надо предать Морскому суду. Со мной прибыла караульная команда. У вас есть два выхода из этого тяжёлого положения: или вы публично, вместе со своими офицерами-бунтовщиками, приносите свои извинения и клятвенно пообещаете, что ваши дерзкие выходки более не повторятся, и тогда, если господин Резанов согласится, мы замнём это дело. Ежели вы этого не сделаете и не придёте с повинной, то я отрешу вас от командования судном и отправлю под конвоем в Охотск, а оттуда – в Иркутск, откуда генерал-губернатор по этапу переправит вас в Петербург, где вы предстанете пред Морским судом. Решайте! Я даю вам сутки на обдумывание.

Убитый совершенно нарисованной перспективой, капитан-лейтенант, не задумываясь, ответил:

– Ваше превосходительство, я прошу вас не давать делу ход, а покончить его миром. Я полностью готов принести посланнику свои извинения. И офицеры тоже. Я осознал свои ошибки и раскаиваюсь в них.

8 августа Иван Фёдорович Крузенштерн вместе с офицерами обоих судов явился в полной парадной форме к Резанову на квартиру и в присутствии генерала Кошеле-

---

ва принёс камергеру от себя лично и от офицеров извинения и сожаления о случившемся.

В этот же день Резанов написал генералу Кошелеву:

«Милостивый государь мой, Павел Иванович!

Хотя и препроводил я к Вашему превосходительству при отношении моем о неприятных со мною в море происшествиях записку с тем, чтобы Вы, милостивый государь мой, справедливость оной через всех чиновников и экипаж корабля «Надежда» исследовав, доложили Его Императорскому Величеству; но как раскаяние господ офицеров, в присутствии Вашем принесенное, может быть мне вперед порукой в повинении их, а польза Отечества, на которую посвятил я уже всю жизнь мою, ставит меня выше всех личных мне оскорблений, лишь бы только успел я достичь моей цели, то весьма охотно все случившееся предаю забвению и покорнейше прошу Вас оставить бумагу мою без действия; о каком согласии всея веренной мне экспедиции верноподданейше донесу Его Императорскому Величеству».

После этого с борта «Надежды» высажен был возмутитель спокойствия экспедиции, дебошир и матерщинник, граф Толстой, «дурачества» которого продолжались и в Петропавловске, и мичман Берг. Выведенный окончательно из терпения его поведением, Резанов отправил его в Петербург для сдачи на руки «по начальству». Одновременно 18 августа посланник отправил письмо генерал-губернатору Селифонтову, в котором писал: *«Я возвращаю также лейб-гвардии Преображенского полка подпоручика графа Толстого, раздоры во всей экспедиции посеявшего, и всепокорнейше прошу ваше превосхо-*

дительство, когда прибудет он в Иркутск, то принять начальничьи меры ваши, чтоб он не проживал в Москве и действительно к полку явился. Я доносил уже из Бразилии Его Императорскому Величеству о его шалостях и что исключил я его из миссии, а ныне повторил в донесении моем».

Вместо графа Толстого в качестве кавалера миссии был взят на борт брат нижнекамчатского коменданта поручик Дмитрий Иванович Кошелев, а с ним – семь человек рядовых под командой капитана Федорова. Генерал настоял взять с собой солдат под предлогом почётного эскорта посланника, а главным образом – держать в узде офицеров и Крузенштерна, если вдруг они снова «расшались».

26 августа 1804 года «Надежда» взяла курс на Японию.

***

15 сентября показались берега Японии. В этот день был всероссийский праздник – День Коронации императора Александра I.

Камергер Резанов в полдень собрал на палубе офицеров и матросов «Надежды», а также всех сопровождающих его лиц. Со шканцев он, раздав медали, обратился с яркой речью к собравшимся:

«Россияне! Обошед вселенную, видим мы себя, наконец, в водах японских! Любовь к отечеству, мужество, презрение опасностей – суть черты российских мореходов; суть добродетели, всем россиянам вообще свойственныя. Вам, опытные путеводцы, принадлежит и теперь благодарность ваших соотичей! Вы стяжали уже славу, которой и самый завистливый свет никогда лишит вас не в силах! Вам, достойные

сотрудники мои, предстоит совершение другого достохвального подвига и открытие новых источников богатств! А вы, неустрашимые чады морских ополчений, восхищайтесь успехом ревностного вашего содействия! Соединим же сердца и души наши к исполнению воли монарха, пославшего вас, монарха, столь праведно нами обожаемого! Итак, благодарность к августейшему государю нашему да одушевляет все наши чувства. День сей, друзья мои, знаменит в отечестве нашем; но он еще будет знаменитее тем, что сыны его в первый раз проникли в пространства империи Японской, и победоносный флаг России ознаменовывается с водами нагасакскими. Уполномочен будучи от великого государя нашего быть свидетелем подвигов ваших, столь же лестно мне было разделять с вами и опасности, сколь приятно мне изъявить вам ту признательность, которая в недрах любезного нашего отечества всех нас ожидает. Празднуя в водах японских день Высочайшей Его Императорского Величества коронации, делаю я оный для заслуг ваших памятным. Зрите здесь изображение великого государя (Резанов поднял медаль), примите в нем мзду вашу и украсьтесь сим отличием, беспредельными трудами и усердием приобретенным. Помните всечасно, что оно еще более обязывает вас к строгому хранению долга, коим славны предки ваши, и в восторге славы благословляйте царствование, в которое заслуги последнего подданного и в самых отдаленных пределах света пред монаршим престолом никогда незабвенны».

После этого всем рядовым выдали из сумм компании по серебряному рублю. Офицеры и посланник опустились в кают-компанию, которую по такому торжественному

случаю разукрасили развешенными флагами, пистолетами, ружьями и вымпелами. Резанов первый произнёс тост за здоровье императора, после чего слово взял Крузенштерн и предложил выпить за здоровье посланника и за успех посольства. Офицеры «Надежды» устроили Резанову шумную овацию и под крики «Ура!» начали подбрасывать его на руках. И куда только делся их гонор? Все присмирели и признали, что главным во всём этом предприятии был камергер, а они – моряки – лишь исполнители, которым доверили такое важное и опасное дело. И настал мир...

А 19 сентября у берегов Японии случилось сильнейшее землетрясение, которое породило всеуничтожающую волну «цунами» и свирепый «тайфун». «Надежда» выдержала бурю, хотя и получила значительные повреждения. Через несколько дней, 26 сентября, судно бросило якорь на внешнем рейде японского города Нагасаки.

После сигнального выстрела из пушки на судно прибыл японский портовый чиновник. Резанов вручил ему записку на голландском языке, с которым портовые власти были знакомы, поскольку в Нагасаки была уже голландская фактория: *«От великого императора всея России к его тензикубосскому величеству, великому императору японскому камергер Резанов отправлен послом для поднесения его величеству даров и возвращения четырех человек его подданных. Отправился из престольного города Санкт-Петербурга 26-го минувшего года и прибыл сюда 26-го настоящего года. Просит японское правительство о присылке лоцмана для прохода корабля в Нагасакскую гавань»*

Прибыли новые чиновники и лоцман с ними. Он по-
мог провести «Надежду» ко входу в бухту, но далее – не-
льзя. Снова бросили якорь. Японские чиновники велели
ждать и запретили стрелять из пушек. Когда они отпра-
вились, Резанов вручил им новую записку: *«Великого
российского императора посланник благодарит пра-
вительство великия Японския империи за высылку
навстречу судна чиновниками и показания якорного
места, где фрегат по назначению и стал на якорь по-
полудни в 7 часов, а между тем покорнейше прошу,
чтоб завтрашнего утра ранее позволить втянуться
в Нагасакскую гавань»*.

В девять часов вечера на рейде появилось множество
джонок, а с ними большое судно, освещённое ярко и ук-
рашенное разноцветными фонарями. Вскоре судно при-
чалило к «Надежде», и на борт поднялись важные уполномо-
ченные от губернатора провинции. С ними было трое
переводчиков и столько же голландцев. Взойдя на шкан-
цы первыми, трое переводчиков, схватившись за колени
и приседая, отвесили по японскому обычаю поклоны,
сколько их надо было по ритуалу. Они со шканцев осмот-
рели судно и удивились «военному этикету», а ещё более
– двум караульным ростом с морскую сажень, которые
стояли у входа в каюту посланника.

Войдя в каюту, два младших переводчика пали ниц на
палубу и так лежали, а старший, после восточных цере-
моний, сообщил Резанову, что прибыли уполномоченные
губернатора. Камергер попросил привести их.

Через некоторое время в каюту вошли уполномочен-
ные с теми же переводчиками и сразу же спросили:

– Согласен ли русский посол повиноваться японским
обычаям?

– Весьма приятно для меня, – ответил Резанов, – исполнять обряды дружеской державы, если не будут они величию государства моего предосудительными.

Резанов, зная восточные ритуалы, особенно японские, не хотел допустить с самого начала унижения русского посланника, видя в этом унижение для самого российского государства, поэтому и ответил так уклончиво, как и положено дипломату в подобной ситуации.

Японцы быстро переговорили между собой, и младший пошёл на палубу за голландцами. Это было для японской стороны как дополнительный козырь в дипломатических переговорах – голландцы уже давно «были в дружбе» с японцами, торгуя с ними. Вскоре вошли голландцы, и начались вновь процедуры японской вежливости.

Директор голландской фактории Дёфф со своим секретарём и капитаном голландского судна также схватились за колени и нагнулись по пояс и так стояли, пока старший переводчик не разрешил им встать. Младшие переводчики снова пали ниц перед уполномоченным и его свитой, пока старший вёл с ними переговоры:

– Господин посол. Вам странны обыкновения наши, но всякая страна имеет свои, а мы голландцев имеем издревле друзьями, и вот вам доказательство их доброго к нам расположения. Согласны ли вы ему следовать?

– Нет, – ответил Резанов, – ибо почитаю слишком японскую нацию, чтобы начинать нам дело безделицами, а обыкновения ваши, если они издревле с голландцами состоялись, нимало для меня не удивительны. Но у нас они другая, и при том они также непоколебимо сохраняются.

– Согласны ли вы отдать порох, ружья и шпаги, из коих одна вашей особе предоставится? – спросили японцы.

– Весьма охотно, – ответил камергер, – кроме шпаг офицерских и ружей моему караулу.

Японцы не согласились с ним, ссылаясь на голландцев, которые выполняют это требование.

– Я не могу с вами согласиться, потому что «Надежда» – это военное судно, а голландский директор есть представитель купеческого общества, даже ежели он и посол. А я – посол императорский, и лишение офицеров шпаг равносильно лишению шпаги меня, а это задевает честь моего государства.

В дело вмешались голландцы, пытаясь убедить Резанова принять условия японцев, но посол твёрдо стоял на своём и в заключение переговоров сказал им:

– Надеюсь, что уполномоченные передадут мои соображения губернатору, который, вероятно, сам найдёт требования мои справедливыми. (*)

Японцы обещали дать ответ не позже, чем через три дня. Прощаясь с японцами, Резанов попросил о присылке на судно провианта. На следующий день после прибытия «Надежды» в Нагасаки, 27 сентября, японцы прислали на судно провизию, но от денег отказались. Вскоре показалось большое судно в сопровождении мелких, на котором прибыли представители губернатора. Переводчики передали требование, чтобы посол вышел встречать представителей губернатора, но Резанов отказал им, понимая, что в противном случае последуют и другие унижительные для России условия. Переводчики ушли, а затем вернулись, но уже с губернаторскими представителями.

И начались долгие восточные переговоры.

Японцы разрешили сохранить шпаги офицерам и ружья караулу, а потом потребовали показать им грамоту

Александра I, адресованную японскому императору. Но тут снова нашла коса на камень – Резанов отказался показывать писаную золотом грамоту, а вручил им копию на японском языке. После отъезда японцев, к вечеру, к «Надежде» подошло около семидесяти лодок и потащили к острову Паненбергу, где судно бросило якорь. Потом его окружили сторожевыми лодками, на которых было пятьсот человек караула. Сходить на берег россиянам отказали, торговать и покупать у японцев что-либо запретили и подарков от экипажа судна не принимали. «Надежда», по существу, оказалась в плену – без ружей, пороха и другого оружия.

***

Как говорится на Руси, «Быстро сказка сказывается, но не скоро дело делается».

«Надежда» всё ещё стояла в порту Нагасаки. Тянулись переговоры, а дело не приближалось. Резанов сильно занемог: сказался год плавания в океанах, холода и жары, штормы и шквалы, сырость и неуютность корабельных условий, да к этому ещё и плохая пища, недостаток естественных припасов, всё солонина да квашеная капуста, а к тому же добавились дрязги и травля со стороны офицеров да волнения, связанные с дипломатической миссией. У посланника оказались совсем расстроеными нервы, приведшие к неврастению; подагра скрутила ему ноги, кожа покрылась нервной сыпью, цинга поразила рот, а голова стала лысеть.

Едва удалось уговорить японцев, чтобы те выделили клочок земли у берега. Японцы тут же обнесли его высоким забором со всех сторон, а ворота закрыли на замок.

Посланника поселили в маленьком домике внутри этого «загона». Японцы под разными предложениями затягивали начало переговоров. Наконец, 30 марта 1805 года японцы прислали целую делегацию за ним и его свитой. Резанова усадили в большие крытые носилки, нечто вроде европейского портшеза, слуги подхватили их на плечи и в сопровождении военного эскорта из самураев понесли во дворец губернатора.

После долгих взаимных церемоний вежливости важный японский губернатор через переводчиков велел передать российскому посланнику, что японский император не может принять подарков от русского царя, так как это нарушит законы двухсотлетней давности о полной изоляции Японии от внешнего мира. Русским морякам Страна Восходящего Солнца передаёт в дар продовольствие на два месяца и все необходимые материалы. Резанову были вручены грамоты, в которых российским кораблям навсегда запрещалось приставать к берегам Японии, а также впредь не допускаться никакие общения с голландскими судами в водах Японии и с их факторией.

Это был полный провал дипломатической миссии.

12 апреля 1805 года «Надежда» покинула гавань Нагасаки и взяла курс на Камчатку, а 5 июня судно отдало якорь в Петропавловске. Камергер Резанов сошёл на берег, чтобы в дальнейшем обследовать поселение на Алеутских островах и в Русской Америке, а «Надежда», взяв груз мехов и других ценных северных товаров, отправилась в Кантон для их продажи, а оттуда – домой, в Кронштадт, чтобы завершить это первое кругосветное плавание и где Крузенштерн ожидали почести и награды. Никто не узнал о его недостойном поведении по отноше-

---

нию к Резанову и о бунте офицеров – ведь все сведения были только в переписке, а эти документы тщательно упрятали в архивах министерств и в правлении Российско-Американской компании. Зачем выносить сор из избы?

Иван Фёдорович Крузенштерн стал национальным героем России, а Николай Петрович Резанов испытывал жестокие муки из-за провала его дипломатической миссии. Хотя он прекрасно понимал, что в провале нет его вины, но ему не становилось от этого легче.

ГЛАВА III

«ЮНОНА» И «АВОСЬ»

*О корабль, вот опять в море
несёт тебя
Бурный вал. Удержись!
В гавани якорь свой
Брось! Ужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже
Вёсла, – бурей твоя мачта
надломлена, –
Снасти страшно трещат, –
Скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать грозную
Силу волн?*

Гораций. «Оды».

На свидание с зарёй – на восток

Прибыв «берегом» (на почтовых дилижансах) в Санкт-Петербург, Николай Хвостов снова «не нашёл себя» на военно-морском поприще. Служба у него не заладилась: ему уже было более тридцати лет, а он всё ещё оставался лейтенантом. Возможно, сказывался характер: сочетание личной храбрости с буйной «весёлостью» и русской бесшабашностью. Хвостову, в силу его натуры, было «тесно» в узких рамках корабель-

---

ной службы, с её монотонностью, рутинностью, обязательной субординацией и строгим выполнением пунктов «Морского устава». Будучи по природе вольнолюбивым, Николай Александрович с трудом воспринимал кого-то старшим над собой и полагал, что его несправедливо задерживают в чинах. Да и его товарищи-моряки, подвыпив, частенько напоминали Николаю, что он «засиделся в лейтенантах, как красная девица в девках». Это его злило, и он искал выхода.

А тут и подвернулась возможность бросить эту постылую для него службу и обрести, наконец-то, желанную свободу. Дело в том, что правление Российско-Американской компании обратилось в Морское ведомство с просьбой объявить о вербовке офицеров для службы на Дальнем Востоке. Там, благодаря заботам Николая Резанова и других сибирских купцов, началось судостроение. Компании требовались суда для обеспечения колонистов в Русской Америке и вывоза оттуда пушнины и ворвани. А для этих судов нужны были опытные матросы и офицеры, да такие, которых не устроят отдалённость от центра России и бурное Охотское море. Там требовались люди «не робкого десятка». Хвостов был как раз из таких.

Узнав о предложении Резанова, Хвостов, который не видел для себя дальнейших перспектив в русском военном флоте, поступил на службу в Российско-Американскую компанию. Здесь он встретился с Гавриилом Давыдовым, который впоследствии стал его неразлучным соратником.

---

* * *

Гавриил Иванович Давыдов был на восемь лет младше Хвостова. Он поступил в Морской кадетский корпус в 1795 году. В следующем году его выпустили гардемаринном, и на транспорте «Цвей Брудер» он плывал из Кронштадта в Англию. В 1798 году Гавриила произвели в чин мичмана, явно передержав на положении гардемарина. Два следующих года Давыдов плывал на корабле «Иона» у берегов Англии и в Немецком море, в тех же краях, где бороздил пучину и Хвостов, но судьба не успела ещё их свести.

В 1802 году Гавриил Давыдов также завербовался на службу в Российско-Американскую компанию. Встретившись с Хвостовым, Гавриил почувствовал в старшем товарище единство духа и любовь к свободе. У обоих оказались близкие характеры, и они быстро сдружились.

Из Петербурга через всю Россию Хвостов и Давыдов направились на Дальний Восток, который был ещё далёким, необжитым и суровым краем. Они начали свой путь навстречу утренней заре ещё зимой, на санях, а закончили его летом, пробираясь с трудом на дрожках через глухие дебри по лесной дороге.

Наконец-то друзья достигли Охотска и, стоя на краю Земли, приветствовали Великий, но совсем не Тихий океан бурными излияниями души, а потом зашли в первый же охотский кабак и наполнили свои души сибирской водкой, настоянной на клюкве и кедровых орехах. Вскоре на шхуне «Святая Елизавета» Хвостов и Давыдов отправились на остров Кадьяк в гавань Святого Павла. Оттуда Николай на «Святой Елизавете» возвратился снова в Охотск, а с ним и его младший друг Давыдов. Срок контракта за-

---

кончился, и оба друга в 1803 году отправились «берегом» в Санкт-Петербург. Они прибыли в столицу, переполненные впечатлениями о красоте природы и дикой суровости океана. Их снова тянуло в эти края, и они ждали первой возможности, чтобы опять завербоваться в Русско-Американскую компанию, тем более, что следующие чины «не шли» к ним.

Но теперь оба друга считали себя опытными тихоокеанскими мореходами и решили вступить в эту компанию не простыми офицерами, а на правах акционеров.

В 1804 году Хвостова и Давыдова пригласили снова на службу в компанию, и они, став акционерами, завербовались на выгодных условиях: компания предложила Хвостову жалование 4000 рублей в год, а Давыдову – 3000 рублей, что было намного больше, чем они получали в военном флоте.

И снова два друга проделали трудный путь через всю азиатскую Россию и добрались до Охотска. Из этого порта на купеческом компанейском судне они перебрались в Петропавловск. Здесь в 1805 году Хвостов получил в командование построенное на компанейской верфи транспортное судно «Святая Мария», на которое мичманом был определён и его друг Давыдов. Из Петропавловска друзья отправились на «Святой Марии» в «столицу» Русской Америки – Ново-Архангельск. Так Николай Хвостов стал, наконец-то, командиром судна, а на корабле капитан – «второй после Бога». Он так хотел этого!

В Русскую Америку

В 1806 году лейтенант (всё ещё – лейтенант) Николай Хвостов получил в своё командование компанейское транспортное судно «Юнона», названное в честь древнеримской богини Луны – жены громовержца Юпитера и покровительницы женщин – весьма приятное название судна для Николая Александровича, который не против был владеть не только судном, но и представительницами «слабого сибирского пола». В этом же году Давыдова произвели в чин лейтенанта, о чём он ещё и не знал, и в мае назначили командиром на только что построенный компанейский же тендер со странным и лукавым названием «Авось», означавшим в русской разговорной речи «может быть» или «случайно» – весьма подходящее название для характера Гавриила.

Оба судна были куплены Резановым.

При всей внешней бесшабашности Давыдов, как и Хвостов, скрывал от всех чувствительную душу. Он был «немного поэтом» – втайне писал разные стихи, в основном, любовные и сатирические.

Однажды, когда «Юнона» шла в крепкий ветер по бурному Охотскому морю, а Давыдов был ещё на ней мичманом, лихой Хвостов не убавил паруса, а, наоборот, прибавил, чем вызвал не только восторг друга, но и очередной «поэтический взлёт» в душе Давыдова. Схватив со столика английское объявление о новых книгах, Гавриил перевернул его и быстро набросал на обороте:

*Хвостов в океанах,
Как будто тройками
На ухарских Иванах,
Нас на «Юноне» мчит,*

Чрез горы водяные,
Туманны мглы густые.
Грот, фок в корню имел.
В пристяжке лисель не жалея,
Дерёт – и пыль столбом летит,
Фок-мачту ломит, та трещит,
Грот-стенъга отказалась.
«Юнона» рассмеялась,
Другую с ростеров тащит.
И ночью ль, днём – у ведьмы одни шутки;
Хвостов съашкался с ней,
Морочит всех людей.
Поставим в срок! – кричит,
На стенъги, мачты – дудки!
Смотри, Хвостов, «Юнонины» бока
Чтоб не дали нам всем,
За смелость, тумака!

В этих непритязательных стихах – вся бесшабашная удаль Хвостова, но не отставал от своего друга ни в чём и Давыдов.

Девять вёдер французской водки

Обиженный несправедливой оценкой правительством его ретивой службы на «Надежде», Николай Петрович Резанов купил на Камчатке фрегат «Юнону» и тендер «Авось». Так судьба свела вместе энергичного и предприимчивого промышленника и камергера Резанова с храбрыми и бесшабашными лейтенантами – Хвостовым и Давыдовым.

Но вот незадача: лихие капитаны были не только смелыми и опытными мореходами, но и горькими пьяницами.

Не выдержав, Николай Петрович в сердцах написал секретное письмо министру коммерции:

«15 февраля 1806 года. Объясняя вам многие характеры, приступлю теперь к прискорбному для меня описанию г.Хвостова, главного действующего лица в шалостях и вреде общественном, и столь же полезного и любезного человека, когда в настоящих он правилах. В то самое время покупал я судно «Юнону» и коль скоро купил, то сделал его начальником и в то же время написал к нему мичмана Давыдова. Вступя на судно, открыл он то пьянство, которое три месяца к ряду продолжалось, ибо на одну свою персону, как из счета в его заборе увидите, выпил 9 ¹/₂ ведер французской водки и 2 ¹/₂ ведра крепкого спирту, кроме отпусков другим, и, словом, споил в кругу корабельных подмастерьев, штурманов и офицеров. Беспремерное его пьянство лишило его ума, и он всякую ночь снимался с якоря, но к счастью, что матросы всегда пьяны...»

Это-то в феврале! В Охотском море, где свирепствуют зимние штормы и ураганы, а море сразу же превращает судно в плавающую льдину, идущую на дно со всем экипажем.

Но вот и проблески удовлетворения в очередных письмах Резанова: *«17 июня 1806 г. Здесь видел я опыт искусства лейтенанта Хвостова, ибо должно отдать справедливость, что одною его решимостью спаслись мы и столько же удачно вышли мы из мест, каменными грядами окруженных».*

И Резанов и далее отдаёт справедливость мужеству, смелости и опыту своих капитанов: *«Я должен отдать справедливость искусству гг. Хвостова и Давыдова, которые весьма поспешно совершали рейсы их...»*

А это потому, что они шли в море при любой погоде и мчались по бушующему океану на всех парусах, рискуя погибнуть, но долг и честь были для них превыше всего. На «Юноне» в сопровождении тендера Николай Петрович, уже как владелец их, отправился в инспекционный вояж по российским владениям в Америке, где в каждом поселении были представители Российско-Американской компании. Он посетил русские городки на Аляске и Алеутских островах. Его впечатления были ужасными: год был неурожайным, поэтому скудные овощи (репа да брюква с капустой) и рожь помёрзли от внезапно упавших холодов. Поморы едва не голодали, спасала рыба да зверь, да водоросли.

А нравственный облик и образ жизни поселенцев привел Резанова в ужас. В отчаянии он пишет императору: *«16 августа 1807 г. Я должен так же Вашему Императорскому Величеству представить замечания мои о примерном здесь уменьшении народа. Еще более препятствует размножению жителей недостаток женского полу. Здесь теперь более нежели на 30-ть человек по одной женщине. Молодые люди приходят в отчаянье, а женщины разными по нужде хитростями вовлекаются в распутство и делаются к деторождению неспособными».*

Резанова по-прежнему огорчает хищническое истребление лесного и морского зверя, особенно бобров, мех которых высоко ценился; он возмущается стремлением богатых людей щеголять перед другими бобровыми шапками, а то и хвастаться шубами. В столицу идут письма с возмущениями: *«Ежели таким бобролюбцам вычислить, что стоят бобры, то есть, сколько за них людей порезано и погибло, то, может быть, пониже бобровые шапки нахлобучат!»*

Как хозяин Русской Америки, уполномоченный самим императором Александром навести в ней порядок, камергер, вспомнив свою службу в суде, начинает вести суд и наказание. В одном из писем он написал: *«18 июня 1805 г. В самое то же время произвел я над привезенным с острова Атхи мещанином Куликаловым за бесчеловечный бой американки и грудного сына торжественный пример строгого правосудия, заковав сего преступника в железы...»*

А сколько таких «американок» – алеуток и эскимосок – избивали, насиловали и убивали одичавшие, изголодавшиеся по женщинам эти мужики – новые «мещане» с Русской Америки, одному Богу известно. Но Резанов не смог бы их всех привлечь к строгому правосудию: «народ» неохоче делился с ним своими делами и поступками.

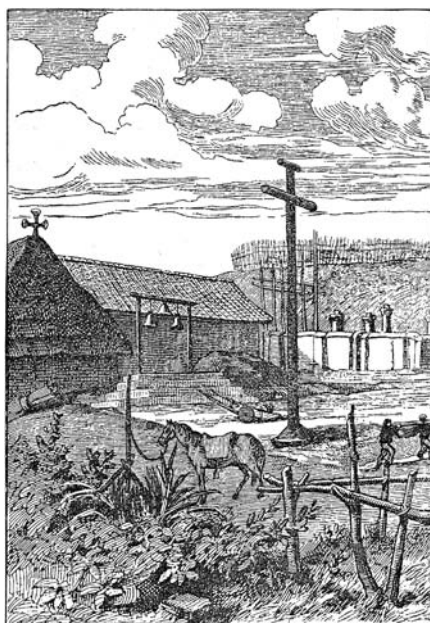
Сознавая своё значение не только для развития Русской Америки, но и для истории России, Николай Петрович справедливо отметил: *«Пусть как угодно ценят подвиг мой, но при помощи Божьей надеюсь хорошо исполнить его, мне первому из России здесь бродить, так сказать, по ножевому острюю».* Это из письма Резанова директорам Российско-Американской компании, 6 ноября 1805 года.

***

Удручённый Резанов стал обдумывать, как бы наверняка обеспечить питание население, которое могло ивымереть, если непогода летом повторится снова, а это вполне могло быть при том суровом северном климате. И он решил: на юге, за тысячи миль от Аляски, в Северной Калифорнии есть уже маленькое русское поселение, а ещё чуть южнее

– испанская крепость Сан-Франциско. Там, в Калифорнии, есть всё: и тёплый тропический климат, и разные фрукты и овощи – и местные и завезённые европейские, там растут пшеница и рожь. Вот где кладёшь жизненных припасов. Надо только наладить взаимную торговлю (русским – продукты, испанцам – пушнину) и регулярные рейсы между посёлками Русской Америки и Калифорнии.

Испанское поселение
в Калифорнии.

Всё! Решение принято: он отправляется в Калифорнию для налаживания торговых связей.

И вот снова два друга в пути на юг. «Юнона» и «Авось», подгоняемые хорошим попутным ветром, резво разрезают воды Тихого океана. А в добротной убранной каюте хозяина Русской Америки, как он себя полагал, за качающимся столом сидит Николай Петрович и упорно разгадывает японские иероглифы, работая и далее над словарём русско-японского разговорного языка. Он понимал, что, несмотря на неудачу его миссии в Японию, россияне в будущем всё же наладят с ней отношения и его словарь будет нужен потомкам.

ГЛАВА IV

КОНЧИТА

*Смогут другие создать изваянья
из бронзы,
Или обличье мужей повторить
в мраморе лучше.*

Вергилий, «Энеида».

Или Цезарь, или ничто!

Девиз кардинала Чезаре Борджиа.

Встреча

В начале апреля 1806 года «Юнона» и «Авось» вошли в красивый залив Золотой Рог, в глубине которого расположился небольшой рыбацкий посёлок, а над ним – крепость Сан-Франциско.

Бросили якоря у самой крепости, отсалютовав испанскому флагу, и дождались ответного салюта. Весь гарнизон и жители посёлка высыпали на берег, облепив прибрежные скалы и карабкаясь повыше, чтобы получше рассмотреть небывалых пришельцев и суда под неизвестным им флагом.

Прежде чем съехать на берег и представиться коменданту крепости, Николай Петрович обдумал, что же ему надеть? И он решил, что лучшим нарядом в этом случае будет полный костюм командора Мальтийского ордена

– и торжественно, и строго, и впечатляюще. Да и испанцам-католикам будет ближе и сродни – всё же католический орден. Он облачился в костюм и вышел на палубу, где его уже ожидала свита. Все буквально обомлели: таким они ещё никогда не видели своего начальника.

На нём был красный длинный кафтан с чёрным бархатным воротником, лацканами и обшлагом, расшитыми золотом, застёгнутый на золотые пуговицы с изображением мальтийского креста; плечи украшали эполеты с кистями; на левой стороне груди был нашит белый мальтийский крест. С шеи свисал на цепи большой белый крест под золотой короной. На плечи Резанов небрежно набросил чёрную бархатную мантию также с белым, нашитым на левом плече, мальтийским крестом. Из-под мантии проглядывала алая лента ордена Святой Анны, шедшая с левого плеча к правому бедру, где на банте висел сам крест ордена, а справа на груди сверкала восьмиконечная его звезда. Этот наряд дополняла шпага и меховая шляпа с золотой кокардой.

Офицеры, свита и команда невольно вытянулись во фронт, отдавая честь своему хозяину: он предстал перед ними совсем другим – величественным, как монумент.

Николай Петрович с переводчиком Лангсдорфом и с командирами судов и старшими офицерами отправился на шлюпках к берегу. У крепостного причала их встретил важный, средних лет офицер со своей свитой. Резанов представился чрезвычайным посланником России и камергером императорского двора, а в ответ услышал, что комендант крепости дон Хосэ Аргуэльо рад этой первой встрече с русскими моряками и приглашает их быть его гостями в президио Святого Франциска.

**Мария де ла Консепсьон
Марцела Аргуэльо.**

Гостей по плохой дороге (а другой и не было) повели в крепость. Резанов отметил про себя бросающуюся в глаза запущенность крепости – видно, давно не было нападений, и гарнизон расслабился от безделья и зноя. Подошли к деревянному, большому, но не ухоженному дому, на крыльце которого стояли две женщины: одна постарше, а вторая – совсем юная. Дон Хосэ представил гостям свою жену, донью Марию, и старшую дочь, назвав её Консепсьон.

Острый, намётанный глаз камергера, вращавшегося много лет в кругу придворных дам и фрейлин, сразу отметил испанскую красоту девочки. Это была жгучая брюнетка с белым лицом, на котором выделялись сочные, почти пунцовые губы и огромные чёрные глаза, обрамлённые вверху дугами таких же чёрных бровей. Овал её лица окружала копна чёрных, слегка вьющихся, ниспадающих волос, перетянутых по лбу белой шёлковой лентой с бантом у левого виска. На ней было белое платье с красной розой на груди, с пояском выше талии и широкой юбкой, напоминающей колокол, из-под которой смотрелись маленькие ножки в красных туфельках. Поясок как бы подчёркивал молодую, но уже развившуюся грудь.

После женского реверанса дон Хосэ ввёл гостей в дом, и тут же на них обрушился шквал вбежавших из разных комнат орущих детей. Гости от неожиданности даже оцептели, но дон Хосэ резко крикнул что-то по-испански, и они так же быстро все исчезли.

– Простите, господа, это всё – мои дети, скоро из них можно будет укомплектовать целый батальон.

Хозяин провёл моряков в бедно обставленную гостиную, служанка подала кофе и какие-то тропические фрукты, и потёк неспешный разговор, тихий и спокойный, как журчание ручейка в лесу. Речь шла, в основном, о плавании, о России и Испании: Резанов не хотел в первый же день вести деловые переговоры, да Николаю Петровичу было и не до этого. Он успел заметить, что и Консепсьон также исподволь рассматривает гостей, и при этом в её глазах пробегают искорки. Она, видимо, также приглядывалась к морякам и свите.

***

Комендант крепости дон Хосэ был типичным испанским колониальным офицером, который понимал, что на родине ему не сделать карьеры, поэтому смолоду он отправился в Испанскую Америку, но и здесь ему не повезло – его направили в отдалённую крепость на берегу Тихого океана, где жизнь потекла спокойно, исключая редкие набеги индейцев, да и то они почти прекратились. Имея уже приличную семью, дон Хосэ занимался не столько крепостью и службой гарнизона, сколько поисками средств для содержания всего семейства. Отслужив первый срок в крепости, он не стал добиваться перевода в более благоприятные для жизни места. Его жена Мария

Георг Лангсдорф.
С грав. Ф. Лехмана, 1809 г.,
Дармштадт

беременела почти каждый год, принося в мир здоровых и крепких мальчиков и девочек: куда уж ему было думать о карьере! Он испросил у колониальных властей разрешения на второй срок службы в крепости, и за это время супруга наградила его ещё кучей детишек, так что к моменту прибытия Резанова в Сан-Франциско у дона Хосэ и доньи Марии было уже тринадцать детей.

Красавица старшая дочь, которую так упорно, но исподтишка рассматривал Николай Петрович, носила, по испанскому обычаю, длинное имя с упоминанием и родителей и предков. Её звали Мария де ла Консепсьон Марцела Аргуэльо, и было ей всего пятнадцать лет. В доме, да и в крепости все называли её просто Кончита. Она считалась самой красивой девушкой во всей Северной Калифорнии, знала себе цену, была честолюбивой и целеустремлённой. Хотя она уже достигла того возраста, когда девушки, тем более испанские, выходят замуж, но она не торопилась. Стать женой рыбака из посёлка или крепостного офицера – это было не для неё, да тем более, что большинство офицеров были уже семейными. Кончита ждала своего часа.

И вот этот час наступил! Два судна доставили столько новых кавалеров – только выбирай! Перезнакомившись, она узнала, что все они холостые – выбор был богат: это и важный русский сановник, камергер Резанов, правда, уже слегка лысеющий и с цинготными зубами, и личный

врач камергера – молодой и красивый фон Лангсдорф, и статные лейтенанты Хвостов и Давыдов, и другие офицеры – все в красивых мундирах! Все высокие, сильные и мужественные.

Но Кончита не была простушкой. Намаевшись в этом далёком гарнизоне без внимания кавалеров (а природа уже требовала своё), она решила воспользоваться этим прекрасным случаем. Правда, кого выбрать? Ей трудно было общаться со всеми, потому что никто, кроме Лангсдорфа, не знал испанского, а она не владела французским. Но всё-таки близость этих языков позволяла понимать всякие «лямур» и другие сладкие слова. И юная красавица вскоре определилась: самыми подходящими кавалерами были Лангсдорф и Резанов. Георг фон Лангсдорф – интересный собеседник, живой, энергичный, близкий ей по духу, но Николай Резанов – важный русский вельможа, вхожий в царские дворцы. Об этом раньше она и мечтать не могла. Оба они в рамках приличий оказывали Кончите внимание, и даже дон Хосэ не очень запрещал ей проводить время в беседах и играх с ними. А красавица выжидала и взвешивала партии, ожидая, что кто-то из них влюбится в неё.

***

Николай Резанов с первого же дня, когда он увидел Кончиту, понял, что это – его шанс. Он не мог забыть оскорбления, нанесённого ему правительством. После окончания кругосветного путешествия всех офицеров во главе с Крузенштерном наградили орденами, чинами и званиями. Но в отчётах Крузенштерна весь провал миссии в Японию был отнесён на счёт высокомерия и грубости Резанова. И

поскольку он сошёл с «Надежды» на Камчатке и не завершил кругосветного плавания, его не удостоили ни орденом, ни званием, ни чином. Единственное, что получил в награду Николай Петрович, – это присланная от императора Александра Первого золотая табакерка, осыпанная бриллиантами. «Разве этой награды он достоин? Он, Николай Резанов, создатель Российско-Американской компании, заселивший Русскую Америку и наладивший там хозяйство и промыслы, создавший судостроение и мореплавание на Дальнем Востоке» – эти мысли сверлили мозг камергера.

Резанов не мог простить и забыть эту несправедливость. Он жаждал мести, расплаты за унижение. Но как? Надо было сделать что-то удивительное, чтобы вернуться в Петербург победителем и доказать всем недругам, кто такой Резанов. И тут он увидел Кончиту! Мгновенно колесо мыслей закрутилось в мозгу, и он стал создавать новый план: ему надо жениться на Кончите и через её отца наладить торговлю между Русской и Испанской Америками, и тем привести суровый край к расцвету. А потом, может, и удастся через дону Хосэ связаться с колониальными властями и выторговать у них кусок Северной Калифорнии. Это был бы триумф, и он въехал бы в сановный Санкт-Петербург «на белом коне» с прекрасной юной Кончитой и её испанским приданым – частью тёплой Северной Калифорнии. И Резанов начал действовать.

Он стал настойчиво проявлять внимание к девочке, хоть это и трудно было делать – испанского он не знал, но говорил Кончите комплименты на французском, пытаясь жестами и выражением лица передать охватившее его восхищение и страсть. Ему приходилось брать с собой

каждый раз Лангсдорфа в качестве переводчика, который растолковывал Кончите душевные порывы Николая Петровича. Эта игра «в любовь втроём» продолжалась каждый день, сколько стояли суда в бухте Золотой Рог. Опытный и предприимчивый Резанов стал замечать, что Кончита также, когда намёками, а когда и внешней внезапной пылкостью старается ему показать, что и она не прочь сблизиться с русским камергером.

Вскоре Резанов обнаружил, что после его бесед с Кончитой (в переводе Георга) она к вечеру, когда спадает зной, выходит с Лангсдорфом во двор и начинает играть в разные резвые игры, о чём-то весело щебеча по-испански и увлечённо бегая по крепостному двору. Особенно Николая раздражала французская игра в серсо – эта дуэль двух молодых и азартных людей, мечущих друг в друга с помощью длинной палки кольца и пытающихся нанизать летящее от партнёра кольцо на свою палку. Он видел, с каким нескрываемым сладострастием и Кончита и Георг нанизывают эти кольца на свои палки и огорчаются, когда это не удаётся. Резанову казалось, что партнёры в мечтах отдаются друг другу, и это его бесило. Он начал ревновать Кончиту и злиться на Лангсдорфа. Ему стало ясно, что юная испанка, эта пятнадцатилетняя девочка, как опытная светская львица, ведёт двойную игру, выбирая нужную жертву и момент броска на неё. И Резанову, конечно, трудно было соперничать с молодым, около тридцати, и красивым Георгом.

Чувствуя, что он больше не выдержит этих игр и своих любовных объяснений через заинтересованного соперника, Резанов составил с помощью Лангсдорфа краткий любовный словарь и быстро выучил нужные испанские

фразы. Теперь Георг ему уже не требовался, и Резанов его решительно потеснил: он не стал приглашать переводчица и вообще, воспользовавшись тем, что дон Хосэ благоклонно взирает на флирт своей дочери, стал приглашать её ежедневно на «Юнону», где закрывшись в своей каюте и выставив часовых матросов, прокладывал свой трудный путь к сердцу коварной испанки. И это ему удалось!

Кончита, увлечённая мечтой о счастливом замужестве, не могла дожидаться, когда кто-нибудь сделает ей предложение. А тут сама обстановка каюты, полумрак и ореол романтической любви взяли верх над стыдливостью и осторожностью. Вот и первый поцелуй: кавалер впился в её сочные губы, загораясь страстью, и испанка ответила ему взаимностью, хотя ей был не очень приятен поцелуй этих воспалённых губ, скрывавших полустгнившие зубы. Но она стерпела это: Кончита поставила себе цель – вырваться из болота гарнизонной жизни. Надо не упустить свою «птицу счастья»!

Оторвавшись от страстно целующего её Николая, она почти прокричала по-испански, хотя ей казалось, что прошептала:

– Увезите меня отсюда! Ради Бога! Умоляю, увезите. Я не выдержу больше такой жизни и покончу с собой. Прощу вас, я хочу вырваться отсюда...

– Хорошо! Я увезу тебя. Мы будем жить в Петербурге, – шептал ей Резанов, понявший суть её страстной просьбы. Он ласкал Кончиту, и она, опьянённая мечтой, уже не замечала, что находится в руках пожилого, худого, с дурной кожей лица и цинготными зубами человека. Она жаждала перемен и готова была ради этого на всё...

Вечером того же дня Николай Резанов отправился с Георгом Лангсдорфом к дону Хосэ. В его кабинете, где единственное окно едва пропускало свет, Резанов повинился перед комендантом, сказав ему, что безумно влюблён в Кончиту и хочет на ней жениться, чтобы увезти потом в Санкт-Петербург. Дон Хосэ не очень гневался, скорее, обрадовался, ответив, что уже приметил неравнодушные друг к другу Кончиты и Николая. По случаю этого объяснения дон Хосэ объявил по гарнизону, что даёт бал в честь русских гостей.

На следующий день, 17 июня 1806 года, Николай Резанов написал в письме к графу Румянцеву: *«Но здесь должен я Вашему Сиятельству сделать исповедь частных моих приключений. Прекрасная Концепция умножала день ото дня ко мне вежливости, разные интересные в положении моем услуги и искренность начали неприметно заполнять пустоту в моем сердце, мы ежечасно сближались в объяснениях, которые кончились тем, что она дала мне руку свою...»*

В воскресенье дом коменданта был изукрашен: везде стояли горшки с цветами, висели флаги и разноцветные гирлянды. Крепостной оркестр кое-как, на слух, играл разную музыку, в основном испанскую, но были и польки и кадрили. Офицеры со своими женами и взрослыми дочерьми, сидя на просторной веранде, укрывавшей их от солнца, пили вино и крепко закусывали. У гостей захватывало дух от остро перчёных блюд, которые приходилось тут же запивать сухим вином, чтобы не раскашляться неприлично. Все веселились – когда-то ещё будет такой праздник! Потом начали танцевать, и все перешли в «бальную залу». Это была очень большая тёмная комната,

---

без окон, с земляным полом, посыпанным соломой. Она едва освещалась солнечным светом, пронизывающим проём распахнутой двери.

Только после первых танцев русские моряки, которых вначале шокировал вид этой «залы», поняли, почему она без окон – иначе бы все пали замертво от зноя. Правда, общее веселье несколько омрачал неприятный дух, тянущий через дверь отхожего места, которое примыкало к «зале», но его иногда забивал запах ароматизирующих трав, что горели и тлели в глиняных горшках, стоящих по углам «залы».

Резанов не танцевал из-за подагры (ему и без танцев трудно было вообще ходить), но он ревниво поглядывал на кавалеров, окружавших Кончиту. Вот и Георг пригласил её к танцу и ловко, по-молодому, проплывал с ней в менуэте. Николай Петрович заметил у обоих весьма приятное выражение чувств и радостные улыбки, которыми они одаривали друг друга. «Ничего, – подумал Резанов, – я ещё тебе покажу, милый Георг, кто на балу хозяин!»

На второй день Николай Петрович сообщил дону Хосэ, что собирается официально просить руки Кончиты. Они быстро сговорились, и помолвка была назначена на следующее воскресенье на фрегате «Юнона».

***

Однако, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

Узнав о намечавшейся помолвке, небольшая, но влиятельная, как везде, испанская церковь Святого Франциска подняла бурю, считая недопустимым брак православного Резанова и католички Кончиты. Настоятель церкви

со всем своим причтом явился в дом коменданта и стал категорически требовать, чтобы дон Хосэ не позволил состояться этой женитьбе. Взяли в оборот и донью Марию, и юную Кончиту. Были пущены в ход всё красноречие католических священников, угрозы и обещания кар Божьих. Но Кончита проявила свой характер, она не поддавалась никаким угрозам и просьбам и заявила, что в противном случае покончит с собой. Для церкви самоубийство – это страшный грех, и церковники отступили, потребовав, однако, получение согласия Папы Римского.

Николай Петрович, увидев шаткость своего сватовства, решил подкрепить его документально. Он начал обдумывать проект брачного договора. Вспомнив содержание того договора, который был заключён с незабвенной его Аннет, он обмакнул перо и стал писать:

Брачный договор

Российский дворянин, действительный камергер Двора Его Императорского Величества Александра I, директор Российско-Американской компании Николай Резанов и Консепсия, дочь испанского идадьго дона Хосэ Аргуэльо, заключили сей договор о вступлении в брак и дают обет выполнять все его статьи, показанные ниже.

Статья 1.

Мы вступаем в брак добровольно и с согласия родителей невесты – дон Хосэ и доньи Марии Аргуэльо.

Статья 2.

Мы любим друг друга искренно; чувствуем, что один без другого не может быть счастлив, и поэтому соединяемся навек, чтобы жить верными супругами.

Статья 3.

Николай посвящает все бытие свое Концепсии, чтобы неутомимым прилежанием доставить ей спокойную и беспечную жизнь.

Статья 4.

Концепсия, напротив, будет стараться разумным хозяйством содержать себя и мужа на золотой дороге посредственности, равно удаленной от излишества и недостатка.

Резанов остановился, откинулся на стуле и подумал: «Стоит ли писать о приданом? А откуда оно возьмётся у этого бедного испанского идадьго, придавленного огромной семьёй? Нет, пожалуй, не стоит! Как бы не вспугнуть дона Хосэ. Моего состояния и доходов хватит нам для хорошей жизни в столице».

Николай Петрович, изучив уже замашки, устремления и характер Кончиты, сразу же решил обезопасить себя от возможных скандалов и разорения, и он, подумав, продолжил писать:

Статья 5.

Так как в супружестве часто малейшие безделки бывают источником больших несогласий, то обязуемся в маловажных вещах уступать друг другу без малейшего прекословия. Также обязуемся не мешать друг другу исповедовать ту веру, в которой каждого окрестили.

Статья 6.

В одежде каждый соображается со вкусом другого. Николай будет остерегаться небрежности, чтобы Концепсии ничто не могло казаться в нем неприятным; Концепсия будет избегать излишества в нарядах, дабы свет

не мог подумать, что она ищет нравиться другим мужчинам. Главнейшим наружным нашим украшением будет опрятность, потому что противное тому в людях, живущих между собою в коротком обращении, неминуемо влечет за собою отвращение.

Статья 7.

Слова *хочу, требую, приказываю* – навсегда исключаются из нашего домашнего словаря.

Статья 8.

В обществах Концепсия никогда не допустит себя ни до малейшего знака неуважения к своему супругу.

(Николай Петрович не раз замечал, как лукавые глаза Кончиты заигрывают с его офицерами и спутниками, поэтому, как юрист и дипломат, решил оградить себя от возможных «рогов» в будущем, с оглядкой на юный возраст невесты). Ничто не ободряет столько молодых вертопрахов, как презрение к мужу, которое может позволить себе легкомысленность жены.

Статья 9.

Николай будет почитать Концепсию, чтобы и другие почитали ее. Никогда ласкательствами, выходящими за пределы обыкновенной учтивости, не доставит он посторонней женщине торжества, оскорбительного для супруги.

Статья 10.

При выборе знакомых мы будем оба поступать со всевозможною осмотрительностью и отнюдь не станем терпеть ложных и коварных друзей, которые подобно змее, отогретой у груди, могли бы нарушить мирные удовольствия нашего союза. (Тут Резанов явно вспомнил Георга).

Статья 11.

Между *моим* и *твоим* не будет у нас никакого различия. Главнейшую нераздельную нашу собственность составляет взаимная любовь, и это сокровище, которое в других сердцах быстро текущее время часто уносит с собою, должно, под его покровом, возрастать и укрепляться в нас до нашей кончины.

Николай Петрович хотел уже завершить перечисление условий договора, но потом дописал:

Статья 12.

Сей договор действует в продолжение двух лет со дня его подписания, необходимо нужных для того, чтобы получить разрешение на брак от Его Императорского Величества Александра I и Его Святейшества Папы Римского.

Написав это, он призадумался: нужен был ещё один пункт, но это будет уже тринадцатый, а у всех европейских народов это число считалось несчастливым, но Резанов был просвещённым человеком и не верил в приметы, хотя что-то и кольнуло под ложечкой. «Будь что будь», – решил он и дописал:

Статья 13.

Концепсия даёт священный обет ждать возвращения Николая в протяжении двух лет, оговоренных сим договором.

Сей добровольный договор наш обязуемся выполнять свято и без всякого опущения, в чем клянемся пред сердцеведом нашим Богом – Николай Резанов и Концепсия Резанова-Аргуэльо.

Борт российского компанейского судна «Юнона».
Испанская крепость святого Франциска.

Завершив черновик договора и внося, где надо, правки, Резанов призвал к себе Георга Лангсдорфа, который переложил ему текст на испанский, написав договор красивым почерком с готическим «привкусом». Судовой писарь каллиграфически переписал договор по-русски, после чего Николай Петрович отправился к дону Хосэ.

Комендант внимательно прочитал все статьи договора. Они ему понравились и содержанием, и торжественной витиеватостью слога – но так солидной звучит. Главное, что в договоре не было и намёка на приданое, и это спасло его от окончательного краха. Дон Хосэ с явным удовольствием подписал договор – ещё бы! Его красавицу, любимую дочь Кончиту, берёт в жёны российский вельможа и увезёт её в столичный Петербург, хотя там, подумалось дону Хосэ, и жуткие холода, да поговаривают, что и медведи бродят по улицам.

Призвали Кончиту. Она быстро прочитала договор, глаза её засияли, и счастливая улыбка озарила лицо. Быстро она вывела своё имя на договоре. Мгновенно промелькнула шальная мысль: очень уж много ограничений её вольности написал жених, к чему она не привыкла, но потом подумала: «Главное уехать из этой дыры, а там жизнь покажет; будет видно, какие наряды она себе будет заказывать...»

Последними подписи поставили крепостной и судовой священники, скрепив договор от имени Святой Церкви.

***

Вернувшись от дона Хосэ, Резанов сел за письма и свой журнал. Эмоции переполняли его, и он их изливал, облегчая душу, в письмах и дневнике.

Рука быстро набрасывала строки, но мысль опережала их. Коротко описав все перипетии предварительных его объяснений с доном Хосэ, Резанов стал писать главное:

«Предложение мое сразило воспитанных в фанатизме родителей ея, разность религий и впереди разлука с дочерью была для них громовым ударом...

Они прибегнули к миссионерам, возили бедную Концепсию в церковь, исповедовали ее, убеждали к отказу, но решимость с обеих сторон наконец всех успокоила. Святые отцы оставили разрешение Римского Престола, и я принудил помолвить нас, на что согласились с тем, чтобы до разрешения Папы было сие тайною».

Но какая тут тайна! Весь гарнизон и посёлок уже давно знали о сердечной привязанности дочери коменданта и русского вельможи и с интересом ожидали развития событий: или будет свадьба, или убийство, или дуэль, а может, и просто хорошая трёпка для Кончиты, а потом – монастырь.

Обдумав все, Резанов решил, что нет никакого смысла делать из их связи и предполагавшегося обручения тайну. Наоборот, надо устроить грандиозный праздник, да такой, чтобы это заброшенное и забытое Богом селение всё встрепенулось и обрадовалось веселью. Пусть узнают широту нашей русской души! А то ничего, кроме быта, службы и религии, и не ведают здесь. Уж слишком фанатичны они в своей вере. Одна Кончита – какой-то необычный цветок, яркий и сочный, который возрос в этом забитом церковью народе.

Обручение

Накануне обручения Николай Петрович, пригласив с собой Георга, отправился к дону Хосэ. В его кабинете они окончательно обсудили договор о помолвке. Резанов настоял, чтобы венчание произошло через два года: ему требовалось время, чтобы испросить у императора разрешение на женитьбу с испанкой (в России, как известно, все дворяне, чиновники и офицеры не могли жениться на тех, на ком хотели; чиновник должен был просить разрешения у более высокого столоначальника, офицер должен был испрашивать разрешение у своего полкового командира с обязательным «предъявлением» невесты офицерскому собранию и одобрения её, а придворные и сановники обязаны были получать согласие самого императора). Таковы вот были порядки.

Дон Хосэ согласился с Николаем Петровичем: ему тоже требовалось время, чтобы получить от Папы Римского Божье Благословение на брак католички Марии Аргуэльо с православным Николаем Резановым.

После того, как уладили все брачные дела, выпили хорошего вина, отец позвал к себе Кончиту. Он объявил ей, что камергер Резанов официально попросил её руки, и дон Хосэ согласился. Обрадованная Кончита бросилась целовать отца, но он несколько охладил её восторг, сообщив, что придётся ждать разрешений на этот брак. Девочка пообещала, что в течение двух лет будет ждать своего жениха, а потом вольна поступать, как хочет, если он не объявится.

В следующее воскресенье «Юнона» и «Авось» расцвелились флагами. Фрегат был прибран и начищен, на шканцах натянули тенты и поставили столы, вытащив их отовсюду с корабля. Заранее на «Юнону» прибыл крепостной оркестр и гитаристы из посёлка и завезли груды овощей, фруктов и вин, очистив враз весь местный рынок. Судовой кок вместе с приглашённым поваром-испанцем готовили разные яства. На шканцах, возле юта, поставили аналой с корабельной иконой – для исправления службы.

В назначенный час к «Юноне» стали подходить шлюпки и лодки с гостями. Первым на борт по украшенному гирляндами трапу поднялся дон Хосэ с женой и Кончитой. Грянул залп судовых и крепостных пушек, от которого вздрогнули не только гости, но и чайки, взмыв в небо, как будто они тоже салютовали молодым.

У трапа гостей встречал сам Резанов в сопровождении Хвостова и его офицеров. Николай Петрович весь сверкал в своём камергерском мундире, сплошь расшитом золотом, при шпаге и с золотым ключом на перевязи у бедра – знаком его камергерского титула. Держа в руке шляпу с дорогим плюмажем из страусовых перьев, он приветствовал гостей. Дон Хосэ был польщён видом будущего зятя, но испанская гордость не позволила ему показать своё восхищение прилюдно; донна Мария только ахнула тихо от ослепительного блеска золотого шитья, а юная синьорита Кончита от счастья улыбалась, и глаза её отражали блеск мундира жениха, сверкая счастливыми искорками: ещё бы! все офицеры крепости и всё население Сан-Франциско увидели, каков её суженый!

Дон Хосэ торжественным голосом объявил всем о помолвке его дочери Марии де ла Консепсьон Марцелы Аргуэльо и камергера дона Николая Петровича Резанова. Георг тут же переводил речь дон Хосэ на русский. Все закричали приветствия, кто по-русски «Ура!», кто по-французски «Виват!», а испанцы – по-своему. Были объявлены условия обручения, и Кончита снова, прилюдно, дала обет двухлетнего ожидания. Потом начался обычный русский ритуал обручения, долгий и нудный, но все выдержали монотонное бормотание и напевы священника и крестились, когда кто хотел. Наступила вершина обряда: священник разрешил нареченным поцеловаться, и они бросились друг к другу с несколько избыточным рвением и утонули в страстном поцелуе, который немного затянулся сверх приличия, но гости истолковали это как проявление радости и любви.

Испанские колонисты
в Калифорнии.

После торжественного обручения начался пир, вино и солнце разгорячили гостей и моряков, поплыл всеобщий разговор, над которым всё время взлетали возгласы пьяных и горластых испанцев. Но вот грянул оркестр, гости пустились в испанский танец; вскоре смышлёные русские моряки, заметив все их «па», также втянулись в пляс. Не танцевали лишь дон Хосэ и дон Резанов: они сидели за

столиком и пытались понять друг друга, улавливая знакомые корни французского и испанского языков и помогая себе жестами. Но потом, охмелев, и дон Хосэ похвастал своей ушедшей молодостью.

За разговором Николай Петрович не заметил, как его Кончита исчезла со шканцев, а когда заметил, то обнаружил, что исчез и Георг. Во время музыкальной паузы Резанов подозвал Хвостова и велел ему разыскать Кончиту. Вскоре Николай Александрович вернулся и доложил, что Кончита находится в каюте Георга Лангсдорфа, где доктор медицины показывает ей сделанные им чучела птиц и зверей, пойманных в разных местах света.

Кровь закипела в жилах Резанова: «Опять этот Лангсдорф!» Он извинился и встал. Медленно пошёл к сходням и, спустившись, буквально ворвался в каюту Георга. Лангсдорф показывал Кончите златокрылого дятла, который ей очень понравился, и девочка от восхищения что-то щебетала. И вдруг – Резанов!

– Кончита! Что ты здесь делаешь? Как ты посмела во время обручения уединиться с другим мужчиной! – раздался рёв Николая Петровича. – Выбросьте всю эту дрянь – она воняет! – обратился он к Георгу.

Девочка присела от страха, Георг пытался что-то сказать, но Резанов вырвал из рук доктора дятла и выбросил его в окно. Выскочив наверх, потерявший самообладание Николай Петрович велел Хвостову вышвырнуть чучела всех зверей и птиц. Хвостов тут же отрядил нескольких матросов, и они на глазах у изумлённых моряков и гостей стали выбрасывать чучела за борт. Вышедшие на палубу вслед за Резановым Георг и Кончита были потрясены случившимся. Лангсдорф бегал от матроса к матросу, пы-

---

таясь вырвать чучела из их рук, и ругал самодура Резанова, перейдя от волнения на немецкий. Кончита, стоя у бизань-мачты, плакала горькими слезами – ей было жаль чучела, её глубоко ранила грубость жениха и нанесённое ей оскорбление. А гости и моряки со шканцев наблюдали за непонятной им сценой.

Когда последнее чучело плюхнулось в воду, Георг пошёл к Резанову. Он был мрачным, как и его голос:

– Господин камергер, ваш поступок не делает вам чести. Вы погубили всю мою коллекцию и оскорбили меня и свою невесту. Долг чести требует, чтобы вы ответили за это на дуэли, но я знаю, что вы откажетесь, сославшись на запрет императора. А поэтому я ничего не нахожу другого, как покинуть вас и более с вами не встречаться. Если вы не будете возражать, я перейду на «Авось»...

– Пошёл к черту! – грубо оборвал Георга Резанов, – убирайся, куда хочешь! Давыдов! – позвал он командира «Авось», – отправь Лангсдорфа с его барахлом к себе на тендер, и пусть не показывается мне на глаза.

– Прощайте! – сказал в ответ Георг и направился к трапу, а Резанов, подавив в себе гнев, подошел к плачущей Кончите и, обняв её, повёл на шканцы.

– Господа, – обратился Николай Петрович к недоумевающей публике, – произошло небольшое недоразумение: я хотел вас пригласить к себе в кают-компанию на кофе, но там стоял такой смрад от этих чучел, что я велел выбросить их за борт. Господин Лангсдорф вздумал воспротивиться этому, но я не потерплю неповиновения у себя на борту. Давайте праздновать!

Веселье продолжалось. Но Кончита была хмурой и неразговорчивой. Она не могла простить Резанову его поступка.

Так она получила от него первый урок, который оказался и последним. Она, конечно, не знала, что их ждёт, но ради поставленной цели решила смириться и вытерпеть всё, лишь бы вырваться из этого захудалого крепостного быта и заблестать на балах Петербурга, а там – будет видно...

Когда гости разошлись и сильный хмель выветрился из головы и желудка, Николай Петрович сел за стол и, по привычке, стал описывать предшествующие события в своём журнале, отметив радость хорошо выпившего донна Хосэ: *«Губернатор в доказательство искренности и со слабыми ногами танцевал у меня, и мы не щадили пороха ни на судне, ни на крепости, испанские гитары смешивались с русскими песельниками. И ежели я не мог окончить женитьбы моей, то сделал кондиционный акт».* (Резанов имел в виду брачный договор с Кончитой).

... Через неделю корабли Резанова приготовились в обратный путь в Охотск. Всю неделю Кончита, на правах невесты, проводила на «Юноне», часто пропадая надолго в его богатой каюте. И её не сопровождала дуэнья, как было положено по испанским обычаям.

В день отплытия Резанов распрощался с Кончитой на пристани, крепко обняв и поцеловав. Они снова поклялись друг другу, что будут ждать радостной встречи, чтобы соединиться навеки вместе, как того требовали обряды церкви - и католической, и православной.

Подняли якоря, и взметнулись паруса. Лёгкий бриз от берега двинул «Юнону» и «Авось» на запад. Загрохотал салют, отразившись многократно от холмов, окружающих залив. Стоя на шканцах у гакаборта, Николай Петрович с тоской смотрел на Сан-Франциско. А на причале в белом платье с красной розой в волосах прощалась с ним его Кончита, размахивая белым батистовым платочком.

***

Когда Кончита скрылась за скалами Сан-Франциско, Николай Петрович спустился к себе в каюту. Он сел и предался думам: какое чудесное время так быстро пробежало мимо, и вот финал – он расстался с юной прекрасной испанкой и с последним другом – Георгом. На душе было скверно, и он, по привычке, сел за свой рабочий стол и стал записывать в журнал обуревавшие его мысли, вспоминая, что сегодня был день его свадьбы с Анной, взгрустнул и записал: *«Милый, бесценный друг мой живет в сердце моем! Я день, взявшись за перо, лью слезы. Сегодня день первой свадьбы моей, живо смотрю я на картину прежнего счастья моего, смотрю на все и плачу»*. И не нашлось в журнале в этот день места юной Кончите, которую только что покинул камергер Резанов.

В этот же день Георг Лангсдорф на «Авось» также писал свой журнал. Он тоже изливал душу бумаге, но мысли его были не о женщине, а о бывшем друге Резанове: *«Все, что делалось им для меня, только изнуряло меня. Я утратил коллекцию и бумаги, на которых высушивал экспонаты, и окончательно воспротивился приказанию камергера фон Резанова»*.

Весь долгий путь до Охотска Николай Петрович Резанов провёл в беседах со своим тёзкой – Николаем Хвостовым. Ему не было с кем поделиться грустными размышлениями и воспоминаниями, кроме как с Николаем. Резанов сетовал на свою судьбу, на обиды и несправедливости. Хвостов также страдал от этого же, и они находили обоюдное удовольствие от этих бесед.

А на «Авось» Георг Лангсдорф сдружился с Гавриилом Давыдовым. Они также вели оживленные беседы, об-

---

суждая любовное происшествие их начальника и хозяина. Сидя на корме тендера в рулевом кокпите во время вахты Давыдова или в его маленькой каютке в свободные часы, каждый рассказывал о своей жизни и о странах, где успел побывать, но всегда они возвращались к этой удивительной и странной любви пятнадцатилетней девочки и сорокадвухлетнего мужчины:

– И что их связывает? – удивлялся Гавриил, хорошо знавший уже камергера. – Она же попадёт в лапы дикого зверя, деспота. Неужели она его полюбила?

– Да, вы правы. Конечно, она не могла полюбить этого худого, измождённого, лысеющего человека, с ногами, поражёнными подагрой, и с плохой, нездоровой кожей; ей, наверное, было отвратительно целовать эти губы и видеть рот, где не было части зубов, а остальная часть вместе с дёснами была «съедена» цингой. Это я вам говорю как его лечащий врач, я-то знаю всё о его здоровье. И Кончита его совсем не любит...

– Как? А как же встречи, обручение, поцелуи и ухаживания? – удивился Давыдов.

– Всё это была игра, – ответил Георг. – Синьорита очень умна и честолюбива. Она целеустремлённа и настойчива. Ей очень хочется выбиться в свет, стать придворной дамой – и не меньше! Иной она себя не видит. Однажды она проговорила: или я стану женой богатого и знатного вельможи, или уйду в монастырь. Не больше и не меньше. Вот поэтому она и не оттолкнула господина Резанова. Когда-то подвернётся новый случай.

Разухабистый моряк, не боявшийся ничего, с виду гуляка и «не дурак выпить», Давыдов был чист душой, романтик и поэт. Он не мог этого всего понять: «Как же так,

---

эта юная красавица, очаровавшая и его, та, которой он в тайне посвятил столько стихов, оказалась расчётливой и кокетливой девицей». Опомнившись от шока, Гавриил воскликнул:

– А кого же она любила? Вокруг было столько прекрасных кавалеров, что можно было и влюбиться. Было из кого выбирать!

– Я думаю, что Кончита полюбила меня, – признался Георг. – Это, по-видимому, увидел или догадался об этом герр Резанов и устроил мне скандал на «Юноне».

...Георг ушёл, оставив Давыдова в грустных размышлениях. Огорчённый таким двуличием музыки, которая вдохновляла его, он взял с полки пачку исписанных листов, отобрал те из них, где были стихи, посвящённые красивой, но вероломной испанке, и зажёл свечу.

Гавриил поднёс верхний листок к глазам и прочёл один из его стихов, посвящённых Кончите:

Концепсии

*От Алеутских островов,
Где царствуют мороз и вьюга,
На белых крыльях парусов
Примчались мы в объятья юга.
Как образ светлой чистоты,
Ты в белом платье появилась,
С пунцовой розой на груди
Богиней страсти ты явилась.
О жрица юная Юноны!
Ты ей бездумно отдалась.
А мне достались лишь поклоны.
Авось недолга её власть!*

Вздохнув, Давыдов поднёс листок к свече. Пламя стало быстро пожирать листок за листком, и скоро от романтических грез Давыдова остался только пепел на медном подносе да догоравший клочок, где ещё читалось слово: «люблю!»

Жизнь «на авось»

В отечестве нашем издавна бытовала поговорка: «У русского человека два врага-супостата: авось да небось». Так жили, так и живём.

После возвращения в Охотск Николай Петрович Резанов принялся писать письма друзьям и знакомым и отчёты о своей инспекторской поездке. Но первым он написал прошение на Высочайшее Имя с просьбой разрешить ему жениться на испанской невесте, подробно объяснив своё желание. Зная, как долго идёт почта в Петербург и назад до Охотска, осенью камергер переехал поближе, в Красноярск, чтобы побыстрее получить ответ и не очень удаляться от океана.

В письмах в Петербург Резанов не скрывал истинных мотивов своей женитьбы. Особенно откровенным он был в тайных посланиях своему начальнику – министру коммерции графу Румянцеву. Описав подробности своего обручения, Николай Петрович откровенно признался министру, что он с Кончитой был «вместе, но отнюдь не по пылкой страсти». Но самым откровенным камергер был со своим журналом, в котором, вспоминая о своей связи с испанской синьоритой, он записал: «Ежедневно кур-

---

тизируя гишпанскую красавицу, заметил я предприимчивый характер ее, честолубие неограниченное, которое при пятнадцатилетнем возрасте уже только одной ей из всего семейства делало отчизну ее неприятною».

Ох, уж этот французский! Когда надо было сказать что-то, неприлично звучащее по-русски, переходили на французский. И что же такое «куртизировать»? А это от куртизанки – женщины лёгкого поведения, иначе, по-русски, – развратной, развращённой. Значит, Николай Петрович ежедневно и систематично совращал (или развращал?) красавицу Кончиту, видя в ней юную куртизанку, желающую вращаться, как все куртизанки, в высшем обществе и ловить богатых мужей или любовников.

... Приближалась календарная весна, был конец февраля, и на дворе стояла страшная зимняя стужа. Весь Красноярск утопал в стилом снегу, и дымы столбом поднимались над крышами изб, разбросанных чёрными пятнами по белому бескрайнему снегу.

Он ждал, но ответа всё не было. От тоски и тяжёлых месяцев ожидания Резанов мрачнел и как-то угасал. Однажды он попросил оседлать ему лошадь – Николай Петрович хотел хоть немного развеяться от своих дум.

– Может, не надо, барин? – робко спросил у Резанова конюх постоялого двора, где обретался камергер. – На дворе склизко. Не приведи Господь, лошадь посклизнётся...

– Седлай, тебе сказано, – грубо прервал его Резанов, – не твоё дело мне советовать! Авось обойдётся.

– Как велите, ваше высокоблагородие. Нам-то что, было бы велено, а мы сделаем...

Николай с трудом взобрался на коня и взял сразу с места. Застоявшийся на морозе конь помчался по за-

---

снеженной улице. Вылетели на берег, и тут конь на повороте тропы поехал ногами – бабы, неся воду от реки, расплескали её. Вылетел Резанов на полном ходу и ударился головой о что-то; так и лежал замертво, пока его не приметилла какая-то баба, шедшая с коромыслом к реке. Скликвали народ, и отвезли Резанова на розвальнях на постоянный двор. Дождались лекаря, тот осмотрел камергера, поохал, наложил на голову повязку и ушёл, сказав челяди, что надо делать.

Придя в себя, Резанов понял, что он плох и вряд ли выживет. Попросил священника и писаря из местных. Стал диктовать письма родным и близким. Умирая, он мысленно оценивал своё место в жизни вообще, и в жизни России. Как всегда, он высоко вознёс свою роль на этом свете: *«Я в этом мире не безделка. Гордость в том, чтобы в самом себе находить награды, а не от монарха получать их»*. Даже умирая, Николай Петрович не мог забыть несправедливости, но он был горд собой.

Скоро Резанов стал чаще впадать в беспамятство. Временами бредил. Незадолго до кончины придя в себя, с трудом продиктовал последнее письмо домой: *«Я плавал по морям, как утка; страдал от голода, холода, в то же время от обиды и еще вдвое от сердечных ран моих»*. Кем были нанесены эти сердечные раны, камергер не назвал: то ли незабвенной Аннет, то ли пылкой красавицей Кончитой. Кто его знает...

Призвали священника, Резанов бредил и, очнувшись, покался: *«Концепсия мила, как ангел, прекрасна, но я плачу о том, что нет ей места в сердце моем. Любовь моя на Невском, под куском мрамора, а здесь – новая жертва Отечеству»*.

Даже в сердечных делах Резанов оставался дипломатом, служившим России.

Первого марта 1807 года Резанов умер, и схоронили его в Красноярске, где он так и не дождался разрешения на женитьбу.

***

После возвращения в Охотск и отбытия в Красноярск Резанова два друга – Хвостов и Давыдов – наслышанные из уст самого Николая Петровича о его неудачной миссии в Японию, посчитали, что японцы нанесли оскорбление не только Резанову и компании, но и России, и решили отомстить «косоглазым». Николай Хвостов, не спросив разрешения у правителя Дальнего Востока, самовольно перешёл на «Юноне» из Охотска к острову Сахалину и в губе Анива сжёг японские хлебные склады, а затем ушёл в Петропавловскую гавань, не думая о том, что он оставил умирать от голода бедных японских рыбаков.

В следующем, 1807 году, узнав о смерти своего хозяина, камергера Резанова, Хвостов и Давыдов решили ещё раз нанести «визит мести» японцам. Они вместе, не спросив никого, сплавали к Курильским островам, где на острове Шана сожгли японские селения с их складами и навели на японцев страх, отобрав грузовые и рыболовные суда. Потом наступила очередь острова Матсмай. Страх у японских рыбаков был такой, что они вынуждены были бежать с острова Сахалина.

Гордясь своими свершениями, друзья на «Юноне» и «Авось» вернулись в Охотск, даже не подозревая, что они повели себя как морские разбойники, новые флибустьеры Тихого океана. Япония расценила эти действия как

грубый разбой, и губернатор северных провинций послал в Охотск гневное письмо с требованием возместить нанесённый ущерб и наказать виновных. К своему удивлению, Хвостов и Давыдов, вместо благодарности властей за то, что «они наказали японцев», были арестованы за учинённый произвол.

Арестованный Давыдов, не разделяя точку зрения властей в Охотске, решил послать жалобу об аресте «по инстанции». Сидя под домашним арестом, Гавриил Александрович, который редко что писал, кроме разве стихов, всё же довольно быстро составил свое донесение:

«18 октября 1807 г. Когда я взошел к капитану Бухарину, он, призвав караульного унтер-офицера, велел арестовать меня. Ни мне, ни лейтенанту Хвостову не позволялось выходить из дому и даже видеть лицо какого-либо смертного. Лейтенант Хвостов впал в опасную горячку.

Вот картина моего состояния! Вот награда если не услуг, то, по крайней мере, желанья оказать оные. При сравнении прошедшей моей жизни и настоящей сердце обливается кровью и оскорбленная столь жестоким образом честь заставляет проклинать виновника и самую жизнь.

Мичман Давыдов».

Конечно, как видим, мичман Давыдов не указал истинной причины, отчего «лейтенант Хвостов впал в опасную горячку». Имея хорошие деньги, оба друга, сидя под домашним арестом, беспрепятственно могли покупать водку и заливать своё «горе» вплоть до горячки.

Вскоре они были отправлены под конвоем в Санкт-Петербург. Вначале друзья огорчились, но потом Николай сказал, улыбаясь:

– Не горюй, Гавря, авось пронесёт!
– Будем надеяться, – ответил Гавриил, и оба друга сели в арестантскую телегу, гремя кандалами.

В Санкт-Петербурге отчаянные молодцы были преданы Военно-Морскому суду. Но высокий суд оказался в затруднительном положении: с позиций России оба друга совершили благородный поступок, прогнав японцев с острова Сахалин. Когда председатель судебной комиссии спросил у Хвостова, зачем они это сделали, лейтенант гордо ответил:

– В отмщение Японии за отказ, сделанный российскому посольству.

Но с позиций международного права – это был разбой. И тут друзьям повезло: шла война со Швецией, и им «зачли в штраф» командировку на поле боя в финские шхеры, где Хвостов и Давыдов получили в командование по канонерской лодке. Действуя умело в юго-западной части Финляндии, они отличились личной храбростью и успешно помогали русскому воинству.

Командующий армией граф Буксгевден за храбрость и похвальные действия представил друзей к наградам: Хвостова – к ордену Святого Георгия четвёртого класса, дававшего право на потомственное дворянство, а Давыдова – к ордену Святого Владимира четвёртой степени. Представление генерала пошло в Петербург, но император Александр I, помня о международном скандале, учинённом друзьями, начертал резолюцию: *«Неполучение награждения в Финляндии послужит сим офицерам в наказание за самовольства против японцев»*. Узнав об этом, Хвостов сказал удручённому Давыдову:

– Ничего, Гаврюша, авось проживём и так. Не в орденгах счастье.

После войны оба «героя» вернулись в Петербург, где была зимняя стоянка гребного флота. Но жизнь их оказалась недолгой и оборвалась неожиданно и нелепо. 4 октября 1809 года оба друга в компании морских офицеров ночью возвращались с какой-то попойки (суда уже стояли на приколе). На пути встретилось препятствие: стали разводить мост через Неву. Друзья переглянулись:

– Николая, прыгнем? – спросил Гавриил, и тут же услышал ответ Николая:

– Авось перепрыгнем...

Разбежавшись, Хвостов и Давыдов прыгнули через уже образовавшийся зазор. Но они не смогли достичь другого участка моста, и холодные волны Невы поглотили их навеки. Оторопевшие от происшедшего их товарищи слышали только чей-то голос:

– На авось не получилось!

Давыдов не дожил и до тридцати лет, а Хвостов погиб в возрасте Христа – в тридцать три года.

***

А что же Кончита?

Через несколько месяцев весть о смерти камергера Николая Петровича Резанова дошла до Санкт-Петербурга. Министр коммерции Румянцев сразу же отписал дону Хосэ Аргуэльо об этом. Но почта тогда шла очень долго: через всю европейскую Россию, потом через бесконечную Сибирь, а затем – попутной оказией – через Тихий океан, который всё же был Великим. Дон Хосэ получил печальное письмо через два года после отъезда из Сан-Франциско Резанова. Кончился срок обета Кончиты, но она, убитая этим сообщением, не стремилась поскорей выпорхнуть из клетки, в которой держало её обещание.

Она замкнулась, ни с кем из кавалеров не общалась – зачем они ей, если красавица и раньше ими пренебрегала? Скоро она выросла из возраста «девиц на выданьи» и переросла этот возраст, став «старой девой».

Не видя перспектив для своих дочерей в крепости и городке Святого Франциска, дон Хосэ добился перевода в столицу колонии. Но и здесь Кончита отказалась выходить замуж. Она осталась верной своему слову и ушла в монастырь Святого Доминика. Пройдя послушание, бывшая синьорита Мария де ла Консепсьон Марцела Аргуэльо, юная красавица Кончита, облачилась в белое одеяние ордена Святого Доминика и стала монашкой под именем «сестры Марии Доминго».

Неизвестно, вспоминала ли она в монастыре своего нареченного, камергера, дона Николая Резанова или его бывшего друга Георга Лангсдорфа, с которым так весело было проводить время и который был так любезен и красив.

Кончита, извините, сестра Мария Доминго, умерла в монастыре, когда ей было пятьдесят лет.

Эпилог

Ex ipso fonte bibere

(Пить из самого источника)

Латинское изречение.

Со времени описанных событий прошло двести лет. Из всех героев этой повести – первого и второго плана – в современной истории остались в памяти лишь три человека: Николай Резанов, Алексей Грейг и Иван Крузенштерн, а другие – Николай Хвостов, Гавриил Давыдов, Кончита Аргуэльо и Георг Лангсдорф – оказались в тени истории.

Николай Петрович Резанов попал во все энциклопедии как дореволюционные, так и советские как организатор заселения и промышленного освоения Дальнего Востока и Русской Америки, а также как создатель первых руководств по японскому языку. Но нигде, кроме, может быть, специальных статей, не упоминается о его романе с Кончитой. В советское время могила его была разорена, и только в последние годы на её месте поставили плиту с надписью: «Здесь был похоронен Резанов Николай Петрович, 1764–1807, кавалер и командор ордена Мальтийского креста, руководитель первой русской кругосветной экспедиции, дипломат, один из руководителей Российско-Американской компании». К этому камню молодожёны, наслышанные мелодиями «Юноны» и «Авось», приносят цветы в память о романтической любви Резанова и Кончиты.

Через сто семьдесят лет талантливый русский поэт Андрей Вознесенский, узнав о романе Николая Резанова и Марии Аргуэльо, написал несколько странную поэму «Авось», а другой талантливый человек – композитор Алексей Рыбников – сочинил к этой поэме трагическую и проникновенную музыку, и так родилась рок-опера, или мюзикл, «Юнона» и «Авось», прославленная блестящим исполнением роли Резанова не менее талантливым Николаем Караченцовым. И вот уже двадцать пять лет этот мюзикл не сходит со сцены, и Караченцов, уже состарившись, всё ещё играл бы роль Резанова, если бы не автомобильная катастрофа.

Американцы, вытеснившие в середине девятнадцатого века испанцев из Новой Испании и из Сан-Франциско, передавали потом из поколения в поколение легенду, слышанную ими от испанцев, о девушке, полюбившей русс-

---

кого гранда, которая всю жизнь ждала его возвращения, сидя у моря и смотря вдаль. Со временем легенда утратила свои исторические корни, но до середины двадцатого века на ярмарках в Сан-Франциско показывали «живую картину», в которой красивая испанка, глядя на море, ждёт своего возлюбленного, облокотившись на крепостную пушку. Эта «картина» сопровождалась выступлением артиста, который читал поэму, рассказывающую о любви юной красавицы и пришельца из-за океана, уплывшего потом навсегда.

А о Хвостове и Давыдове никто и не вспоминал. Лишь моряки да историки флота случайно могли набрести в «Общем морском списке» времён Павла I на их имена. И только в 60-е годы XIX века «Морской сборник» опубликовал большую статью моряка и историка русского флота Александра Соколова под названием «Хвостов и Давыдов», которая впервые осветила их трагические судьбы и рассказала о них как о личностях.

Удивительно, но имена Резанова, Хвостова и Давыдова появились на морских и географических картах тех мест, где они плавали, но дали их американцы.

В 1933 году Лесная служба Соединённых Штатов Америки назвала именем Резанова озеро на одном из островов архипелага Александра у тихоокеанского побережья Северной Америки.

В честь Давыдова названы два географических места: банка (мель) в Охотском море у острова Сахалин, которая была открыта Хвостовым и Давыдовым в 1806 году во время совместного их плавания на «Юноне», и мыс на острове Сахалин, открытый ими же в том же году.

Больше повезло Хвостову: его имя получили три географических пункта. В 1933 году Лесная служба США

назвала его именем озеро в архипелаге Александра у северо-западного побережья Тихого океана; Гидрографическая служба Америки дала имя Хвостова острову в Алеутском архипелаге Берингова моря; там же имя Хвостова получил пролив между островами – и опять назван американцами в 1935 году.

Стыдно, но почему-то имя Хвостова увековечено американцами, а мы, россияне, о нём постарались забыть.

В честь дона Хосэ, как первого коменданта крепости Святого Франциска, в городе Сан-Франциско названа улица – «Аргуэльо».

Ну, а юная Кончита, естественно, не попала на географические карты Америки и улицы Сан-Франциско, зато прославилась в поэмах и мюзиклах.

Отдавая должную дань Резанову, нужно сказать, что если бы не его стремление «позаимствовать» у испанцев кусок Северной Калифорнии, там бы не возникло русское поселение Форт-Росс, всего в нескольких десятках километров от Сан-Франциско. Оно появилось в 1812 году.

И совсем удивительно: морской бродяга, шалопай и поэт Гавриил Давыдов оказался автором словаря разговорного языка айнов – народа, населяющего Южный Сахалин.

***

Больше повезло «героям второго плана».

Иван Фёдорович Крузенштерн стал русским адмиралом и возглавил Морской кадетский корпус. Он прочно вошёл в историю как первый российский кругосветный мореплаватель. О нём написано множество статей и книг, в том числе – его научная биография, изданная Академией наук СССР.

Георг Лангсдорф, вернувшись в Санкт-Петербург, получил назначение в Бразилию, где стал российским консулом. Он написал воспоминания о плавании вместе с Резановым на «Надежде» и «Юноне», стал российским академиком и известным ученым. Его научная биография также издана АН СССР.

А в 2006 году, спустя двести лет после «любовной вспышки» Николая Резанова и Кончиты Аргуэльо, российская исследовательница, филолог из Красноярска Анна Сурник опубликовала свою научную работу, написанную по архивным материалам, которая произвела переворот в представлениях о Резанове и Кончите и о их скоротечной любви. Их романтическая, оперно-музыкальная страсть превратилась в «романтическую», построенную на «игре в любовь» двух расчётливых людей – сорокатрёхлетнего дипломата, камергера и пятнадцатилетней испанки, красавицы в белом платье – символе чистоты – и с красной розой на груди – символе страсти.

Я, как автор этой повести, сознаю, что, возможно, огорчил некоторых читателей изложенной правдой, но, будучи учёным-исследователем, я не мог отходить от истины – как сказал Ювенал: «Высказать слова своей души, а правде отдать жизнь».

Статский советник, консул
в Бразилии
Г.И. Лангсдорф.

Рис. неизвестного мастера.

И ещё: «Пришёл, написал, прожил», как говорили мудрые римляне.

Я прожил с моими героями их жизни и надеюсь, что и мой читатель пережил со мной их радости и страдания. А если кого-либо из читателей будет волновать вопрос о том, соблазнил ли Резанов Кончиту, то я могу ответить только словами латинского изречения: «Solus cum sola, im loco remoto, non cogitabuztur orare “Pater noster”», что в переводе означает: «О мужчине и женщине, встретившихся в уединённом месте, никто не подумает, что они читают “Отче наш”».

Краткое послесловие автора

Весь сюжет новеллы построен на подлинных жизненных фактах героев. Все цитаты из писем, докладных записок и дневников – подлинные и взяты из различных печатных и архивных источников.

Как в любой повести, автор позволил себе некоторые художественные домыслы. К их числу, в частности, принадлежат: брачный договор между Резановым и Кончитой, сочинённый на основе подлинного договора XIX века, стихи, посвящённые Концепсии, и все диалоги героев повести, кроме помеченных знаком (*), которые, как и события, связанные с ними, построены по письмам Резанова.

Николаев, 2006 г.

ХРАМ ВЕСТЫ

Историческое эссе

ОТ АВТОРА

*Платон мне друг,
но истина дороже.*

Аристотель.

В истории жизни знаменитого русского адмирала А.С.Грейга и выдающегося лексикографа В.И.Даля есть одно общее темное пятно, которое до сих пор все тщательно старались не замечать, не осветлять, а если и приходилось его касаться, то сторону почётного академика Далья стремились по традиции обелить, а сторону почётного академика Грейга, наоборот, ещё более очернить. Однако освобождение нашей истории от пут политики и партийности позволило наконец-то показать людям истину, какой бы неприглядной она ни была. Да, в молодости Далья судили военным судом за безнравственный поступок...

В книге впервые на основе документальных материалов рассказывается об этой истории, сыгравшей в жизни и Далья и Грейга огромную роль, оставив в их душах тяжёлое впечатление, которое сопровождало двух выдающихся деятелей до конца жизни.

Случившееся не умаляет великих заслуг этих двух людей, но только правда, хоть и горькая, однако, рассказанная без оглядки, поднимет и их и нас над неприглядностью происшедшего.

Встреча на Эльбе

...24 июня 1770 года после Хиосского сражения, закончившегося взрывом сцепившихся турецкого и русского кораблей, турецкий флот позорно бежал в Чесменскую бухту под прикрытие крепостных орудий. Главнокомандующий русскими военно-морскими и сухопутными силами на Средиземном море А.Г.Орлов созвал совет, на котором был принят разработанный командором С.К.Грейгом план уничтожения турецкого флота. Граф Орлов поручил исполнение этого плана его автору. В ночь на 26 июня отряд русских судов, возглавляемый Самуилом Грейгом, вошёл в Чесменскую бухту и начал яростный обстрел скопившихся вражеских судов. Пущенные по сигналу Грейга брандеры довершили дело: турецкие корабли один за другим вспыхивали и взлетали на воздух.

За заслуги в Чесменском сражении Екатерина II щедро наградила Самуила Грейга, а его сына, родившегося в 1775 году, произвела в мичманы через две недели после появления на свет. Алексей Грейг с 10 лет начал службу на флоте, в 21 год уже командовал фрегатом, а впоследствии стал прославленным русским адмиралом.

Заканчивая книгу об адмирале А.С.Грейге, выпущенную издательством «Наука», я случайно узнал, что в ГДР живёт Лидия Неезе – праправнучка моего героя, последний отпрыск некогда многочисленного рода Грейгов – моряков и военных, генералов и адмиралов, ученых и писателей.

Получив в дар книгу о своём прапрадеде, Л.Неезе пригласила меня в гости. Признаюсь, встреча с Неезе для меня

была крайне интересна: ведь она хранила, как я узнал из переписки, много замечательных портретов, а ещё более – семейных преданий о жизни и деятельности потомков А.С.Грейга, след которых затерялся в бурные годы революции и гражданской войны.

И вот я в Лейпциге. Маленький двухэтажный дом с мансардой; на пороге меня встречает улыбающаяся Лидия Николаевна. Вхожу в дом, и сразу бросаются в глаза огромные портреты в массивных золоченых рамах, с которых смотрят на меня адмиралы Самуил и Алексей Грейги.

Девять дней, девять длинных осенних вечеров я провёл в маленькой гостиной «кукольного домика» (как его называют русские гости Лидии Николаевны). Она рассказывает о сложных, порой нелегких судьбах своих предков и родственников, но, конечно, первые вопросы о ней самой.

Лидия Николаевна – шестое «колено», считая от первого её предка – шотландца Самуила Грейга, приглашенного Екатериной II на русскую службу. Вихри революции разбросали по всей Европе её многочисленных титулованных родственников, изменили общественные отношения и взгляды на жизнь. Исполнилась мечта её детства, о которой родители до революции даже слышать не хотели: молодая балерина с успехом выступает в театрах Москвы, исполняя восточные танцы. В Москве она встретила Ганса Неезе, немецкого специалиста, приглашенного Совнаркомом в качестве консультанта по электросварке.

Л.Неезе – персональная пенсионерка, член научно-технического общества германо-советской дружбы. Прожив в Германии более 50 лет, она сохранила русскую душу и осталась большой патриоткой нашей страны. Удивляюсь, как этой 83-летней женщине, перенесшей

столько невзгод, включая тяжелую операцию в 1983 году, удаётся сохранить живость, энергию, жизнелюбие и неиссякаемое остроумие. Это поистине русский характер.

Слушая свою собеседницу, я невольно окидывал взглядом стены, с которых смотрели на меня Грейги и их многочисленные потомки. Вот большой овальный портрет в узорчатой раме с потускневшей от времени позолотой. Это – Самуил Карлович Грейг, русский адмирал, кавалер высшего ордена Св.Андрея Первозванного, почётный член Петербургской Академии наук и член Лондонского Королевского общества, победитель турок при Чесме и шведов при Гогланде. Рядом – его сын Алексей Самуилович, русский адмирал, кавалер ордена Св.Андрея Первозванного, соратник Д.Н.Сенявина, второй флагман в Афонском и Дарданелльском сражениях, покоритель Варны и Анапы, почётный член Петербургской Академии наук, главный командир Черноморского флота и портов, много сделавший для его совершенствования и для развития города Николаева, основатель Николаевской морской астрономической обсерватории и председатель комитета по строительству Пулковской обсерватории.

На другой стене портрет его жены Юлии Михайловны. Глядя на него, начинаешь понимать, почему адмирал А.С.Грейг пренебрёг общественным мнением и женился на женщине «не своего круга» – красавице Юлии Сталинской, умной, волевой и предприимчивой...

Две сестры

*Идите прочь, непосвящённые:
здесь свято место любви.*

Латинский стих.

Теперь, как мне кажется, наступило время для самого щекотливого рассказа – об интимной жизни Грейга. Во всей русской официальной литературе, исключая мемуарную, адмирал Алексей Грейг предстаёт сразу в виде какого-то завершенного бронзового монумента. Но Грейг был прежде всего человеком, и ничто человеческое ему не было чуждо. И хотя в официальных послужных списках он числился многие годы холостым и бездетным, но у него была в это время семья и были уже дети. Женщина, которую он так долго скрывал от сановного Петербурга и военно-мещанского Николаева, заслуживает особого рассказа. Она сыграла в жизни Алексея Самуиловича не последнюю роль, а, пожалуй, даже роковую.

История их супружества в своё время вызвала множество толков и сплетен, ходивших от Одессы и Николаева до Петербурга. Чтобы не томить далее читателя, приведу длинную выдержку из воспоминаний Ф. Вигеля, приятеля Александра Пушкина; они дружили в молодости в бытность поэта на Юге.

Надо сказать, что «записки» Вигеля хорошо известны всем историкам и служат золотым кладом жизни и интриг конца восемнадцатого и начала девятнадцатого веков. Вигель, страдавший противоестественным влечением к мужчинам, был желчным и злобным человеком, его на-

---

блюдения метки и точны, но окрашены язвительностью и сарказмом, что вы заметите сами.

Однако, как утверждают пушкинисты и историки, все попытки уличить Вигеля в неточности ни разу не привели к успеху. Ему можно доверять в фактах, но надо быть осторожным с его оценками и характеристиками.

Вигель в 1828 году проездом был в Николаеве и встречался с Алексеем Самуиловичем и Юлией Михайловной. Итак, Вигель: *«Целую неделю должен был я выдерживать карантин в Николаеве. Раза два навестил меня Федоров, а об адмирале Грейге¹ не было ни слуху ни духу: всякий англичанин более или менее почитал себя лордом.*

Несмотря на то, будучи с ним знаком, я не хотел оставить Николаев, не явившись к нему, и 26 [января 1828 г.] поутру отправился с моим почтением на дрожках моей хозяйки. У подъезда встретил меня слуга, который сказал, что адмирал на той половине, и пошёл провожать меня туда. Той половиной была на дворе длинная пристройка к главному корпусу строения. По входе в переднюю слуга сказал мне, что я могу идти без доклада. Не знаю, или часы шли у меня неверно, или в приморских городах обедали тогда гораздо ранее даже, чем в губернском, только

1 - Адмирал А.С. Грейг - начальник Черноморского флота - примечание Ф. Вигеля.

**Вице-адмирал
Алексей Самуилович Грейг.**

Грав. Г.А. Гунциуса, 1821 г.

в первой комнате нашел уже я накрытый стол, а в другой даму и с полдюжины мужчин, все моряков. Замешательство Грейга было едва ли не сильнее того, которое я в себе почувствовал. Нахмурясь угрюмо, не сказав мне ни слова, он обратился к даме и сквозь зубы назвал меня по фамильному имени. «Ах, Боже мой! Ах, как я рада! Как много слышана об вас, как давно хотела с вами познакомиться и, наконец, нечаянный случай, кажется, хочет нас сблизить». Вот восклицания дамы, на которые едва успевал я отвечать поклонами. Надобно объяснить причины таких странностей.

В Новороссийском краю всезнали, что у Грейга есть любовница жидовка и что мало-помалу, одна за другой, все жены служащих в Черноморском флоте начали к ней ездить как бы к законной супруге адмирала. Проезжим она не показывалась, особенно пряталась от Воронцова и людей его окружающих, только не по доброй воле, а по требованию Грейга. Любопытство насчет этой таинственной женщины было возбуждено до крайности, и оттого узнали в подробности все происшествия её прежней жизни. Так же, как Потоцкая, была она сначала служанкой в жидовской корчме под именем Лиц или под простым названием Лейки. Она была красива, ловка и умением нравиться наживала деньги. Когда прелести стали удаляться и доставляемые ими доходы уменьшаться, имела она уже порядочный капитал, с которым и нашла себе жениха, прежних польских войск капитана Кульчинского. Надобно было переменить веру; с принятием св.крещения к прежнему имени Лиц прибавила она только литеру «ю» и сделалась Юлией Михайловной.

Через несколько времени, следуя польскому обычаю, она развелась с ним и под предлогом продажи какого-то строевого корабельного леса приехала в Николаев. Ни с кем, кроме главного начальника, не хотела она иметь дела, добилась до свидания с ним, потом до другого и до третьего. Как все люди с чрезмерным самолюбием, которые страшатся неудач, в любовных делах Грейг был ужасно застенчив, она на две трети сократила ему путь к успеху. Ей отменно хотелось выказать своё торжество; из угождения же гордому адмиралу, который стыдился своей слабости, жила она сначала уединенно и ради скуки принимала у себя мелких чиновниц; но скоро весь город или, лучше сказать, весь флот пожелал с нею познакомиться. Она мастерски вела своё дело, не давала чувствовать оков ею наложенных и осторожно шла к цели – законному браку. Говорили даже, что он совершился и что у ней есть двое детей; тогда не понимаю, зачем было так долго скрывать его.

Оправдываясь в неумышленной нескромности, я слагал вину на слугу, а Юлия Михайловна сказала, что не бранить его, а благодарить должна. Сам же Алексей Самойлович, видя мое учтивое, приветливое, хотя свободное с нею обхождение, начал улыбаться и заставил у себя обедать. В её наружности ничего не было еврейского; кокетством и смелостию она скорее походила на мелкопоместных польских паней, так же как они, не знала иностранных языков, а с польским выговором хорошо и умно выражалась по-русски. За столом сидел я между нею и адмиралом, неожиданно с сим последним зашел у нас разговор довольно сериозный. Речь коснулась до завоевательницы и созида-

**Юлия Михайловна Грейг
(Сталинская).**

*Рис. Молдавского,
литогр. Мошарского,
1830 - 1831 гг.*

тельницы Новороссийского края [Екатерины].

На другой день, 27-го, по-маленьку я начал собираться в дорогу, когда явился ко мне курьер с приглашением Алексея Самойловича и Юлии Михайловны пожаловать к ним на вечер, бал и маскарад 28 числа. Мне следовало бы отказаться, во-первых, потому, что это был день кончины отца моего, во-вторых, что я два лишних дня должен быть потерять в пути; но мне не хотелось невниманием платить за учтивость, да

и любопытство увидеть николаевское общество во всем его блеске взяло верх над долгом. Дней за десять перед тем видел я одесское, но не мог судить о великой разнице между ними, не будучи ни с кем знаком.

Мужчины несколько пожилые и степенные, равно как и барыни их, сидели чинно в молчании; барышни же и офицерки плясали без памяти. Масок не было, а только две или три костюмированные кадрили. Женщины все были одеты очень хорошо и прилично по моде, и госпожа Юлия уверяла меня, что она всех учила одеваться, а что до неё они казались уродами. Сама она, нарядившись будто магдебургской мещанкой, выступила сначала под покрывалом; её вёл под

руку адъютант адмирала Вавилов, также одетый немецким ремесленником, который очень забавно передражнил их и коверкал русский язык. На лице Грейга не было видно ни удовольствия, ни скуки, и он прехладнокровно расхаживал, мало с кем вступая в разговоры. Сильно возбудил во мне удивление своим присутствием один человек в капуцинском платье; он был не наряженный, а настоящий капуцин с бородой, отец Мартин, католической капеллан черноморского флота, который, как мне сказывали после, тайно венчал Грейга с Юлией. Оттого при всех случаях старалась она выставить его живым доказательством её христианства и законности её брака; только странно было видеть монаха на бале. Мне было довольно весело, смотря на большую часть веселящихся, которые казались совершенно счастливыми.

Наконец, 29-го поутру, вырвался я из Николаева».

Воспоминания Вигеля нуждаются в уточнении. Я постараюсь дать комментарий, опираясь на добытые мной факты.

Так кто же была Юлия Михайловна? Её отец Михель Сталинский, могилёвский еврей, держал трактир. Могилёв был в те времена знатным перевалочным пунктом, через который шли дороги из Петербурга на юг – в Одес-

**Чиновник Управления
Новороссийской губернии
Филипп Филиппович
Вигель.**

су и Молдавию и на запад – в Польшу. У Михеля было двое дочерей: старшая Лия и младшая Белла. Обе, по-видимому, обслуживали постояльцев гостиницы, но в части образованности девушек Вигель, очевидно, отдал дань своему злословию, заявив, что Юлия «не знала иностранных языков». В вашем распоряжении есть ещё ряд воспоминаний тех времён – полковника И.П.Липранди и В.П.Горчакова. Горчаков говорит о дочерях «дивной красоты». Липранди, много раз проезжавши через Могилёв и останавливавшийся в трактире М.Сталинского, хорошо знал его «двух прекрасных дочерей, одевавшихся по европейски..., знавших отлично французский язык и общесветские приёмы».

Судя по тому, что в 1820 году Юлия Михайловна была ещё в Могилёве, а в мае 1823 года в Николаеве уже было заведено дело на мичмана Даля, связанное с нею, можно считать, что она приехала в Николаев в 1820 году, о чем есть косвенное свидетельство Липранди в связи с судом над Лизгарой, мужем Беллы, а также свидетельство в грязном стишке, фигурировавшем в деле Даля.

Юлия Михайловна родилась 27 января 1800 (или 1801) года. Когда она приехала в Николаев, ей было не более 20 лет. Это была молодая, красивая, обаятельная женщина, блиставшая манерами и умом (что отметил и «зловредный» Вигель). Грейгу в то время было около 45 лет. По понятиям того времени, это был «старый холостяк». По-видимому, барьер, связанный с разницей в 25 лет, удалось преодолеть более находчивой и уже познавшей замужество Юлии.

Как же они выглядели, Алексей Самуилович и Юлия?

К счастью, у нас есть возможность познакомиться с Грейгом почти в год его романтической любви к Юлии. Ис-

---

тория сохранила портрет бравого вице-адмирала Алексея Грейга, гравированный Г.Гиппиусом в 1821 году. Моложавый мужчина с завитками не очень густых волос, эполеты с двумя орлами, грудь, увешанная крестами и звёздами, и уверенный взгляд – таким смотрится Алексей Самуилович в год появления «прекрасной Юлии».

К сожалению, портретов Юлии тех времён не сохранилось. Мне удалось разыскать замечательный гравированный портрет «адмиральши Грейг» тридцатых годов прошлого века. Ей тогда было 30-31 год, не более. Женщина, действительно, красивая. А какой она была в молодости, можно судить по портрету её младшей дочери, взявшей от матери все черты. Лидия Неезе сделала для меня цветную фотографию с портрета Джейн (потом этот миниатюрный портрет Лидия Николаевна продала западному коллекционеру). Посмотрите на Джейн с её удивительно большими мечтательными глазами – и перед вами предстанет облик молодой Юлии.

Несколько лет назад один мой николаевский знакомый, будучи в туристической поездке в Волгограде, увидел на стене картинной галереи прекрасный портрет «адмиральши Грейг». Ему удалось уговорить администрацию сделать с него фотокопию. Узнав, что это работа С.К.Зарянко, отличавшегося точной передачей натуры, можно быть уверенным, что мы видим подлинный облик Юлии Михайловны. В Большой Советской энциклопедии о Зарянко сказано, что в его портретах «мастерски найдено сходство, достигнута жизненность образов, передача материальность предметов» – в этом можно убедиться при взгляде на портрет Юлии Михайловны. Безусловно, он написан вскоре после смерти А.С.Грейга: женщина в торжественно-траурной одежде, на лице отражена бы-

---

лая красота и печаль по ушедшему супругу. Любовь и уважение к нему подчеркнуты образной деталью: у кружевных манжетов на руках надеты узорчатые браслеты с миниатюрным портретом адмирала.

Но вернёмся к молодости Юлии Михайловны, когда она, на языке николаевских жителей, величалась «прекрасной Юлией», порой с истинным восхищением, а часто – с сарказмом.

Почему же Грейг скрывал свою связь, а потом и женитьбу на Юлии? Ответ простой и единственный: в те времена среди чиновников и знати царил неписанный закон о «своём круге». Грейг ввел в дом на положение жены очень молодую, якобы разведенную женщину, годившуюся ему в дочери. Уже само это было предосудительным. Но эта женщина была не только не «его круга» (торговка, дочь трактирщика), но ещё и «иноверка», более того – еврейка! Это Грейгу не могли простить ни шовинистически настроенный сановный Петербург, ни царский двор, ни жители Николаева – от моряков и военных до чиновников и мещан.

Понимая всё это, Алексей Грейг был вынужден официально скрывать свою женитьбу: одно дело – сожительница, содержанка, пусть даже и еврейка, которую можно было выдавать за экономку, а другое дело – законная жена. Вот почему в «формулярном списке о службе и достоинстве» за 1831 год указано «Английской нации и закона, холост», а в это время у него уже было двое сыновей и дочь.

Можно предположить, что Грейг тайно оформил брак с Юлией, когда у него или намечался или уже родился первый сын Самуил (1827 год). Поэтому, как мы помним, Вигель отметил, что Юлия Михайловна вела себя в год его

визита (1828) как жена Грейга. Только вот насчет католического капеллана, который их обвенчал, Вигель, по-видимому, ошибся. Хотя Юлия после первого замужества и приняла католичество, но сомнительно, чтобы Грейг, идя у неё на поводу, также сменил веру на католическую (в послужном списке, им подписанном, указано протестантское вероисповедание). Такой переход в другую веру, да ещё и тайный, был бы для Грейга чреват отставкой, да и многие его сослуживцы англичане и прибалтийские немцы от него бы отвернулись. Вероятнее всего, Юлия ещё раз переменяла веру, перейдя в протестантство. Это тем более отвечает истине, потому что все её дети были протестантами, и она с ними похоронена на протестантском кладбище. Видимо, капеллан был не католический, а протестантский – священник кирхи, что находится и сейчас на углу Фалевской и Адмиральской улиц в Николаеве.

Как только Грейг и Юлия юридически соединили свои судьбы, отпала надобность, по крайней мере в Николаеве, скрывать свои отношения. Юлия Михайловна почувствовала себя хозяйкой дома и любящей супругой. Сразу же она дала свободу своим национально-природным стремлениям к «воспроизводству»: дети пошли один за другим – сначала сын Самуил (1827 год), затем дочь Юлия (1829 год), вслед за нею сыновья Иван (Джон, 1831 год) и Василий (1832 год); пятой родилась уже в Петербурге младшая дочь Джейн (Евгения, 1835 год) – это был последний и самый красивый цветок в семье Грейгов. Имена всем детям давались: в память бабки и сестры Алексея Грейга – Джейн, в честь жены – Юлии Михайловны, в память об отце – Самуиле Карловиче и в честь брата Самуила, в память брата Джона и т.п. Впоследствии эти имена часто повторялись у потомков Грейга.

Наша повесть о Юлии будет неполной, если не рассказать о её сестре Белле, также с необычной судьбой. В своих очерках об этеристах (греках – борцах за свободу) Липранди рассказывает, что некий поручик русской армии – грек Лизгара – в 1821 году поехал в Молдавию с тайным намерением вступить в этерию. По дороге он остановился в Могилёве, в гостинице Михеля Сталинского. Горячий по натуре грек был поражён красотой Беллы. Лизгара тут же сделал ей предложение и отправился в Кишинёв с молодой женой. Из Кишинёва он навещал Яссы и Скуляны, где собирались будущие участники греческого восстания. В Яссах Лизгара был назначен начальником стражи господаря Михаила Суцу, а Белла уехала в Могилёв.

Когда началось восстание этеристов, Лизгара с отрядом греков перешёл турецкую границу. Вскоре отряд был разбит, многие, в том числе и Лизгара, попали в плен. Его ожидала смертная казнь, но грек назвался русским офицером. Последовало представление России, на которое русские дипломаты ответили просьбой выдать Лизгару как русского офицера, нарушившего присягу и закон, для суда и примерного наказания. В августе 1823 года Лизгара по Дунаю был привезен в Измаил, куда за ним отправился Липранди.

«Приехав в сей город, – рассказывает Липранди, – за три дня до доставления Лизгары, я нашёл жену его уже там в слезах, прибывшей из Могилёва. Узнав, что я имел поручение по делу её мужа и как знакомый ей с 1820 года во время частых моих проездов через Могилёв, она обратилась ко мне с просьбами».

Липранди удалось облегчить участь Лизгары, но, думаю, здесь не обошлось без помощи Юлии, которая имела сильное влияние на Грейга. Как известно, Алексей Са-

---

муилович был хорошо знаком с генерал-губернатором Новороссийского края и Молдавии графом Воронцовым, более того, был дружен с ним. По-видимому, Воронцову нетрудно было, по просьбе Грейга и Липранди, снизить наказание Лизгаре.

В кишинёвском дневнике Горчакова описан любопытный эпизод из его встреч с Пушкиным: *«Разговаривая как-то о наших первых пристанищах, в свою очередь я ... вспомнил могилёвскую Беллу и восторженными словами описал красоту ее и ту лунную ночь на Днепре, когда я впервые увидел воздушные виноградники, облегающие живописное побережье м. Атак, среди светлой ночи отделяющиеся от позлащенных полей и серебряных волн. Эти лозы темнели, как простые кустарники, но воображение, воспламенённое присутствием красавицы, придавало им особую прелесть. Пушкин внимательно слушал мои восторженные рассказы и тут же прочёл мне стихотворение:*

Виноград

*Не стану я жалеть о розах,
Увядших с лёгкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревших под горой.
Краса моей долины злачной,
Отрада осени золотой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.*

При этом я вспомнил античные формы рук Беллы, которой персты действительно были продолговаты и прозрачны. Это воспоминание я также сообщил Пушкину. Пушкин задумался, взглянул на меня, улыб-

---

нулся и как бы в раздумье повторил последние два стиха: *“продолговатый и прозрачный, как персты девы молодой”*.

Замечу, кстати, что пальцы Юлии были также очень длинными – посмотрите на её портрет в трауре, где видна кисть руки.

Можно предположить, что Пушкин знал в Кишинёве не только Беллу, но был наслышан и о её сестре Юлии, тем более, что Грейг и Пушкин были знакомы и встречались у Воронцова в Одессе. Пушкинистка Е.М.Двойченко-Маркова, посвятившая рассказанным эпизодам свою монографию, не исключает этого. Более того, история женитьбы Беллы с примесью судьбы Юлии легла, как она считает, в основу пушкинской повести «Станционный смотритель».

Думаю, что вам, как и мне, доставила приятные минуты встреча с «прекрасной Юлией» и её дивной сестрой. Но продолжение знакомства – ещё впереди.

Грейг и Даль

*Любовь и ненависть – два чувства,
которые сами себя питают,
но из них ненависть живёт дольше.*

Оноре-де-Бальзак.

Владимир Даль,
1830-1840-е гг.

Да, вы не ошиблись, это тот самый Владимир Иванович Даль, будущий знаменитый лингвист, почётный академик, «Казак Луганский», автор «Толкового словаря живого великорусского языка».

Но именно с Далья, с его «лёгкой руки» началась организованная травля Грейга и его жены, не прекращавшаяся до самой смерти Алексея Самуиловича.

В начале девятнадцатого века Иван Матвеевич Даль, бывший главный врач заводской больницы в Луганске, получил назначение на должность главного доктора Черноморского флота и переехал в Николаев – тогдашнюю военно-морскую «столицу». Вскоре, в 1814 году, оба его сына, старший Владимир и младший Карл, отправились в Кронштадт, в Морской кадетский корпус. Будучи выпущенным из корпуса в 1819 году, Владимир прибыл в Николаев для прохождения морской службы на Черноморском флоте. Даль отбывал (в буквальном смысле слова) эту службу на фрегате «Флора», бриге «Менгрелия», на котором, кстати,

---

Пушкин совершил путешествие с Кавказа в Гурзуф, и на других судах.

Известный писатель В.Порудоминский, посвятивший исследованию жизни Даля капитальную книгу в серии «Жизнь замечательных людей», отмечает, что Владимир Даль был моряком неважным, флот не любил, морские плавания переносил с трудом и до оперативной базы Черноморского флота – Севастополя – предпочитал добираться не попутным парусником, а тарантасом по степи.

Смолоду Даль баловался стишками и модными тогда «песенками», водевилями и прочим. В Николаеве восемнадцатилетний мичман прославился не как лихой моряк, что было бы свойственно его возрасту и духу города, а как «сочинитель», чьи водевили ставились любителями. А в водевилях и других пьесах Даль высмеивал морскую службу, флот, моряков и горожан, их быт и интересы. Будем откровенны, сказался, видимо, известный комплекс: морская жизнь не удалась, была нелюбима, карьера не клеилась – и вот молодой, только начинающий службу моряк вымещает свою горечь от несостоявшейся романтической морской жизни на тех, для кого она была повседневной, трудной, но нужной работой.

Поначалу на далевские опусы смотрели, по-видимому, как на обычную дань моде (кто тогда не писал стихов и прозы?!) и не очень реагировали. Но однажды...

Итак, передо мной «Дело 28-го флотского экипажа о мичмане Дале 1-ом, суждённом в сочинении пасквилей». Дело это начато 3 мая 1823 года и закончено 18 марта 1824 года. Мичману Далю 1-му, т.е. Владимиру, 22 года. Даль 2-й, брат Карл, также уже служит на флоте и живёт в Николаеве. Что же произошло? Дадим слово судебно-

---

му протоколу: «За несколько до сего времени благородная публика города Николаева поносима была разными подметными письмами, сочинителя коих при всех разведываниях не обнаружено, а с 19-го на 20-е число прошедшего апреля месяца ночью во многих публичных местах города приклеены четвертные листы, заключающие в себе пасквиль².

По случаю падавшего сильного подозрения в составлении одного пасквиля, 28-го флотского экипажа на мичмана Даля 1-го, приказано от меня Николаевскому полицмейстеру подполковнику Федорову сделать в квартире его, Даля, обыск, где и сысканы нового сочинения ругательный пасквиль же в черне, по собственному признанию Даля руки его, и несколько листов, переписанных им своею притворною рукою, по заявлению приготовленных к подобному публикациию и по объяснению Даля [он хотел] показать некоторым из своих приятелей, якобы им найденными и имеющими сходство с писавшею первый пасквиль от составления коего он хотя и отрицается, но кроме сходства руки, по сходству чернил, бумаги и самого содержания одного, таковое отрицание подвержено весьма большому сомнению.

Почему предписал я Комиссии военного суда при Николаевском порте означенного мичмана Даля 1-го за столь предосудительное благородному званию занятие судить военным судом и о том Аудиторский департамент³ имею честь уведомить.

Вице-адмирал Грейг
3 мая 1823 г. № 327»

2. Подмётное письмо - анонимка, порочащая кого-либо

3. Военно-судебный департамент Морского министерства

Таковы факты, изложенные Грейгом в докладной записке в Аудиторский департамент Морского министерства. Но не будем односторонними. Давайте дадим слово самому Далю, который всю свою жизнь находился «под колпаком» этого дела и всю жизнь пытался обелиться. Как же трактует Даль свой поступок? Давайте пока отложим в сторону судебное дело, а дадим слово уважаемому Владимиру Ивановичу Далю, члену-корреспонденту Академии наук, известному уже литератору, «Казаку Луганскому», чиновнику для особых поручений Министерства внутренних дел.

В 1841 году, по-видимому, поступая на службу в Министерство внутренних дел, Даль написал автобиографию, в которой есть и николаевское событие, связанное с пасквилями:

«Воспитан будучи в Морском кадетском корпусе, я с 1819 года служил во флоте, в продолжение семи лет. В Николаеве написал я не пасквиль, а шесть или восемь стихиков, относившихся до тамошних городских властей; но тут не было ни одного имени, никто не был назван, и стихи ни в коем смысле не касались правительства. Около того же времени явился пасквиль на некоторые лица в городе⁴, пасквиль, который я по сию пору не читал. Главный местный начальник [Грейг] предал меня военному суду, требуя моего сознания в сочинении и распространении этого пасквиля, тогда как я увидал его в первый раз на столе военного суда. Дело тянулось с лишком год, не было никакой возможности изобличить меня в деле, вовсе для меня чуждом, и несмотря ни на что, я был

4. Этот второй пасквиль написан был на жившую в доме адмирала Алексея Самуиловича Грейга, близкую к нему личность – прим. В.И.Даля

наконец обвинен, без всяких доказательств, и приговорен к лишению чинов. Прибегая к единственному пути спасения, предоставленному в таком случае законом, я подал на высочайшее государя императора имя просьбу с объяснением всех обстоятельств дела. Вследствие просьбы этой, несмотря на силу главного морского начальника и мое пред ним ничтожество, генерал-аудиториат меня защитил: мне возвращен был чин лейтенанта, со старшинством противу товарищей, и сам я переведен на Балтийский флот.

Не хочу оправдываться в проступке своем, но смею думать, что я пострадал за него довольно, и что это для молодого человека, едва только оставившего корпус, есть достойная наказания и забвения шалость».

Что можно сказать на это? И здесь Даль неискренен, неточен и затуманивает дело. Но об этом ниже. Хочу только заметить, что в возрасте Даля А.Грейг уже командовал кораблём и был капитан-лейтенантом.

К сожалению, как это у нас водится, никто из историков не попытался хотя бы для себя разобраться в этом деле. Сработал процветающий, ещё поныне вульгарней, социологизм, высмеянный ещё в «Золотом телёнке» Ильфа и Петрова («Бай – плохой человек, декханин – хороший человек»). Столкнулись, в трактовке вульгарных историков, два полярных общественных лица: адмирал – с одной стороны (высший морской чин – плохой человек) и мичман – с другой (низший морской чин – хороший человек). Значит, виновен адмирал. И никто не поинтересовался, а что же всё-таки написал Даль, какие же стишки? Да, пухлое судебное дело № 26, содержащее 53 документа на 85 листах, никто не брал в руки до 1965 года.

Адмирал А.С. Грейг.

*Литогр. Г. Броунинга,
1830-1831 гг.*

В.Порудоминский, написавший первую серьёзно документированную книгу о Дале, был третьим человеком, просмотревшим документы (в 1969 году).

И вот, не читая архивных документов, опираясь только на высказывания самого Даля, его дочери и писателя Мельникова-Печерского, местные краеведы и столичные исследователи создали миф о «безвинно пострадавшем» юном моряке и о самодуре адмирале.

Вот, например, что пишет об этом событии николаевский учитель, «крестьянский писатель» А.Топоров: *«Проходя военно-морскую службу в Николаеве, мичман Даль сочинил комедию, в которой высмеял «придворную куклу», крестника Екатерины II, главного командира Черноморского флота адмирала Грейга.*

Намёк был прозрачен. Последовал обыск в квартире автора. Жандармы нашли его сатирические стихи, Грейг упёк мичмана-вольнодумца под суд и продиктовал приговор: «Лишить чина и записать в матросы на шесть месяцев».

И в таком духе с вариациями из статьи в статью.

А некоторые без меры ретивые, вроде николаевского краеведа А.Л.Журавля, договорились до того, что Даль стал уже чуть ли не революционером, восставшим против властей. И никто не остановил поток этой фальсификации. Лишь один В.Порудоминский, ознакомившись

с «военно-судным делом», впервые приоткрыл покрывало Исиды, показав истину и назвав вещи своими именами. Но и он не довёл дело до конца, не опубликовал дальевские пасквили и не раскрыл перед читателями всех документов.

Чтобы раз и навсегда покончить с ложной традицией в трактовке николаевского дела Даля, давайте, не закрывая лицо от стыда за нашего знаменитого соотечественника, прочтем основные документы дела.

В ночь с 19-го на 20-е апреля 1823 года в разных частях города кто-то расклеил анонимные стишки (пасквиль), которые взбудоражили николаевских жителей, но на следующий же день они были сняты полицией. Поиски пасквилянта не увенчались успехом, и у полиции возникло подозрение, что их автором был мичман Владимир Даль, известный до этого в Николаеве как «сочинитель». В отсутствие Даля (он был на службе, по-видимому, в военной гавани, где стоял бриг «Менгрелия») полиция провела обыск и обнаружила у него в комнате несколько экземпляров нового пасквиля. Все экземпляры были написаны как будто разными лицами. Кроме того, был найден черновик этого пасквиля, названного «Без дозволения начальства. Антикритика».

Вызванный домой Даль признал, что все первые стишки написаны его рукой, но изменённым почерком, а черновик – его подлинным почерком. Экспертиза снятых со столбов пасквилей и найденного в доме Даля черновика обнаружила полное совпадение бумаги, чернил, характерных примет почерка и стиля стишков.

Расклеенный по городу пасквиль, который публикуется впервые, гласит:

С дозволения начальства

*Профессор Мараки сим объявляет,
Что он бесподобный содержит трактир,
Причем всенароднейше напоминает
Он сброду, носящему флотский мундир,
Что теща его есть давно уж подруга
Той польки, что годика три назад
Приехала, взявши какой-то подряд.
Затем он советует жителям Буга
Как можно почаще его навещать,
Иначе, он всем, что есть свято клянется,
Подрядчица скоро до них доберётся.*

Стишки эти не выдерживали никакой критики с точки зрения стиля, формы, рифмы, грамматики и прочих тонкостей поэзии, да и не в этом дело. Главное – их нравственная (вернее, безнравственная) сторона. Они оскорбили не только Мараки и всех моряков, но бросили неприличную тень на жену Грейга Юлию Михайловну. Намёк был слишком прозрачным: год появления в Николаеве, национальность (Юлия после первого замужества, как мы помним, выдавала себя за польку), покровительство трактирщице, подрядчица, сила Юлии и власть и т.д.). Прижатый уликами Даль, однако, не растерялся и заявил, что он этот пасквиль не писал, а раз стишки написаны от имени Мараки, то он, очевидно, их и написал. Следуя букве и духу закона, полиция вызвала на дознание учителя (профессора) итальянского языка в Николаевской штурманской роте (училище) – губернского секретаря Александра Данжело Мараки. Учитель дал расписку, что он не сочинял (сам на себя) пасквиль.

Второй стишок, в авторстве которого признался Даль, был ещё похлеще. Сейчас вы его впервые в нашей истории прочтёте и оцените сами:

***Без дозволения начальства
Антикритика***

*Дурак, как Мараки над ним забавлялся,
Марая Мараку, он сам замарался
На всех, как Мараки, пасквили писать.
Ума хоть не станет, бумаги читать.
Та полька – не полька, а Лейка жидовка.
Сатирик в герольдии знать не служил;
Сестра ее, мать – такие торговки,
Подрядами ставят, чем Бог подарил.
В таком-то местечке меня уверяли,
Что Лейку прогнали и высекли там.
Я право же, верю, из зависти лгали:
Наш битого мяса не любит и сам!*

Из этого набора безграмотных, порой бессмысленных фраз прямо-таки лезут в глаза мерзкие намёки и оскорбления Мараки, Юлии Михайловны (которая теперь уже прямо названа своим «первородным» еврейским именем), её сестры Беллы, матери да и самого Грейга. Особенно грязные намёки на сестру и мать, которые из этого пасквиля смотрятся просто проститутками.

Нужно отметить, что и в полиции и в суде Даль проявил удивительную изворотливость и ловкость, уходя от ответа на поставленные вопросы. Можно предположить, что, сочиня пасквили, Даль знал об ответственности за это, поэтому умно продумал суть каждого намёка и взаимосвязь обоих стишков. Когда его прижали показаниями экспертизы, Даль ответил, что сходство чернил и бумаги

случайное – они куплены в одной и той же лавке и т.д. На предъявленный в качестве обвинения его собственный пасквиль Даль возразил совсем уж оригинально: первый пасквиль он не писал и, возмущённый его содержанием, якобы, выступил в защиту оскорблённого Мараки, написав «Антикритику». Трудно сказать, чего тут больше, наивного нахальства или самоуверенной наглости.

Как видим, Даль лицемерил и в приведённой выше автобиографии, заявив, что он не писал пасквиль, что не было названо ни одного имени, что в стихках он касался только «городских властей», что без всяких доказательств он был привлечён к суду. Однако, почему всё же в конце автобиографии он признаёт свой «проступок», достойный наказания? Одно из двух: или виноват, тогда наказан за дело, а если не виноват, тогда как же понимать признание за собой «проступка», за который Даль, по его же словам, «пострадал довольно»? Видимо, Даль, запутывая в своей автобиографии дело, всё же не мог отречься совсем от того, что было на самом деле. А была далеко не «шалость».

Несколько месяцев суд под председательством вице-адмирала Н.Л.Языкова пытался добиться признания Далем своей вины. Суд выдал Далю опросные листы со следующими вопросами:

«1-й. Где и у кого видал он сочиненный пасквиль, противу которого сделал он возражение, соображаясь во всех словах оного, в своей им так называемой «Антикритике», ибо Комиссии суда известно, что все листы, приклеенные по разным частям города, были на другой же день Николаевскою градскою полициею со всех мест оторва-

---

ны, следовательно, ни у кого оно пасквиля не долженствовало оставаться.

2-й. На кого он относит слово: «та полька не полька, а Лейка жидовка»; и почему он мог знать мысль сочинителя, на кого он именно разумел называть полькой, какая именно ее сестра и мать «такие торговки, подрядами ставят, что Бог подарил».

3-й. В каком местечке, кто и при ком именно его «уверяли, что Лейку прогнали и высекли там» и почему он может ссылаться на г[осподина] полицмейстера насчет написанного им в его «Антикритике»: «Та полька не полька, а Лейка жидовка», тогда как Комиссия спрашивала его о сем, а ни кого другого, зная, что он верно известен о сей женщине, потому что пасквиль был написан прежде, чем он у него взят».

Даль отказался дать показания.

Почти через месяц Даль заявил: «О женщине Лейке произносил слова в присутственном месте г. полицмейстер Федоров, который показал, что ему известно, о какой именно женщине в приклеенном пасквили речь идет...»

Наконец-то через несколько месяцев дознания Даль дал следующие ответы:

«1. Ежели сам сочинитель не известил о числе им прибитых пасквилей, то никак нельзя полиции ругаться в том, чтобы она успела захватить оные все до одного; кому случилось выйти на улицу раньше служителей полиции, тот мог увидеть и снять один или несколько из прибитых по углам

листов. Доказательством сего служит то, что он видел упомянутую пасквиль на другой день публикации оного в руках у двух канцелярских служителей, читавших оную на улице против квартиры капитана I ранга Гаитани, имена коих он не знает. Догадка его в рассуждении мыслей сочинителя пасквиля основывается единственно на слухах.

2. Кто же такая «Лейка жидовка» г. полицмейстер подполковник Федоров может подать подробнейшие всем известия, ибо когда он допрашивал, для чего он в листах с найденными у него стихами взял партикулярное письмо, писанное к нему из Польши; не думал ли он найти в оном что-либо касательно сей «польки или жидовки», то он отвечал: происхождение и дурное поведение сей женщины столько известно, что было бы излишним чинить подобные разыскания. Следовательно, он знал, о какой именно особе речь идет в прибитой пасквиле.

3. Выражение «в каком-то» он... не помнит. Под словом «наш» разумел он «наш Николаев». Он, не смеючись говорит, не верит, чтобы здесь находилась жидовка Лейка, которая была бы высечена и выгнана из другого местечка, не верит, чтобы наш Николаев дал бы пристанище такой распутной женщине».

Читая эти объяснения и анализируя весь ход судебного разбирательства, нельзя отделаться от мысли, что Даль проявил максимум ума, остроумия и сообразительности и иной раз попросту издевается и дурачит суд. Как он ловко перевёл обвинение, связанное с Лейкой, на другого, да на кого?! На самого полицмейстера Николаева Фёдорова,

---

который выступал, по существу, главным обвинителем. И снова, действуя в духе буквы закона, суд вынужден был допросить полицмейстера и взять у него показания: *«Николаевский полицмейстер Федоров отозвался, что он не находит надобности объясняться вместо подсудимого тем более, что г. мичман Даль (как может припомнить), бывши в присутствии на другой день по взятии в доме пасквильных листов, не открыл ему до кого относились ругательства, в «Антикритике» его написанные».*

Не так ли в наше недалёкое время («период застоя») действовали и наши анонимщики, столь же нагло и уверенно? И не потому ли долгие годы никто так и не раскрыл на страницах нашей печати подлинную историю Даля?

В заключение работы суда Даль, уже потряхнувший с себя испуг первых впечатлений и, видимо, заручившийся поддержкой влиятельных врагов Грейга, вообще перешёл от защиты к нападению. В одном из последних протоколов записано: *«... не находя в поведении своем ни малейшего повода к подозрению, Даль просит Комиссию объявить ему, в чем именно состоит оное подозрение и какими поступками заслужил он подвергнуть бумаги свои и партикулярные письма полицейскому обыску... г. полицмейстер обыскал шкатулки во время его отсутствия и без депутата с его стороны...»* Вот так! Как будто не было вообще мерзкого пасквиля «Антикритика» и стремления Даля ознакомить с ним своих знакомых.

Чтобы быть объективным до конца, привожу еще один из заключительных протоколов суда, в котором Даль показал:

«... три четвертных листа, заключающие копию его стихов, найденных у него, писаны точно

его рукою с собственного его сочинения, в котором, как и в переписке, не участвовал никто. В рассуждение же приклеивания пасквиля по разным частям города известия никакого подать не может, ибо ни в сочинении, ни в копировании, ни в приклеивании его не участвовал; кому именно показал бы найденные у него стихи, определенно сказать не может, ибо сам еще в рассуждении сего не решился. Намерения у него другого при сем не было как-то: чтобы нацет⁵ пасквилянта посмеяться. Далее объясняет, что захваченные у него стихи к обнародованию назначены не были, написал он 3 списка поддельною рукою для того, чтобы позабавиться с кем-нибудь из его приятелей, сказавши, что он их нашел, после чего они были бы преданы пламени.

Он ни упоминаемых подметных писем, коих и сам будучи член Николаевского благородного общества, не видал, ни прибитой пасквили не писал, не прибывал и ничем в оном не участвовал. Найденные у него стихи суть ни что иное, как произведение минутной шалости, в коем кажется законопреступного ничего не заключается, его же без малейшего исследования дела повелено судить военным судом, хотя вина его, как в предложении его превосходительства изображено, состоит только в том, что 1-е) падает на него подозрение в сочинении пасквиля и разных подметных писем, 2-е) что найдены у него

---

5. Читатели, видимо, понимают, что в документах я сохраняю грамматику и писарские особенности тех времён, кое-где исправляя синтаксис, чтобы текст был понятней (отделяю законченные фразы точками)

стихи, названные ругательным пасквилем. Он же не знает, кого ими обидел, а закон говорит ясно: надлежит ответчику объявить, кто есть челобитчик, почему просит Комиссию объявить ему, кто именно найденными у него стихами оскорблен или обруган, дабы он знал, против кого ему отвечать надлежит».

Ай да Даль! Удар он нанёс точно: Даль знал, что на флоте, как и в армии, адмирал не спорит с мичманом. В судебную тяжбу должен был вступить или сам Грейг или его жена, причём надо было бы доказывать, что все мерзости «Антикритики» Даля есть низкие инсинуации, а что было справедливым, но тайным («та полька, не полька...»), невольно было бы открыто. Грейг, естественно, не допускал и мысли, чтобы унизиться до положения «челобитчика». Даль мог торжествовать: ни один оскорблённый им истец не явится в суд. Ну, а если нет истца, нет и ответчика.

Суд оказался в сложном положении: до сих пор на Руси судопроизводство велось по принципу «прецедента» – начинали со статей, имеющихся в самых первых законах с учётом последующих поправок и дополнений. Были подняты указы о пасквилях 1683 и 1775 годов, «Жалованная дворянству грамота» и «Воинский устав». По старым законам анонимщику полагались такие кары, что суд, конечно, не принял их во внимание. Поскольку В.Даль был военным, то для него более подходили параграфы «Воинского устава».

Устав даёт следующие определения (Артикул 149):

«Пасквиль есть сие, когда кто письмо изготавит, напишет или напечатает, и в том кого в каком

деле обвинит, и оное явно прибьет или прибить велит, а имени своего и прозвища в оном не изобразит.

Ежели дело, в котором будет в пасквиле обруганный обвинен, весьма в том будет доказано, то, правда, хоть обыкновенное наказание не произведено судить, но однако ж пасквилиант по рассмотрению судейскому, тюрьмою, сосланием на каторгу, шпицрутеном и прочим наказан быть имеет, покаже он истинным путем не пошел, дабы другого погрешения объявить».

Как видим, воинский устав сурово карал пасквилянта в обоих случаях (правда или неправда содержится в анонимке); даже в случае правильности анонимного письма, пасквилянта ожидало суровое наказание (дабы не повадно было писать пасквили).

Далю, обвинённому справедливо в сочинении пасквиля, грозило наказание в любом случае, ибо полагалось (и весьма правильно), что благородный человек не должен писать пасквили. Даль был дворянином и офицером и нарушил кодекс и офицерской и дворянской чести. Именно это поставил ему в вину суд. Решением Комиссии военного суда мичман Даль был разжалован в матросы на шесть месяцев. Грейг утвердил приговор.

Не могу согласиться с позицией В.Порудоминского по этому вопросу и его негативной оценкой решения Грейга. Во-первых, вице-адмирал не «продиктовал приговор», а утвердил приговор суда, а это – большая разница. Приговор вынес суд, который дотошно разбирался с делом Даля (процесс длился почти десять месяцев); ему была предоставлена возможность защищаться и доказывать свою невиновность. В.Порудоминский, по-видимому, считает,

---

что Грейг должен был великодушно простить Даля. Но мне представляется, что здесь сработал внедренный в нас инстинкт раба: за десятки лет культа личности, волюнтаризма и застоя нас настолько отучили отстаивать собственное достоинство и достоинство своих близких, что даже исторический факт, что кто-то попытался постоять за свою честь, воспринимается нами как нечто неприемлемое.

По окончании суда Даль отказался дать подписку, что суд проходил без нарушения законов, объяснив в приписке свой отказ тем, что, по его мнению, *«запросы были чинимы весьма пристрастно и все дело с самого начала было рассматриваемо с одной только стороны, почему оскорбленная честь его требует, чтобы он всеми способами искал своего права и в свое время будет просить на высочайшее имя»*. У Даля было два смягчающих вину обстоятельства: обыск был произведен в его отсутствие и без понятых; Даль от первого («прибитого») пасквиля отказывался наотрез, а второй, собственноручный, не был им «явно прибит».

Суд закончился. Мичман Даль осуждён. Хорошо, что до этого позорного часа не дожил его отец – весьма уважаемый в Николаеве и в Черноморском флоте человек.

Даль обратился к царю. Дело пошло в Петербург. В столице не все были в восторге от служебных успехов Грейга и от его личной жизни. Были и враги и завистники. В главном Аудиторском департаменте посчитали, что разжалование в матросы – слишком суровое наказание и заменили его тем, что зачли Далю многомесячное заключение на гауптвахте.

Даль, а вслед за ним и все его сторонники (а также хулители Грейга), считают это победой Даля и доказательством его невиновности. Но, извините, это же стремление

выдать желаемое за действительное. Главный Морской Аудиториат не признал Даля невиновным, не аннулировал судимость; он только смягчил наказание, заменив одну его форму другой (хрен редьки не слаще). А главное, Даль проиграл в нравственном отношении.

Лишь В.Порудоминский правильно оценил дело Даля и его последствия: Даль оказался с «подмоченным» формуляром.

Мне только непонятно удивление Порудоминского, что после перевода Даля на Балтику (даже с повышением в чине) о лейтенанте Дале на флоте не было слышно: в «формулярном списке о службе и достоинстве» записано, что он прослужил в Кронштадте с середины 1824 до 1 января 1826 года. Но в этом же формуляре также записано: *«Был под судом и следствием за сочинение пасквилей и по решению Морского Аудиторского Департамента вменено в штраф бытие его под судом и долговременный арест, под коим состоял с сентября месяца 1823 по 12 апреля 1824 года»*. Вот почему о Дале ничего не было слышно на Балтике. Офицера, который был неважным моряком и в молодости, вместо того, чтобы служить и набираться опыта, попался на писании пасквилей, нельзя было назначать на корабли: ни один командир, ни офицеры корабля не приняли бы его в свою среду, он был бы среди них изгоем, так как нарушил законы чести, которые высоко ценились в среде морских офицеров и дворян.

Всю жизнь за Владимиром Далем тянулось это черное пятно; каждый раз, поступая на новую службу, он вынужден был писать в формулярном списке, что был осуждён, да за что? – за мерзкое для офицера и дворянина занятие – писание пасквилей! Только за несколько

месяцев до отставки, на склоне жизни, когда Даль был уже известным писателем «Казакон Луганским» и имел чин действительного статского советника (IV класс в «Табеле о рангах», равносильный генерал-майору в армии или контр-адмиралу на флоте), вышел царский указ *«не считать дальнейшим препятствием к получению [Далем] наград и преимуществ беспорочно служащим предоставленным»* (1859 год). А до сих пор его служба была опорочена в Николаеве.

Как видим, поступок мичмана Даля не был ребяческой «шалостью», как он и его сторонники пытались представить: за эти шалости Даль расплачивался всю жизнь, и каждый приходящий на трон император не торопился «списывать» Дालю эту «шалость».

К сожалению, до сих пор никто не проанализировал мотивов, из-за которых Даль написал свой злополучный пасквиль. А ведь были же какие-то причины, толкнувшие его на этот неэтичный поступок! Что же это? Давайте вместе подумаем.

Вся эта история как-то выпадает из рассуждений здравого смысла. В самом деле, два брата, Владимир и Карл Дали, оба моряки самого низшего чина, оба служат в Николаеве. С младшим Карлом в дружеских и творческих отношениях находится главный командир Черноморского флота и военный губернатор города вице-адмирал Грейг, их самый старший начальник. Карл вхож в дом адмирала, вместе с ним и с главным астрономом Кнорре они по ночам проводят астрономические наблюдения в домашней обсерватории Грейга, вместе делают открытия и публикуют их. Владимир Даль также дружен с Кнорре. Не может быть, чтобы он также не был в числе желанных персон в

доме адмирала, тем более, что Дали дружат также с Анной Зонтаг, женой Егора Зонтага, американца на русской службе, флаг-капитана Грейга, командира его яхты. Зайцевский, друг Даля и Пушкина, братья Рогули – все эти молодые моряки окружают Грейга; их объединяет общий интерес к литературе и поэзии, который, по-видимому, разделяет и Грейг – человек высокой культуры, знакомый с Пушкиным и встречавшийся с ним в Одессе у Воронцова. Все они прекрасно служат и при поддержке Грейга продвигаются по службе, сделав впоследствии заслуженную карьеру (кроме Карла Даля, который рано умер). И вдруг один из них пишет мерзкие стишки на жену своего главного начальника, с которой он и хорошо знаком, и которого она принимает в доме адмирала (неспроста полиция добивалась у Даля ответа, знает ли он «ту женщину»).

В чём же причина? Нет, не желание «изобличить» порядки на флоте, безобразия и прочее. Их ведь в стихах нет, этих изобличений. Почему-то и мимо Порудоминского прошло незамеченным, что Мараки понадобился в обоих пасквилях только в качестве зацепки, что стишки направлены против одного лишь человека – Юлии Михайловны. Несмотря на их низкий профессиональный уровень, они крепко сбиты одной идеей и всем строем выводят к Юлии. Писал их не «графоман-самородок», а умный человек, причем с аналитическим умом. И по стилю оба стиха совпадают. И писались они, по-видимому, одновременно и по одной программе. Писал их не столько поэт, сколько учёный, который всё «мерзопакостное» содержание пасквилей умело разложил по полочкам. Таким умом обладал В.И.Даль – будущий составитель словаря, аналитик и синтезатор.

Так что же его заставило это сделать? Я сейчас выскажу естественную мысль, которая до сих пор никем ещё не излагалась. Даль и Юлия были почти одногодки (разница около полугода). В год появления пасквилей им было по 22. Она ещё не Юлия Михайловна Грейг, жена адмирала, а «полька – не полька», «Юлька – не Юлька», Лейка, тайная сожительница с намёками на тёмное прошлое, обворожительно красивая, но окружённая ореолом сплетен и догадок. Даль – молодой самоуверенный мичман с некоторыми литературными задатками и острым критическим взглядом на окружавшее его николаевское общество. У него уже небольшое реноме поэта, писателя-сатирика, чьи пьески ставит молодёжь Николаева.

В его возрасте мечтают о любви, добиваются расположения женщин, хвастают своими победами в узком кругу друзей (вспомним Пушкина в эти годы).

Возможно, Владимир Даль был влюблён в Юлию, как это часто бывало, когда молодые адъютанты влюблялись в жен и дочерей своих генералов и адмиралов, Юлия не отвечает ему взаимностью, храня верность адмиралу. А возможно, что Даль мог и просто решить, что добьётся близкого расположения Юлии, наслушавшись о её якобы легковесном прошлом. Можно лишь предположить, что в обоих случаях Юлия дала отпор самовлюблённому мичману, а в последнем варианте – и очень резкий. Нездоровое честолюбие Даля было задето. Молодости свойственен максимализм. Он решил отомстить, и сделал это продуманно, жестоко и мерзко.

Это только версия. Но она имеет право на жизнь больше, чем другие. Чтобы оскорбить молодую, красивую женщину, близкую к адмиралу, самому высокому своему начальнику, не задумываясь над последствиями для

неё и для себя, нужны были мотивы и очень серьёзные. Иначе просто так, ни за что оскорбить женщину мог только троглодит, ущербный ублюдок, но Даль им не был. Следовательно, должна быть причина, которая заставила его мстить, невзирая ни на что. А это – только неудача на любовной почве, это чувство унижения, связанное с отказом в притязаниях.

Я думаю, что так и было.

А то, что Главный морской аудиториат облегчил слегка участь Даля, заменив позорное разжалование в матросы уже состоявшейся «отсидкой» на гауптвахте и в тюрьме, могло произойти и с молчаливого согласия Грейга: за Даля, возможно, хлопотали и Кнорре, и Зонтаг, и Рогули и многие его друзья, оставшиеся близкими Грейгу.

Да и отца Даля Грейг хорошо знал и уважал. Я припоминаю, что в одном из ранних писем Л.Н.Неезе писала мне, что Грейг однажды помог юному мичману в неприятной истории. Может быть, это был Даль. Хочется верить.

Отравленные годы

*Мир – это бочка, утыканная
изнутри перочинными ножами.*

Оноре-де-Бальзак.

С середины двадцатых годов Алексей Грейг, несмотря на свои заслуги и прочное положение главного командира Черноморского флота, стал подвергаться доносам и травле со стороны некоторых шовинистически настроенных офицеров и чиновников, особенно служащих по хозяйственной части. К этому добавлялись и антисемитские выпады, больно ранившие его и семью.

Надо сказать, что сам Грейг невольно давал повод для таких выступлений, Он ценил людей и своих подчинённых не по их национальности, а по моральным и деловым качествам. В эти годы в Черноморском флоте среди торгового люда, чиновников и ремесленников было много иностранцев, поэтому Грейг, будучи по происхождению шотландцем и сам самоотверженно служа своей второй родине – России, не считал необходимым ущемлять способных иностранцев и поощрять некоторых недобросовестных русских. Это, естественно, порождало зависть, недовольство и, как следствие, жалобы и доносы.

Иностранная колонизация земель нынешней Николаевщины началась при Екатерине, желавшей поскорей заселить эти богатые, но пустующие земли – Дикое Поле, по которому кочевали ногайские татары. По просьбе балтского кагана Новороссийский генерал-губернатор Муромцев указом от 1775 года разрешил переселяться сюда польским евреям, повелев, чтобы каждый иудей привёл с

собой пять христиан. Так сложилась структура населения южной Новороссии, где и сейчас еврейское население в городах (например, в Николаеве, Херсоне и Одессе) составляет 20-25 процентов. Из Польши, после её раздела, хлынули сюда католики-поляки и окатоличенные украинцы. К ним присоединились греки, немцы, французы, англичане и итальянцы.

Греки, как правило, служили ещё со времён Потёмкина на флоте, а их родственники занимались торговлей. Немцы занимались, в основном, ремесленничеством; итальянцы, французы и англичане служили по договорам на флоте, а некоторые занимались и торговлей.

Так возник многоязычный Николаев, где русская, украинская и белорусская речь перемежалась с польской, греческой, еврейской, немецкой, английской и итальянской. Но вскоре, к двадцатым годам девятнадцатого века, произошли некоторые расслоения и смещения в николаевском обществе: более предприимчивые евреи вытеснили из торговли греков, и те вынуждены были переселиться в Одессу; но на флоте, по-прежнему, было много греков – хороших командиров судов и предприимчивых администраторов и хозяйственников: братья Аркасы, братья Кумани, Рафтопуло, Гунаропуло, Папахристо, Папаиоану, Папандопуло, Критский, братья Манганари и другие. Инженерные должности занимали выходцы из Западной Европы: Гаюи, Вунш, Фан-дер-Флис, Вектон, Акройд, Уптон, Опацкий и прочие. В городе появились торговые дома Стомати, Бакстера, Алиауди и т.д. И хотя все эти иностранцы составляли лишь небольшую долю, все же само их существование и процветание вызывало брожение среди русских моряков, чиновников и купцов, способствовало проявлениям открытого шовинизма.

Но особенно заметным стало засилье еврейского торгового капитала. С развитием при Грейге Черноморского флота его финансовый оборот составлял 8-10 миллионов рублей в год. Город, кроме постройки судов, практически ничего не производил, а только потреблял. Флоту и городу требовались материалы, пища, питьё, одежда, в общем всё, что необходимо для жизни и развития. Всё это нужно было поставлять в Николаев и Севастополь. На эти миллионы, как мухи на мёд, слетелись отовсюду еврей-купцы и поставщики. Они приезжали из далёких и близких мест. Это были купцы первой и второй гильдий из Одессы, Херсона, Умани, Киева, Кременчуга, Елисаветграда, Могилёва, Таганрога, Брянска, Гайсина и прочих мест.

Среди подрядчиков Черноморского флота с 1813 по 1830 годы из 52 человек я насчитал 29 евреев. Они так и пестрят в документах своими экзотическими именами и фамилиями: Фавель Исаков, Абрам Перетц, Самуил Бертензон, Маркус Варшавский, Михель Серебряный, Файбиш Бланк, Шлёма Рафалович, Мойсей Дубенский, Нусин Пуретц, Лейб Зельцер, Шавель Рабинович, Натанзон Аусландер, Берко Барановский, Лейба Айзеншток; Пейсих Бегун, Штулькарц, Нахман Берков, Ицка Финкельштейн и т.д. К ним нужно добавить ещё и Юлию Кульчинскую (в девичестве Сталинскую), которая под видом польки приехала в Николаев с поставками корабельного леса.

Еврейская торговая община, более сплоченная и приспособленная к выживаемости, чем русская, вскоре стала не то, что вытеснять, а не допускать русских купцов к богатой кормушке Черноморского флота. Еврейские купцы, выходцы из Западной Европы и Волыни, имели хорошо налаженные торговые связи, поддержку своих (одесских и херсонских) и западных банков; они были

более предприимчивые и оборотистые, поэтому быстро налаживали поставки самых нужных и дефицитных материалов и товаров. А что им могли противопоставить русские купцы, связи которых уходили в глухую глубинку России, откуда даже лес никак доставить было нельзя?

**Юлия
Михайловна Грейг.**
*Портр. С.К. Зорянко,
ок. 1846 г.*

Грейг охотно подписывал контракты с еврейскими купцами, которые, как правило, выполняли их в срок и качественно. Он оказывал им открытое покровительство (заслуженное!), но иногда, как мне кажется, в сложившихся условиях переходил меру. Так, например, А.Грейг был почётным гостем при закладке Главной синагоги в Николаеве в 1819 году. Этот акт не остался незамеченным для николаевского общества и моряков, среди которых, как и во всей тогдашней России, процветал антисемитизм. Интернационалистски воспитанный Грейг с его честностью, открытостью и даже, в некотором роде, наивностью в отношениях с людьми, не замечал, что он идёт навстречу шовинистическому и антисемитскому оговору. Введя в дом на правах сожительницы, а затем и жены Юлию Михайловну, он подтолкнул сам себя к ряду скандальных доносов и разбирательств.

Одним из самых долгих и чувствительных было дело по доносу бухгалтера Черноморского флота Яцына, в котором даже все благие дела, сделанные для флота и жителей города, были повернуты против Грейга и поставлены ему в вину.

Следует сказать, что Алексей Грейг проявлял большую заботу о развитии города Николаева как его военный губернатор. Особенно он поощрял развитие промышленности и торговли, так как понимал, что развивающийся город задохнётся в рамках узкой судостроительной специализации. При нём была построена первая торговая пристань и возобновилась морская торговля, создано кредитное общество для развития торговли и промышленности, построен рынок и торговые ряды.

Адмирал
А.С. Грейг, 1843-45 гг.

Много внимания уделял Грейг благоустройству и украшению города, созданию в нём первых очагов культуры. Им был основан Морской бульвар (ныне Флотский), положено начало освещению города, сооружению тротуаров, озеленению улиц и площадей; сооружены оранжерея и много красивых зданий, намечено воздвижение памятников победам Черноморского флота, начато строительство городского водопровода, восстановлена сточная ливневая система, облагорожены Лески – крупный естественный зелёный массив на берегу Бугского лимана, открыты девичье училище, училище для мальчиков, приют для бездомных, Летнее и Зимнее морские собрания, Дом флагманов и командиров; к услугам офицеров флота были Морская астрономическая обсерватория, физический «обсерваторный домик», физический кабинет, библиотека и музей при Гидрографическом Депо, где также печатались и книги. Грейг учредил флотские оркестры и построил дом для музыкантской команды.

Аналогичную заботу проявлял Грейг также и о Севастополе, где был сооружен водопровод, открыта Офицерская библиотека, начато возведение памятника Владимиру Крестителю на развалинах византийского храма в Херсонесе.

Заметим также, что при Грейге моряками были открыты и сделаны первые раскопки античных зданий и гробниц в Керчи, на Тендре и других местах. Все найденные древности свозились в Николаев и экспонировались в музее при Гидрографическом Депо, основанном адмиралом И.И. де Траверсе.

Практически всю эту огромную хозяйственную и культурно-просветительную работу выполняли для города бесплатно – так называемым «хозяйственным способом», т.е. за счёт средств, сэкономленных флотом. И здесь, конечно, была почва для возражений со стороны флотской бухгалтерии, которые порой перерастали в столкновения, жалобы и доносы.

Бухгалтер Черноморского флота чиновник 6 класса Яцын, недовольный тем, что Грейг наказал его (видимо, не очень сильно) за упущения по службе, в октябре 1825 года написал морскому министру донос на главного командира «О разных его ко вреду казны действиях».

Главный пункт обвинения Грейга – переплата, якобы, купцу М.Серебряному за постройку с подряда двух кораблей и двух фрегатов. Разрешение на постройку с подряда получены были действительным статским советником А.А.Перовским и Михелем Серебряным. Но поскольку Перовский был русским, да ещё в чине генерал-майора (в переводе на армейские чины), то он в доносе не фигурировал, а главным виновником был купец-еврей Се-

---

ребряный. Грейг, действительно, допустил неправильные по форме действия: вместо того, чтобы поручить расчёт смет на постройку кораблей и эллингов Исполнительной экспедиции, т.е. Яцыну, он дал задание Инспектору кораблестроения Черноморского флота М.И.Суровцову определить среднюю стоимость одной тонны подлежащих постройке судов на основе реальных цен.

Судная Комиссия во главе с генералом Сабанеевым не признала за Грейгом вины ни по одному пункту доноса, одновременно отметив, что Яцын из-за личной неприязни к главному командиру оклеветал его.

В связи с ложностью и корыстными целями доноса Яцын распоряжением Николая I был отдан под суд, о чём сообщено секретным письмом Грейгу от начальника Морского штаба князя А.С.Меншикова. Одновременно Грейгу был выслан рескрипт императора о полной невинности Грейга, но Меншиков при этом сообщил, что царь усмотрел «стачку» чиновников с подрядчиками.

Князь Александр Сергеевич Меншиков.

Так закончилось долгое дело Грейга – Яцына, можно полагать, доставившее Грейгу много тяжких минут и унёсшее немало здоровья.

Но вернёмся в Николаев, в то время, когда дело Грейга обернулось в дело Яцына, и бывший бухгалтер Черноморского флота находился под судом за ложный донос и оскорбления. Всё же поднятые им волны антисемитизма не утихли, а достигли Петербурга и были восприняты. Недовольство русских купцов и ремесленников, торговцев

и мещан, а также брожение в среде моряков повлекли за собой правительственные решения.

В конце русско-турецкой войны был подготовлен, а 20 ноября 1829 года вышел высочайший указ о выселении евреев из Николаева и Севастополя за пределы 100-верстной зоны. Грейг, возмущённый явным антисемитским духом указа и его несправедливой сущностью обратился в правительство с ходатайством об отмене, ссылаясь на то, что ряд крупных евреев-купцов всё ещё строит суда с подряда и занят другим подрядным строительством. Но единственное, что ему удалось сделать – это отсрочить их высылку до 1833 года. Пришедший ему на смену в этом году М.П.Лазарев не стал церемониться и выдворил всех евреев из двух главных Черноморских городов.

К чему это привело?

Налаженные экономические и промышленные связи и дела были разрушены, а новые не созданы. В городе и во флоте стал ощущаться недостаток продовольствия, материалов и сырья. За пределами Николаева и Севастополя евреи-торговцы бойкотировали русских купцов и промышленников, работавших на флот. Сам Лазарев был вынужден снова привлечь Шлёму Рафаловича для постройки в Николаеве кораблей с подряда, а царь указом от 7 января 1838 года для развития «христианской» торговли и промышленности в городах Николаеве и Севастополе даровал льготы русским купцам на 10 лет, но и это мало помогало.

Только через 30 лет, в 1859 году, «найдено было полезным дозволить евреям постоянное в этих городах жительство». Указ разрешал селиться в Николаеве вначале купцам I гильдии, а с 1866 года – всем евреям.

С выселением евреев из Николаева и Севастополя, казалось, должна была утихнуть долгая борьба Грейга против антисемитизма и шовинизма, но нет – она перенеслась в Петербург, где шовинистически настроенный высший свет и чиновная верхушка продолжали наносить Грейгу и его семье чувствительные удары.

Адмирал Михаил Петрович Лазарев.

В последние годы пребывания Грейга в Николаеве его жизнь была окончательно отравлена его правой рукой – начальником штаба флота М.П. Лазаревым. В первом же письме другу Михаил Петрович бросает свои первые обвинения Грейгу и вскрывает одну из причин создавшегося на флоте положения:

«Будучи на яхте и ходивши по шканцам по несколько часов в день сряду, с адмиралом [Грейгом] много переговорил я, но толку ничего еще не вышло; и как будто все забывается [а что может измениться в таком сложном механизме, как флот, за два месяца?!], Грейгу все наскучило, и он ко всему сделался равнодушным.

Ссора его с кн. Меншиковым есть величайшее зло для Черноморского флота, ибо ни одно из его представлений не уважается, а ежели и докладывается государю, то в таком виде, что он поневоле или медлит или вовсе не соглашается. Вот третий уже год, что флот здесь не ходил в море, и Бог знает, от каких причин!»

Остановимся на этом отрывке письма Лазарева. Да, он, пожалуй, прав: в это время Грейг, чувствуя к себе отношение свыше (а значит – к флоту), был в состоянии подавленности. После триумфального окончания русско-турецкой войны, флот и его, как командующего, потрясли неприятные события объективного и субъективного характера: распространение холеры по всему Причерноморью (исключая Николаев) сковало всю деятельность и завершилось холерным бунтом в Севастополе, что навлекло гнев и немилость Меншикова, Николая I и Воронцова; поголовное выселение евреев из Николаева и Севастополя разрушило сложившиеся деловые и торговые связи флота, державшиеся на еврейских подрядчиках, а карантин, в связи с холерой, ограничил их ещё более – прекратились поставки практически всех материалов флоту; суда, истрёпанные сражениями и почти двухлетними непрерывными боевыми кампаниями, а также осенне-зимними штормами, не могли выходить в море, а ремонтировать их было нечем; требовались экстраординарные меры и суммы, но ссора Грейга с Меншиковым после русско-турецкой войны обратила Черноморский флот в полное забвение со стороны Морского министерства; разработанные под руководством Грейга планы береговых оборонительных сооружений в Севастополе и прекрасный проект севастопольских сухих доков не осуществлялись – денег не давали. Грейг оказался в умышленно созданной сверху изоляции, ему создавались такие условия, чтобы ничего невозможно было сделать; к этому надо добавить несправедливые обвинения его соратников, ревизии портов и всей хозяйственной деятельности, лихорадившие моряков и угнетавшие их утомительными судебными разбирательствами.

Лазарев быстро разобрался в сложившейся ситуации и, как следовало ожидать, обратил свою энергию не на поддержку Грейга, а ему во вред; стал топить своего начальника. Это проявилось сразу же, что видно из одной фразы знаменательного для нас письма: *«Я думаю написать князю письмо, хотя партикулярное, но в таком виде, чтоб он показал государю, не будет ли нам от него легче, а иначе ничего лучшего не придумаю»*, т.е. попросту Лазарев решил наклеузничать.

А далее – ещё больше:

«Грейг говорит, что он ни об чём более представлять не намерен, и ежели хотят чтобы послан был корабль или фрегат в море, то пусть предпишут, а в противном случае пусть стоят и гниют в порте. Мне поневоле приходит в голову мысль злая – начинаю думать: не нарочно ли Грейг намерен запустить флот донельзя и потом место сие оставить, чтобы после видели разность между тем временем, когда командовал он, и временем, в котором будет управлять его преемник. Может быть, что я думаю и несправедливо, но что-то так мне верится».

Ещё не успев «прирасти» к Черноморскому флоту, молодой начальник штаба замыслил убрать с поста главного командира Грейга и для этого сразу же вступил в союз с главным его врагом – князем Меншиковым. Взгляд Лазарева правильно выбрал главную точку опоры в борьбе с Грейгом – Меншикова, придворного бюрократа, боявшегося за свою морскую репутацию, которой у него не было, крупного мастера подлых интриг. И вскоре они поняли друг друга и быстро сошлись в тайной совместной борьбе за смещение Грейга.

Здесь же, в этом письме, Лазарев впервые бросает ком грязи в Грейга, правда, с оговоркой, что, дескать, может он и несправедлив, – будто Грейг намеренно запустил флот. Дальше эта фраза Лазарева пойдёт гулять по всем его «партикулярным» письмам и докладным. И ещё, Лазарев, как это подобало бы честному человеку и требовалось по уставу, посылал все свои обвинения в адрес Грейга о развале флота не через канцелярию Черноморского департамента, а за кулисами её – тайно, частно, «партикулярно», как это делают все непорядочные люди.

И в заключение ещё три абзаца из письма Шестакову:

«Здесь [в Николаеве] вступил в свою должность с 1 сентября, покамест [она] не что иное есть, как канцелярская, и не знаю, что Бог даст вперед. Предвижу много преград, а бесполезным быть не хочется.

О родненьком твоём [Николае Шестакове] я адмиралу говорил, и он мне сказал, что очень хорошо помнит, что представлял о нём уже два раза и вскоре представит в третий раз, а я не забуду напомнить.

С Юлией я обошелся попросту, без затей, и надеюсь, что у нас ссоры не будет, ежели она не вздумает только вмешаться как-нибудь в мою должность, – тогда уж не я буду виноват и прошу не прогневаться».

Как видим, Лазарев не забывал о карьере своих друзей и их детей, и это в будущем станет стержнем его «кадровой политики». И ещё – здесь впервые Михаил Петрович выставляет иглы против Юлии Михайловны, жены Грейга. Её он не забудет, и она станет одной из «героинь» его эпистолярного жанра, основанного на местных сплетнях.

Я специально столь подробно остановился на этом пространном письме Лазарева. В нём молодой начальник штаба без опаски (в частном письме другу) раскрывает

всю свою программу действий. По этой программе он и поведёт борьбу за власть в течение последующих полутора лет.

Видимо, по просьбе Меншикова, Лазарев пообещал сообщать ему конфиденциально обо всём, что происходит в Черноморском флоте, т.е. стал его осведомителем. При этом Михаил Петрович не брезговал и сплетнями, причем самыми неприличными, касавшимися личной жизни Грейга и его жены Юлии Михайловны. Для вящей убедительности привожу полностью письмо Лазарева князю Меншикову от 14 января 1833 г.:

«За желание успехов в любви прелестной Юлии я благодарен, но признаться должен, что по неловкости своей вовсе в том не успеваю. Доказательством сему служит то, что на другой же день отъезда моего из Николаева она, собрав совет, состоявший из Давыдки Иванова, Критского, Вавилова, Богдановича, Метаксы, Рафаиловича и Серебряного, бранила меня без всякой пощады: говорила, что я вовсе морского дела не знаю, требую того, чего совсем не нужно, и с удивлением восклицала; «Куда он поместит все это? Он наших кораблей не знает, он ничего не смыслит», и проч. и проч.

Прелести ее достались в удел другому, они принадлежат Критскому, который в отсутствии ... по несколько часов проводит у ней в спальне. Она тогда притворяется больной, ложится в постель и Критский снова на постеле же рассказывает ей разные сладострастные сказочки! (Я говорю со слов тех, которые нечаянно их в таком положении заставали). И как же им не

любить друг друга? Все их доходы зависят от неразрывной дружбы между собой.

Критский в сентябре месяце, выпросив пароход, ходил в Одессу и, положив в тамошний банк 100 000, хотел подать в отставку, но министр двора здешнего Серебряный и прелестница наша уговорили его переждать, рассчитывая, что по окончании всех подрядов он должен получить 65 000. И так как Критский громко везде говорил, что он оставляет службу, то Серебряный столь же громко уверял, что это неправда, что он не так глуп, чтобы отказаться от 65 000, и что он готов прозакладывать в том не только деньги, но даже бороду свою! Что ж, наконец, вышло? Министр, к стыду своему, столь много славившийся верными своими заключениями и расчетами, ошибся. Хотя Критский в отставку не вышел, но получил пятью тысячами менее, нежели как сказано было, т.е. досталось на его долю только 60 000!!! Вот вам тайны двора нашего, которые я надеюсь, что в.с-ть, прочитав и посмеявшись, бросите в камин».

Согласитесь, что писать такие вещи вообще мерзко и безнравственно, и тем более, что эти сплетни («я говорю со слов тех...») пишутся о жене начальника, к которому Лазарев в официальных письмах и докладных обращается не иначе как «Мой дорогой адмирал» (на английский манер), а за спиной льёт на его голову помой и вываливает его жену в грязи. Ничто не может оправдать Лазарева в данном случае. Он показал себя с самой низкой стороны. И хотя Михаил Петрович, понимая всю мерзость таких писем, просил Меншикова сжечь их, но не таков князь. Он со-

---

хранил всю эту мерзость для потомков, а К.Никульченков, по нищете душевной, обнарудовал письма Лазарева, полагая, что этим возвеличил Михаила Петровича.

До глубокой старости князь А.С.Меншиков досаждал Грейгу. Уже в Петербурге разбирательства и обвинения в злоупотреблениях, которые так никогда и не были доказаны, послужили Меншикову основанием не считать службу Грейга беспорочной и не награждать его почётным знаком. Только за два года до смерти, в 1843 году, Грейг получил знак «50 лет беспорочной службы».

И только на закате жизни А.С. Грейг был удостоен высших почестей. Вот как об этом рассказано в его биографии:

«В этом же году 6 декабря (в день рождения императора) Его Величество, приняв во внимание исключительно полезную службу адмирала на различных командных должностях в империи, наградил его орденом Св.Андрея Первозванного. Это был высший орден в империи; относительно его статуса был особый указ императора, согласно которому человек, награжденный этим орденом, становится кавалером всех русских орденов. Эта высочайшая награда завершила блестящую карьеру адмирала».

Но последние годы Грейга были омрачены неприязнью сановного Петербурга. На официальных приёмах, в царских дворцах он не мог появиться со своей женой, которую не хотели признавать. Двери особняков и дворцов знати были закрыты для Юлии Михайловны, несмотря на её красоту и обаяние. Их гостеприимный дом аристократы и придворная знать также обходили стороной, на приглашения отвечали вежливым отказом. Как отмечает

историк русского флота Е.Аренс, *«Даже в Петербурге, люди, пользовавшиеся радушием гостеприимством [Грейга], втихомолку злорадно подсмеивались над его «жидовскими» балами»*. Конечно, по обычаям того времени, Грейги устраивали приёмы и балы: у них были две красивые дочери на выданьи, да и Юлия Михайловна ещё блистала молодостью и красотой. Но, по-видимому, на эти балы являлись только люди «их круга», среди которых, возможно, было много евреев – крупных купцов, промышленников и представителей «вольных» профессий.

И представляется как протест против аристократического бойкота создание портрета «прекрасной Юлии» – «адмиральши Грейг», тиражированного с помощью литографии. Портрет как будто говорит: посмотрите, неужели я достойна презрения только лишь потому, что дочь трактирщика-еврея?

Грейг умер в 1845 году на семидесятом году жизни и похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в фамильном склепе.

И последняя цитата из его анонимной биографии: *«Окидывая взглядом жизнь этого замечательного человека, которого Россия сейчас лишилась, каждый всё более приходит к убеждению, что страна лишилась человека не сиюминутной славы; даже его развлечения были интеллектуальными. Ученый мир знает сейчас его заслуги, и имя адмирала Грейга несомненно займёт своё место в анналах ученого мира»*.

В 1873 году в Николаеве Грейгу был воздвигнут памятник.

В 1984 году Академия наук СССР издала мою книгу о Грейге – так был воздвигнут духовный памятник адмиралу.

Храм Весты

*Замысел злой повредит самому,
кто злое замыслил.*

Гесиод.

Владимир Иванович Даль – «сухой угрюмый старик», как называли его за глаза молодые, утонул в кресле, обложившись книгами и бумагами. Грозный управляющий Нижегородской удельной конторой – действительный статский советник (генерал-майор по-армейски, или контр-адмирал по-флотски – это, если он был бы, как раньше, военным) по вечерам трудился до поздней ночи над своим словарём: он уже подошёл к словам на букву «П»; вскоре надо было отвезти этот том в Академию наук для издания...

Седые космы, ниспадающие с головы, и такая же прямая, венником, борода, действительно, придавали Далю внешнюю сухость и суровость, хотя душевный мир его был по-прежнему богат и безграничен: сказки «Казака Луганского», рассказы, повести и повестушки, научные статьи, толковый словарь – это был совсем другой Даль – известный писатель, учёный, член-корреспондент Академии наук.

Владимир Иванович обмакнул перо и начал новое слово «Пасквиль», но что-то будто дёрнуло его за руку, острая боль мгновенно прорезала мозг; он бросил перо и, откинувшись в кресле, с трудом снял с полки сборник древнегреческих мифов, решив немного отвлечься, отдохнуть и успокоиться.

Раскрыв наугад страницу, Даль прочел: *«Гестия славилась тем, что была единственной из великих олим-*

пийцев, кто ни разу не воевал и не участвовал в ссорах. Более того, она, как Артемида и Афина, никогда не отвечала на ухаживания богов, титанов или кого-либо другого, поскольку после свержения Крона, – когда Посейдон и Аполлон выступили в качестве ее женихов-соперников, – она поклялась головой Зевса, что навсегда останется девственницей...»

Мягкий стук в дверь прервал чтение, и слуга внёс на подносе дневную почту. Далю сразу же бросился в глаза казённый конверт, опечатанный двуглавыми орлами. Что-то ёкнуло в груди; с душевным трепетом, торопясь, Владимир Иванович разорвал конверт и стал жадно вчитываться в строки официального письма; глаза быстро пробежали сухие строчки, выхватывая главное: «...государь-император всемилостивейше соизволил... не считать дальнейшим препятствием к получению наград и преимуществ беспорочно служащим предоставленных... дело о сочинении пасквилей...». Наконец-то! Теперь он, Даль, чист – позорное пятно суда в Николаеве снято с него императором.

Владимир Иванович посмотрел на дату: 1859 года апреля 12 дня. Сколько прошло лет! С 1823 года – это почти тридцать пять лет. Дело случилось еще при Александре I, тянулось за Далем всё долгое царствование Николая I, и только Александр II его «закрыл». Даль разволновался, крихтя, встал, заходил по комнате – сердце забилося так, что аж в висках стучало, в последний год он что-то плохо себя чувствовал – сказывались тяжелая, непрерывная работа над словарём и безуспешная борьба с нижегородскими чиновниками-лихоимцами. Чтобы придти в себя, Владимир Иванович снова уселся в кресло и погрузился

в чтение мифа: «...Однажды пьяный Приап попробовал обесчестить ее, спящую на сельском празднике, где присутствовали все боги, и уже так пресытились угощением, что повалились спать. Однако в тот момент, когда Приап уже готовился совершить свое черное дело, громко закричал осел. Гестия пробудилась, призвала на помощь богов, и Приап вынужден был в страхе бежать». Даль снова прервал чтение: что-то до боли знакомое увиделось ему в этих строках. Он отложил книгу и мгновенно ушёл в далёкие воспоминания.

Тихий, заштатный портовый город Николаев, дивные весенние вечера. Да это же какая-то мистика! Всё произошло почти день в день с «закрытием» его дела Александром II – в середине апреля 1823 года. Гестия – это ведь римская Веста, именно так в насмешку молодой мичман Владимир Даль в душе окрестил эту женщину. Веста – хранительница домашнего очага, семейного счастья и супружеской

верности, олицетворение священного долга гостеприимства. А он, Даль, как Приап... Владимиру Ивановичу стало не по себе, воспоминания были тяжкими, они всю жизнь угнетали его. Везде и всюду при перемене мест службы или обновлении формулярного списка Владимир Иванович вынужден был писать: «осуждён в Николаеве за сочинение пасквилей». Даль вспомнил, как при поступлении на службу в Министерство внутренних дел

Владимир Иванович Даль.

Рис. П. Бореля, грав.

Л. Серкова, 1860-е годы.

в 1841 году его заставили написать объяснение по этому делу. Как ему хотелось превратить всё в какую-то нелепость или шалость!

Владимиру Ивановичу при этом воспоминании стало неловко – он знал, что сильно слукавил: да, в стихах ничего не было против правительства, но в остальном – он соврал. Сердце снова учащённо забилось – Даль вспомнил эту очаровательную, желанную, но столь недоступную николаевскую Весту.

Им было тогда по двадцать два года. Его осудили...

А Юлия Михайловна продолжала блистать в николаевском обществе, оставаясь притягательным центром в доме Грейга, богиней-хранительницей его счастья, Гестией-Вестой. *«Гестия пользовалась всеобщим почитанием не только потому, что была самой доброй, самой справедливой и самой сердобольной из всех олимпийских богов, но еще и потому, что ей все обязаны искусством строить здания»* – так писал об этой богине Диодор Сицилийский, и это можно было сказать и о николаевской Весте – Юлии Михайловне.

...Прошло ещё три года. Юлия Михайловна заняла прочное место в жизни Грейга. В один из прекрасных дней

“Храм Весты” в Диком Саду.
Проект Р. Кузьмина.

она сообщила Алексею Самойловичу, что ждёт ребёнка. Грейг был несказанно рад: его Юленька хранила ему верность и была только его богиней. Он тайно обвенчался в протестантской кир-

---

хе и, чтобы воздать честь верной своей супруге, срочно написал в Петербургскую Академию художеств, где учились архитектуре посланные им юноши – пансионеры Черноморского флота. По заданию Алексея Самойловича самый талантливый из них «ученик третьего возраста» Роман Кузьмин в 1827 году под руководством архитектора Михайлова разработал проект «Храма Весты». В год рождения сына Самуила этот красивый белокаменный павильон был воздвигнут в Диком Саду над обрывом вместо бывшей там деревянной беседки – на том месте, с которого Александр I любовался широким разливом Бугского лимана в 1818 году. Именно тогда он повелел построить здесь памятную беседку. Под названием «Храм Весты» этот памятник супружеской верности и был известен николаевцам.

Владимир Иванович слегка успокоился и снова сел в кресло. Он предался воспоминаниям юности. Он прекрасно помнит тот дивный апрельский вечер. После ужина у адмирала молодежь, как всегда, пошла прогуляться по Дикому Саду. Потом они сидели в беседке, которую называли между собой «Храмом Весты». Подступила полночь, бездонное чёрное небо покрылось россыпью ослепительных звёзд, воздух был удивительно нежен и прозрачен. Карл Кнорре и Карл Даль ушли в дом, чтобы вместе с адмиралом Грейгом и другими любителями астрономии всю ночь в обсерватории наблюдать за движениями планет. Вскоре ушли и другие – пить вино и играть в карты. На мгновение они остались одни, и Владимир решил объясниться. Но Юлия столь мягко, но, однако, и решительно отвергла его признания, что Даль позорно бежал от неё. Идя быстрым шагом по Адмиральской улице, Даль весь кипел негодованием:

как! его, дворянина, морского офицера отвергла эта женщина, сожительница, торговка, жидовка. Да как она посмела! Эта беспутная, площадная женщина... Владимир распался, он не ожидал, что будет отвергнут, жажда мести ослепила его. Воспаленный мозг уже рождал хлётские, оскорбительные строчки...

У него снова сильно забилося сердце, и Владимир Иванович решил, что хватит – он устал, надо проситься в отпуск. Взяв лист бумаги, Даль стал сочинять прошение, но всё как-то не получалось: николаевское дело каждый миг всплывало перед глазами. С трудом начал: *«По болезненному состоянию моему, осмеливаюсь испрашивать милостивого разрешения на двухмесячный отпуск для отдыха...»*

Долго ждал Владимир Иванович Даль ответа на своё прошение, и, наконец, осенью того же года он получил письмо. С трепетом распечатал его, острый тренированный взгляд выхватил главное: *«...уволить, согласно прошению, за болезнь, в отставку, с мундирным полукафтаном».*

Это был последний удар николаевской «достойной наказания и забвения шалости» (как расценивал это дело сам Даль). Далю в это время было 58 лет.

А Храм Весты долго украшал обрыв над рекою, и моряки, входя в Николаевский порт, брали створ на него и угол адмиральского дома – это был верный путь к родному причалу. Потрясения нашей истории уничтожили Дикий Сад и Храм Весты. Но автор помнит ещё его полуразрушенным в лето, когда началась война.

Последние листья

*Когда дом построен,
в него входит Смерть.*

Турецкая пословица.

У основателя рода русских Грейгов Самуила Карловича и его жены Сары была большая семья, но только старший сын Алексей остался в России, а остальные дети, будучи английскими подданными, уехали в Англию. Дальнейший жизненный путь их и потомков – особая тема, а сейчас пробежим взглядом по ветвистому родословному дереву А.С.Грейга, давшему, в основном, русские ветви.

Генерал
Самуил Алексеевич Грейг.
Грав. Ю. Барановского.

У Алексея Самуиловича и Юлии Михайловны было пятеро детей: трое сыновей и две дочери. Все они, кроме последней дочери, родились в Николаеве.

Старший их сын Самуил Алексеевич родился в Николаеве 3 декабря 1827 года. Именно он скрепил связь Алексея Самуиловича и Юлии Михайловны, превратив её в законный брак, который ещё долгие годы (до переезда в Петербург) А.С.Грейг скрывал в официальных докумен-

---

тах. Самуил получил своё имя в честь и в память о деду – знаменитом С.К.Грейге, победителе турок при Чесме.

Самуил воспитывался в Пажеском корпусе, детство провёл в большой дружбе с великими князьями, часто бывая в царских дворцах. Как сам писал в своих коротких записках, был от природы ленив. Эта лень не позволила ему завершить свои записки, которые представили бы интерес для истории России, судя по тем нескольким страницам, которые им написаны.

После окончания корпуса служил в армии, в 1854 году был штаб-ротмистром; адъютант при великом князе Константине Николаевиче. Участвовал в Крымской войне в качестве адъютанта князя Меншикова; был контужен в одном из сражений.

Самуил Алексеевич женился на Александре Петровне Макаровой. В 1854 году жил в доме, принадлежавшем матери, Юлии Михайловне, на Васильевском острове по Песочному переулку. У них было двое дочерей – Юлия, названная в честь бабки, и Александра, получившая имя в честь матери.

С.А.Грейг впоследствии сделал карьеру на финансовом поприще, не без участия предприимчивой Юлии Михайловны.

В 1873 году Самуил Алексеевич имел чин полковника и звание флигель-адъютанта, был товарищем министра финансов.

Впоследствии С.А. Грейг – генерал по Адмиралтейству, генерал-адъютант и министр финансов России (с 1878 по 1880 годы). С 1880 года назначен членом Государственного совета. Пытался улучшить финансовое положение России, проведя денежную реформу, которая, однако,

---

не дала ожидаемых результатов. Как министр финансов подвергался резкой критике (после смерти). В своих «Воспоминаниях» граф С.Ю. Витте писал, что *«в финансах он был чрезвычайно слаб, вообще это был один из наиболее слабых министров финансов в России»*.

Во время Крымской войны, как я уже упоминал, Самуил Алексеевич начал писать записки, в которых довольно резко и правильно высветил причины поражения России.

Самуил Алексеевич был избран почётным членом Императорской академии наук. В 1870 – 80-е годы – президент Российского общества садоводства, унаследовав, по-видимому, любовь к ботанике и садоводству от отца – Алексея Самуиловича. Устроил в Петербурге первую выставку цветов. Имел хороший голос и часто в салонах исполнял арии из опер.

В 80-х годах проживал по Галерной улице (по-видимому, в доме Бека).

В конце жизни С.А. Грейг серьёзно заболел и уехал лечиться в Германию. В 1887 году умер в Берлине, прах его перевезен в Петербург и захоронен в семейном склепе Грейгов на Смоленском лютеранском кладбище.

После смерти С.А. Грейга его друзья и почитатели внесли в фонд Императорской академии наук 3500 рублей для образования с процентов «премии имени генерал-адъютанта С.А.Грейга», присуждаемой Академией наук «за лучшие сочинения по политической экономии и науке о финансах». Премия с 1888 года присуждалась раз в пять лет и составила 1000 рублей.

Средний сын Иван Алексеевич (в семье его называли Джон), также родился в Николаеве 6 марта 1831 года. Воспитывался в том же Пажеском корпусе и был дружен

с великими князьями. В 1854 году И.А.Грейг в чине подпоручика проживал в доме матери. Участвовал в Крымской войне. Во время приезда И.А.Грейга в Николаев на открытие памятника его отцу (1873 год) он имел чин полковника и звание флигель-адъютанта. В 1886 году – шталмейстер двора его императорского высочества великого князя Константина Николаевича. Дальнейшую судьбу Ивана Алексеевича мне не удалось проследить, Лидия Николаевна Неезе также ничего мне не смогла сообщить. Во всяком случае, можно утверждать, что до 1886 года, т.е. когда ему было уже 55 лет, И.А.Грейг не был женат.

У Л.Н.Неезе сохранились живые и тёплые воспоминания о «дяде Джоне» как о весёлом, жизнерадостном человеке, бывшем «своим» в великокняжеском дворце. Это был балагур, позволявший себе некоторую фамильярность с царским семейством; как сказала Неезе, «он был большой нахал» и тут же припомнила один из экстримов Джона Грейга, произнесённых им при посещении высокородных супругов в день рождения их сына – князя Гавриила:

*Те же лица, те же рыла,
А на подушке очень мило
Почивает князь Гаврило.*

Конечно, не Бог весть, какая поэзия, но полное подтверждение характера Джона.

Л.Н.Неезе сказала мне, что И.А.Грейг умер холостым. Дату его смерти и место погребения установить мне пока что не удалось.

Третий сын, Василий Алексеевич, родился в Николаеве 10 марта 1832 года. Как и его старшие братья, детство провёл в Петербурге; учился в Пажеском корпусе и был в

близких отношениях с великими князьями. Начал служить в 1850 году, участвовал в Крымской войне. С 1869 года В.А.Грейг – председатель Лифляндской казённой палаты. В 1873 году имел чин полковника, в том же году в связи с переходом на гражданскую службу ему чин полковника заменили эквивалентным чином статского советника. В следующем году Василия Алексеевича назначили управляющим Санкт-Петербургской казённой палатой. С 1877 года он уже в чине генерала – действительный статский советник. Через два года был удостоен высокого придворного чина – камергер двора его императорского величества. А с 1885 года В.А.Грейг – член совета Министерства финансов. Владел поместьем «Вессен» в Курляндии.

В 1859 году Василий Алексеевич женился на Марии Яковлевне Куминг (родилась в 1837 году). У них было пятеро детей: три сына – Алексей-Яков, Самуил-Куминг и Самсон и две дочери – Вера и Елена-Евгения. Детей называли в память о предках и родственниках по отцовской и материнской линиям.

В.А. Грейг проживал в собственном доме по Литейному проспекту, 11. Я пытался найти этот дом, и если нумерация не поменялась, то это тот дом, в который угодила бомба во время блокады и обрушила полностью фасад, так что сейчас он смотрится как дом в стиле «соцреализма 50-х годов».

Когда и где умер В.А.Грейг мне не удалось установить, как не смогла ничего сообщить об этом и Л.Н.Неезе. Во всяком случае, ни Иван Алексеевич, ни Василий Алексеевич не покоятся в семейном склепе Грейгов.

Старшая дочь Грейгов Юлия Алексеевна родилась в Николаеве 5 сентября 1829 года. Имя получила в честь

**Юлия Алексеевна
Штиглиц (Грейг).**

*С портр., принадлежавшего Л.Н.
Неезе (Лейпциг).*

матери Юлии Михайловны. Внешне была похожа на отца Алексея Самуиловича. Её выдали замуж за соседа по Английской набережной тайного советника Николая Борисовича Штиглица. Лидия Николаевна Неезе величает его бароном, но, по-моему, он им не был, так как в «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» Штиглиц не имеет этого титула. Н.Б.Штиглиц был послом в Италии.

Сохранился прекрасный портрет Ю.А.Штиглиц (повидимому, пастель), писанный в Италии, на котором она изображена в лёгком полупрозрачном голубом бальном платье. Поражает её изящная фигура с необычайно тонкой талией и лицо, очень похожее на облик отца. Жизнь Юлии Алексеевны была короткой и оборвалась внезапно. На балу во время танца партнёр не удержал эту хрупкую женщину, и она упала, сломав спину. Вскоре Ю.А.Штиглиц умерла (1865 год) и была похоронена в семейном склепе Грейгов. Прожила всего около 36 лет. В семье Штиглицев родилась единственная дочь Юлия, получившая имя в честь матери и бабки.

Н.Б.Штиглиц был в близком родстве с одним из богатейших людей России – бароном Александром Людвиговичем Штиглицем, банкиром царского дома, А.Л.Штиглиц,

---

любитель и ценитель искусств, основал в Петербурге знаменитое впоследствии училище технического рисования («училище Штиглица», ставшее в советское время высшим художественно-промышленным училищем имени Мухиной). После смерти А.Л.Штиглица на его же деньги был построен «Музей училища Штиглица», вобравший в себя прекрасные образцы античного и западно-европейского искусства.

Общие предки Николая и Александра Штиглицев были выходцами из Германии. Лидия Николаевна Неезе поведала мне интересную историю. У отца А.Л.Штиглица Людвиг был в Германии брат Генрих Штиглиц, довольно плодовитый и модный поэт. У Л.Н.Неезе я видел одно из его произведений – поэму «Картины Востока», в трёх томах, изданную в 1831 году в Лейпциге. Книга посвящена барону Людвигу фон Штиглицу. Как рассказывает Неезе, почему-то в расцвете сил у Генриха вдруг иссяк поэтический дар, он впал в депрессию и страшно переживал случившееся. Врач, лечивший Генриха Штиглица, сказал его молодой жене Шарлотте, что для возрождения поэтического дара Генриху надо пережить какую-либо душевную встряску. И тогда любящая женщина заколола себя кинжалом. Однако эта трагическая встряска не возродила творческие способности, и Генрих зачах как поэт, а сама история послужила темой для спектакля «Шарлотта Штиглиц», который Неезе видела в предвоенной Германии.

Л.Н.Неезе рассказала мне ещё одну любопытную историю из жизни семейства Штиглицев. Барон Александр Людвигович Штиглиц, умирая, завещал всё состояние своей незаконнорожденной дочери (от любовницы-горничной). За его счет девушка училась в Париже, а получив наследство, якобы, промотала его.

С этой историей я недавно встретился, читая «Воспоминания» Витте. Он рассказывает её несколько более радужно:

«В это время одним из самых богатых банкиров был Штиглиц, у Штиглица была приемная дочь, и никаких наследников он не имел.

Вот этот молодой чиновник Половцев, совершенно бедный, начал систематически ухаживать за этой приёмной дочерью Штиглица, которая, между прочим, была очень красива. В конце концов Половцев добился того, что женился на ней. А когда Штиглиц умер, то всё состояние он оставил приёмной дочери, и таким образом Половцев сделался очень богатым человеком, так как он владел или по крайней мере распоряжался всем состоянием своей жены. О том, как велико было это состояние, можно судить из следующего. Кроме различных недвижимостей, Штиглиц оставил после себя наследство в 50 миллионов рублей различными государственными бумагами».

По словам Л.Н.Неезе, поступок А.Л.Штиглица вызвал бурю негодования у его родственников – Н.Б.Штиглица и у его дочери Юлии Николаевны.

Отмечу, что Юлия Алексеевна Штиглиц (Грейг) проявила себя неплохой рисовальщицей, видимо не без влияния её родственника – покровителя искусств барона А.Л.Штиглица. Как я уже упоминал, у Л.Н. Неезе сохранилась тонкая акварель Юлии Алексеевны, на которой представлен поэтический пейзаж с дворцом «Санзанюи» в центре (дача Грейгов под Петербургом).

Младшая дочь Алексея Самуиловича и Юлии Михайловны Грейгов родилась уже в Петербурге 10 февраля 1835 года. Её называли в память о прабабке Джейн, жены Чарлза Грейга и родной тётки. В России её называли по-разному: Евгения, Джейн, Дженни. У Лидии Николаевны Неезе сохранилась миниатюра с изображением Джейн, с которой она сделала мне цветную фотографию. Это был последний и самый прелестный ребёнок, которого Юлия Михайловна подарила стареющему адмиралу Грейгу. Джейн была похожа на мать, но с более открытыми, огромными глазами. Есть в её облике что-то семитское, но девушка, безусловно, красива.

**Княгиня Джейн (Евгения)
Ухтомская (Грейг).**

*С миниатюры, принадлежавшей
Л.Н. Неезе (Лейпциг).*

Жизнь её была не очень удачна. В 18 лет Джейн выдали замуж за графа Фридриха фон Цеппелина, бывшего вюртембергским поверенным в Санкт-Петербурге и одновременно камергером двора Её королевского величества королевы Ольги Николаевны. Но брак оказался драматическим: граф, как рассказала мне Лидия Николаевна Неезе, оказался гомосексуалистом. Джейн развели с мужем, и потом она вышла замуж за князя Эспера Алексеевича Ухтомского. Прожила Дженни недолго, около 35 лет, и

умерла в 1870 году. Похоронена в семейном склепе Грейгов. Предположительно умерла при родах.

Сын Э.А.Ухтомского и Джейн, князь Э.Э.Ухтомский сопровождал наследника Николая Александровича (будущего Николая II) в его путешествии на Восток. В течение года экспедиция проехала всю Сибирь и побывала в Японии. Вернувшись в Россию, Э.Э.Ухтомский издал три великолепных тома с описанием этого путешествия, с подробным рассказом о природе, народах и их быте. Иллюстрировал книги Н.Н.Каразин. С этими книгами, которые и сейчас могут служить прекрасными справочниками по географии и этнографии, я познакомился у Л.Н.Неезе. Лидия Неезе очень переживала, что станет с этими прекрасными фолиантами после её смерти, но, к сожалению, не догадалась их тут же подарить мне.

Впоследствии князь Э.Э. Ухтомский издавал газету «Санкт-Петербургские ведомости» и был председателем правления Русско-Китайского банка. О князе много пишет С.Ю.Витте в своих воспоминаниях.

К моему рассказу о потомках А.С. и Ю.М. Грейгов добавлю несколько строк о последних годах многострадальной Юлии Михайловны. По-видимому, она жила в собственном доме на Васильевском острове по Песочному переулку, тихо старясь и устраивая через знакомых, родственников и бывших друзей мужа карьеры своим сыновьям.

Лидия Николаевна Неезе рассказала мне, что когда Бисмарк служил в немецком посольстве в Петербурге, он часто бывал у Грейгов и виделся с Юлией Михайловной. Секретарь Бисмарка, впоследствии историк, Шлёцер написал книгу воспоминаний «Петербургские письма», в ко-

---

торой много места уделено Грейгам. В частности, он писал, что в молодости Юлия Михайловна была очень красивой, а в старости – наоборот, очень некрасивой, похожей на типичную старуху-еврейку. С ним можно согласиться, посмотрев на портрет Юлии Михайловны в пожилом возрасте, который висел в гостиной Неезе.

Фамильный склеп Грейгов на Смоленском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге.

В центре - могила А.С. Грейга,
справа - Ю.М. Грейг, слева - Ю.А. Штиглиц.

фото В.Е. Микитюка.

В 1873 году произошло, как мне представляется, первое официальное признание Юлии Михайловны как законной и полноправной жены А.С.Грейга. В день открытия памятника адмиралу Грейгу в Николаеве, 21 мая, прибывший на это торжество великий князь генерал-адмирал

послал приветственную телеграмму вдове адмирала Грейга. Опубликованная в «Николаевском вестнике», в «Морском сборнике» да, по-видимому, и в других, столичных газетах и журналах, эта телеграмма утешила стареющую женщину, утвердила её официальное положение и «утёрла нос» всем старым и молодым недругам-шовинистам. Это была, хоть и запоздалая, но всё же нравственная победа Юлии Михайловны.

Юлия Михайловна умерла в 1882 году в преклонном возрасте, пережив не только мужа, но и двоих дочерей. Похоронена на Смоленском кладбище в фамильном склепе Грейгов.

Ленинград – Николаев, 1991 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

От автора	6
Глава I. Два капитана	9
Капитан Джон Пол	9
Парение орлов	16
Корсар Пол Джонс	36
Капитан Осип Рибас	41
Глава II. Манящий блеск трона	45
Гастроли Эмилии Шёлль	45
Зевс и Немесида	51
В когтях орла	59
Ушедшая в неизвестность	65
Глава III. Под стенами Очакова	72
Подвиг капитана Сакена	72
Мальтийский рыцарь Ломбард	81
Контр-адмирал Поль Жонес	86
Очаковское сидение	97
Сражения на Лимане	110
Гром победы	122
Последний друг	137

Глава IV. Адмиралы или интриганы?	148
Закат и восхождение	148
де-Рибас против Мордвинова	159
Тайная проверка	166
Глава V. Заговор обречённых	177
Прекрасная Ольга Жеребцова	177
Загадочная смерть Дерибаса	185
Узник Михайловского замка	188
Удар золотой табакерки	195
Эпилог	201

КАМЕРГЕР И КОНЧИТА

Послесловие к рок-опере “Юнона” и “Авось”

От автора	214
Глава I. Начало	216
Потомок короля Алпина	216
Лейтенант Николай Хвостов	223
Гельдер	227
Камергер Николай Резанов	233
Глава II. Вояж в Японию	244
Капитан-лейтенант Иван Крузенштерн	244
Бунт морских офицеров	252
Провал миссии	262
Глава III. «Юнона» и «Авось»	282
На свиданье с зарёй – на восток	282

В Русскую Америку	286
Девять вёдер французской водки	287
Глава IV. Кончита	292
Встреча	292
Обручение	309
Жизнь «на авось»	318
Эпилог	325
Краткое послесловие автора	330

ХРАМ ВЕСТЫ

От автора	332
Встреча на Эльбе	333
Две сестры	336
Грейг и Даль	349
Отравленные годы	371
Храм Весты	387
Последние листья	393

Крючков Ю.С. На межі століть. Історичні повісті. -
Миколаїв: Видавництво Ірини Гудим, 2007. - 408 с.

До книги увійшли три твори, що охоплюють сторічний період історії Росії (1750–1850 рр.).

Літературно-художнє видання

Комп'ютерна верстка - Н.А. Тонковид

Коректор - Л.М. Кузнецова

Підписано до друку 4.06.2007. Формат 60x90^{1/16}

Папір офсетний. Гарнітура KorrinaC. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 25.5. Обл. - вид. арк. 13,3. Наклад 1 000 прим. Зам. № 45.

Видавництво Ірини Гудим

Свідоцтво про державну реєстрацію № МК 3 від 14 травня 2002 р.
54027, м. Миколаїв, вул. Адміральська, 20. Тел. (0512) 35-23-36, 35-20-18